

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2023. Том 21, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая и прикладная лингвистика

- Богинская О. А.* Осторожность vs категоричность: метадискурсивный выбор авторов научно-технических статей 5
- Боднарук Е. В.* Актуализация семантики будущего времени в англоязычном художественном дискурсе 17
- Павлина С. Ю.* Катализаторы экспрессивности политического плаката: интердискурсивность и интерсемиозис как основа поликодовой креативности 31
- Селиванова И. В.* Стратегии удержания власти в публичном дискурсе испанской монархии 45
- Чернявская В. Е.* Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности 58
- Шамина Л. К.* Противопоставление абстрактного конкретному: в поисках нейрокогнитивных обоснований лингвистической дихотомии 73

Когнитивные исследования и межкультурная коммуникация

- Девятяров Д. В., Мельник Н. В.* Структурная динамика сетевых фреймов в контексте кризиса легитимности власти в Ливийской Джамахирии (на материале интернет-комментариев) 84
- Ковалев П. А.* Интенциональность и ее репрезентация в агитационных речах монологического характера в рамках предвыборного дискурса США 2020 года 95
- Кузьмина А. А.* Концепт «луна» в якутской языковой картине мира 106

Психолингвистика

- Потапова Н. В., Румянцева А. А., Каменева В. А.* Потенциал ассоциативного эксперимента с ключевыми словами-стимулами для экспликации коммуникативной установки врачей 118

Перевод и переводоведение

- Афанасьев В. А.* «Песнь об Эарендиле» в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» в аспекте переводческой проблематики 132
- Информация для авторов 147

V E S T N I K

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2023. Volume 21, № 3

CONTENTS

Theory of Language and Applied Linguistics

- Boginskaya O. A.* Tentativeness VS Assertiveness: Metadiscourse Choices of Russian Engineering Writers 5
- Bodnaruk E. V.* Actualization of the Future Meaning in English Literary Discourse 17
- Pavlina S. Yu.* Making Political Posters Expressive: interdiscursive and intrasemiotic resources of multimodal creativity 31
- Selivanova I. V.* Verbal Strategies for Maintaining Power in Public Discourse of the Spanish Monarchy 45
- Chernyavskaya V. E.* Deontic Meaning and Pragmatics of Politically Correct Renaming 58
- Shamina L. K.* Abstract vs Concrete: in Search for Neurocognitive Justification of the Linguistic Dichotomy 73

Cognitive Studies and Intercultural Communication

- Devyatyyarov D. V., Melnik N. V.* Structural Dynamics of Network Frames in the Context of the Legitimacy Crisis in Libyan Jamahiriya (based on the Internet comments) 84
- Kovalev P. A.* Intentionality and its Representation in Monologue Campaign Speeches within the Framework of the US 2020 Election Discourse 95
- Kuzmina A. A.* Concept of the Moon in the Yakut Language World View 106

Psycholinguistics

- Potapova N. V., Rummyantseva A. A., Kameneva V. A.* The Capacity of the Associative Experiment with Keyword Stimuli to Explicate the Doctors' Communicative Intentions in the Doctor-Patient Relationship 118

Translation and Translation Studies

- Afanasev V. A.* The Song of Eärendil from The Lord of the Rings by J.R.R. Tolkien: Translation Issues 132

- Instructions for Contributors 147

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 81'1

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-5-16

Tentativeness vs Assertiveness: Metadiscourse Choices of Russian Engineering Writers

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russian Federation

olgaa_boginskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9738-8122

Abstract

The communicative features of academic discourse have been explored from different perspectives. However, these studies have been predominantly carried out on English-language material. Little is known of how rhetorical elements, including stancetaking markers, are used in Russian academic prose. The current study assumed that in order to ensure effective communication academic writers use a repertoire of stancetaking features. The theoretical basis of the study is Hyland's model of stance markers which is frequently used in studying interactional strategies found in academic discourse. As research material the articles by Russian engineering scholars derived from six academic journals were used. The analysis revealed a large number of stance items with a predominance of boosters in the article introductions selected to build the corpus. It is suggested that the differences in the employment of stance markers identified in the study reflect discipline-specific writing peculiarities of the engineering academic community, while the discursive choices made by engineering writers are constrained by discursive conventions and depend on the level of the writers' language proficiency. Despite some data limitations, the research results can be seen as a starting point for the future research of stancetaking in Russian research articles from different perspectives.

Keywords

stancetaking, research article, academic discourse, engineering, interaction, introduction, hedging, boosting

For citation

Boginskaya O. A. Tentativeness vs Assertiveness: Metadiscourse Choices of Russian Engineering Writers. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 5–16. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-5-16

Осторожность vs категоричность: метадискурсивный выбор авторов научно-технических статей

Ольга Александровна Богинская

Иркутский технический университет
Иркутск, Россия

olgaa_boginskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9738-8122

Аннотация

Коммуникативные особенности академического дискурса получили освещение в работах огромного количества исследователей. Однако большинство данных исследований были проведены на материале английского

© Boginskaya O. A., 2023

языка. Метадискурсивные маркеры русскоязычного академического дискурса являются малоизученной областью в лингвистике. В основе настоящего исследования лежит гипотеза о том, что эффективное взаимодействие в академической среде предполагает использование авторами различных стратегий представления информации и выражения отношения к пропозициональному содержанию. Теоретической основой исследования является модель интеракциональных маркеров, разработанная К. Хайлендом и регулярно используемая при анализе академического дискурса. Объектом исследования выступают две интеракциональные категории – хеджирование (ослабление иллокутивной силы высказывания) и бустинг (увеличение иллокутивной силы высказывания). В качестве материала были выбраны научные статьи ученых-инженеров, опубликованные в шести российских журналах. Анализ выявил преобладание бустеров, способствующих увеличению силы утверждения, подчеркивающих уверенность автора в истинности выдвигаемых положений и демонстрирующих приверженность собственной точке зрения. Выявленные различия в процентном соотношении бустеров и хеджей отражают присущие точным дисциплинам особенности академического письма, а дискурсивный выбор авторов ограничен дисциплинарными академическими конвенциями и предопределен уровнем владения ими письменной академической речью.

Ключевые слова

позиционирование, научная статья, академический дискурс, инженерные науки, взаимодействие, введение, хеджирование, бустинг

Для цитирования

Богинская О. А. Осторожность vs категоричность: метадискурсивный выбор авторов научно-технических статей // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 5–16. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-5-16

Introduction

Stance markers offer an interesting insight into academic discourse as rhetorical features employed to present authorial claims and enter into a dialogue with the reader. Stancetaking in research articles has been examined in a large number of studies [Alonso-Almeida, 2014; Aull, Lancaster, 2014; Belyakova, 2017; Boginskaya, 2022; Dontcheva-Navratilova, 2016; Gorina, Khrabrova, 2017; Hyland, 1998; Kozubikova, 2021; Takimoto, 2015; Varttala, 2001] being one of the most explored issues. T. Varttala, for example, explored the status of hedges in popularized articles as opposed to research papers from three disciplines [Varttala, 2001]. From the same cross-disciplinary perspective, M. Takimoto analyzed research articles to measure the frequencies of hedges in humanities, social and natural sciences [Takimoto, 2015]. L. Aull and Z. Lancaster compared undergraduate research papers and research articles to reveal stancetaking changes as researchers gain experience in academic writing [Aull & Lancaster, 2014]. O. Dontcheva-Navratilova explored cross-cultural variation in the use of hedges and boosters to identify ways in which native and non-native English writers express different degrees of commitment when presenting arguments in favour of their claims [Dontcheva-Navratilova, 2016]. M. Belyakova carried out a cross-cultural comparison of RA abstracts by Russian and Anglophone writers in geoscience to identify their stance features and found that Russian authors tend to disguise themselves to a larger extent [Belyakova, 2017]. The studies conducted on English-language materials identified discipline- and culture-specific differences in the use of stance features. It has been found that different linguistic cultures and disciplinary communities use different functional categories to create a stance in academic discourse.

While these works are valuable, there is still a complementary contribution to be made by a corpus-based study that explores the process of stancetaking in Russian academic discourse. Thus, in an attempt to contribute to literature on the rhetorical aspect of academic texts written by Russian engineering scholars, the current study focuses on the employment of stance items in Russian research article (RA) introductions written by engineering scholars. The research seeks answers to the following questions:

- (1) Which stance features – boosters or hedges – do Russian engineering authors prefer to create a stance in RA introductions?
- (2) What is the frequency of these features in the corpus?
- (3) What rhetorical functions do these features perform?

Hedging and boosting as stancetaking categories

Stance has been conceptualized as the expression of the speaker/writer's attitudes or assessments and studied in a large number of works contrasting stance features in expert and non-expert-authored articles [Barton, 1993], exploring the types of stance markers [Conrad, Biber, 2000], developing taxonomies of stance items [Hyland, 1999], and investigating lexico-grammatical categories used to express stance [Conrad, Biber, 2000; Thompson, Ye, 1991].

Previous research has shown that stance is a crucial feature of persuasive discourse, and speakers make choices about using these rhetorical devices to interact with an audience in different genres. Crismore and Farnsworth claimed that the employment of stance features such as hedges and boosters increase the persuasiveness of academic texts [Crismore, Farnsworth, 1990]. Abdi argued that stance features help establish credibility [Abdi, 2002]. The same conclusions were made by Hyland who had found that stance in CEO letters serves a persuasive function [Hyland, 1998].

Interestingly, in literature one can find a variety of other terms to describe this interactional feature. For example, S. Hunston and G. Thompson label it 'evaluation' [Hunston & Thompson, 2000], P. Martin refers to writer's viewpoints as appraisal [Martin, 2001], while A. Crismore and M. Takimoto to describe them as metadiscourse [Crismore, 1989; Takimoto, 2015].

In Russian linguistics stance as a discursive strategy has been analysed with regard to the communicative category of *categoricity/assertiveness* which includes linguistic items used to indicate the degree of the speaker's/writer's confidence and certainty [Gushchina, Nikitina, 2008; Malyshkin, 2015; Panchenko, Volkova, 2021]. Categoricity is conceptualized by linguists through semantically related concepts such as unconditional, unambiguous, decisive, ultimatum, etc.) [Aleksandrova, 2011]. An interesting interpretative analysis of the category has been presented by N. Panchenko and Ya. Volkova who have shown the relation between assertiveness and some other categories such as politeness, authority, confidence, subjectivity, and emotionality. They have convincingly proven that Russian academic discourse is characterized by a high level of assertiveness which makes it prone to conflict [Ibid.]. E. Andreeva, who explored this category as a reflection of cultural norms, indicated the relationship between this category and the categories of persuasiveness, imperativeness and evaluation [Andreeva, 2008]. The analysis of the results obtained by the Russian researchers suggested the existence of two vectors of this category — strengthening and mitigating associated with the speaker's assessment of accuracy and reliability of the propositional content. These vectors appear to be two types of stancetaking — boosting and hedging.

The term 'stance' was introduced by D. Biber and E. Finegan who defined it as "the lexical and grammatical expression of attitudes, feelings, judgments, or commitment concerning the propositional content of a message" [Biber, Finegan 1989. P. 12]. In his later study, D. Biber referred personal feelings, attitudes, value judgments, and assessments to this category [Biber et al., 2004]. One more definition of stance was provided by R. Englebretson who described stance as speakers/writers' attempts to build relations with their readers through the articulation of their views and selection of linguistic resources [Englebretson, 2007].

One of the most comprehensive definitions of stance, however, has been offered by K. Hyland who distinguishes between two dimensions of evaluation: stance and engagement [Hyland, 2005b]. Stance was conceptualized as an attitudinal dimension that includes features used by writers to present themselves and convey their judgements and opinions while engagement was referred to "an alignment dimension where writers acknowledge and connect to others, recognizing the presence of their readers, pulling them along with their argument, focusing their attention, acknowledging their uncertainties, including them as discourse participants, and guiding them to interpretations" [Hyland, 2005b. P. 176]. While stance concerns writer-oriented features and refers to the ways writers commit themselves to a proposition or convey to a proposition or the reader, engagement deals with reader-oriented features used to draw reader's attention. K. Hyland distinguishes between three components of stance: evidentiality, affect, and presence. Evidentiality, as K. Hyland put it, refers to

the writer's expressed commitment to the reliability of the proposition and its potential impact on the reader; affect involves a wide range of attitudes towards what is said; and presence concerns the extent to which the writer projects him/herself into the text [Hyland, 2005a].

The focus of the current study is two stancetaking categories described by K. Hyland as the types of evidentiality – hedges and boosters. The former are used to withhold complete commitment to a proposition, allowing information to be presented as an opinion rather than a fact, while the latter allow writers to express their certainty in what they say and to mark involvement with the topic and solidarity with their audience. In contrast to hedges that mitigate authorial claims, boosters help “suppress alternatives, presenting the proposition with conviction while marking involvement, solidarity and engagement with readers” (Hyland, 2005. P. 145). In persuasive texts, they help the writer create an impression of certainty, conviction and assurance, instil trust and confidence in readers. Boosters are therefore a crucial phenomenon in the construction of rhetorical style and production of persuasive texts. Unlike boosters, hedges are linguistic devices that convey the writer's uncertain attitude towards the respective statement and help avoid responsibility toward the utterance [Hyland, 1998; Salager-Meyer, 1994]. A. Crismore and W. Vande Kopple define hedges as elements that “signal a tentative or cautious assessment of the truth of referential information” and allow the author to reduce his/her responsibility toward the information presented [Crismore, Vande Kopple, 1988. P. 185].

Corpus and methods

The present study was conducted on a corpus of research article introductions derived from six Russian engineering journals: *IPolytech Journal*, *Frontier Materials & Technology*, *Non-Ferrous Metals*, *Advanced Engineering Research*, *Materials. Technology. Design*, and *Master's Journal*.

Having identified the target journals, 68 research article introductions ($N = 68$) were randomly selected to ensure a high degree of objectivity and comparability of texts. To eliminate the impact of publication period, only the RAs from the most recent issues of each journal published between 2017 and 2022 were selected in order to exhibit the rhetorical features of present-day Russian academic discourse. Only one RA introduction from every author was selected in order to control the impact of an individual writer's style. The size of the corpus is 45,654 words.

Thus, the corpus was built so as to ensure comparability in terms of genre (RAs), language (Russian), field (engineering), currency, and RA section (introduction).

Since the study aims to analyze and compare the use of stance features in Russian RA introductions written by engineering authors, the methods of quantitative and qualitative analyses were applied. The RA introductions were downloaded from the journals' websites, converted to the Microsoft DOCS format and analysed. The quantitative analysis assisted with WordSmith Tools 5 was conducted to reveal the frequency of stance features in RA introductions selected to build the corpus. The contrastive analysis of stancetaking categories was conducted to find potential similarities and differences between the groups.

The frequencies of **each marker** occurrence were normalized to 1,000 words, calculated, and presented in a table format.

A careful analysis of the context was conducted to interpret differences in the booster and hedge occurrence frequencies in the corpus. To ensure an in-depth exploration into stancetaking, examples from the corpus **were** studied and followed by the description of the hedge and booster rhetorical functions.

Results and discussion

Quantitative analysis of stance features in RA introductions

The outcome of the quantitative analysis shows similarities and differences in the use of the two categories of stance (boosters and hedges) by Russian engineering authors in terms of frequencies.

The results suggest that researchers seem conscious of the need to engage with the content. However, in absolute terms, the differences between the two stance categories were quite significant with boosting markers representing the majority of the features. The details are shown in Table 1.

Table 1

Frequency of hedges and boosters in the corpus

Таблица 1

Частотность использования хеджей и бустеров в корпусе текстов

Stance features	Normalized frequency and %
Hedges	11.1 (36.6)
Boosters	19.2 (63.4)
Total	30.3 (100)

Overall, 1,381 boosters and hedges have been found in the corpus. When considered for text length, the RA introductions showed a high degree of certainty. Boosters were the most frequent in the texts. Their share in the total number of occurrences was 63.4 %. The frequency of hedge occurrence per 1,000 words differed significantly. It was 11.1 compared to 19.2 boosters.

Tables 2 and 3 manifest the distribution of hedging and boosting devices by the types suggested by K. Hyland and H. Zou [Hyland, Zou, 2021]. For the purposes of this study, we slightly modified the taxonomy of boosting devices by adding one more type — solidarity markers — which also seem to enhance the degree of commitment to the propositional content.

Table 2

Hedging type frequency

Таблица 2

Частотность типов хеджирования

Hedges	Normalized frequency and %
Plausibility hedges	6.8 (61.2)
Downtoners	3.2 (28.8)
Rounders	1.1 (10)
Total	11.1 (100)

Table 3

Boosting type frequency

Таблица 3

Частотность типов бустинга

Boosters	Normalized frequency and %
Certainty markers	8.9 (46.4)
Extremity markers	2.9 (15.1)
Intensity markers	5.3 (27.6)
Solidarity markers	2.1 (10.9)
Total	19.2 (100)

In the following sub-section, the functions of hedging and boosting in the analyzed texts will be explained.

Qualitative analysis of stance features in RA introductions

Hedges

Hedges downplay “a writer’s commitment to a proposition, modifying its scope, relevance or certainty” [Hyland, 2005. P. 176] and helping to acknowledge alternative viewpoints. They withhold commitment to the presented proposition and are used to steer the reader to the conclusion or reasoning of the writer’s choice.

Table 2 shows that the types of hedging found in the corpus differed in the occurrence frequencies. As can be seen from the table, plausibility hedges clearly prevail. They were employed to recognize the limitations of claims and to show the authors’ reservations about the accuracy of their statements by moderating the way of expressing ideas. Here is an example of the plausibility hedges that indicate that the statement is based on an assumption rather than facts.

Современные тенденции развития строительного гидропривода предполагают повышение его эффективности за счет применения объемных регулируемых машин с гидравлическим управлением. ‘Modern trends in the development of a construction hydraulic drive **suggest** an increase in its efficiency through the use of volumetric adjustable machines with hydraulic control.’

The hedge signals an awareness of alternative viewpoints and seeks to avoid potential criticism. In the following example, the plausibility hedge also signals that the claim is based on the author’s assumptions:

*Двухфазная мостовая схема **может** быть использована и с другими электронными приборами.* ‘The two-phase bridge circuit **can be** used with other electronic devices.’

The frequency of downtoners was not significant compared to the plausibility hedges, which indicates that the writers tended to protect themselves against inaccuracy of research results to a lesser extent. In the following example, *достаточно* ‘rather’ as a downtoner mitigates the intensity of the statement.

*Однако получение композитов Мо-Си с **достаточно** высокой плотностью является трудной задачей.* ‘However, obtaining Mo-Cu composites with **a sufficiently** high density is a difficult task.’

The downtoners used in this example lessens the certainty of the authorial claim.

In the below-cited example, the downtoner *обычно* ‘usually’ might convey a certain qualification with regard to the degree of accuracy of the claim, demonstrating that the statement might be inaccurate [Hyland, 1998].

*К достоинствам УЗС относится и высокая производительность процесса: **обычно** длительность ультразвукового воздействия не превышает нескольких секунд.* ‘The advantages of USS include its high productivity: the duration of ultrasonic exposure does not **usually** exceed a few seconds.’

One more type of hedging — rounders indicating an approximation — was rather scarce. Such low frequency can be explained by the fact that results of the numerical assessment are usually described in other sections of the RA, while the Introduction aims to arouse the reader’s interest and orient him/her as to the importance of the research problem. However, several instances of this type of hedging were found. Here is an example from the corpus:

*Использование метода ионного уноса материала ... позволяет повысить износостойкость детали **приблизительно** в три раза.* The ionic bleed material method ... increases wear resistance of the part by **approximately** three times.

By making the number a little fuzzy, the adverb employed as a rounder expresses approximation, thereby making the claim less persuasive.

Boosters

In contrast to hedges, boosters function by “presenting the proposition with conviction while marking involvement, solidarity and engagement with readers” [Hyland, 2005a. P. 145]. The analysis has revealed the highest frequency of these devices per 1,000 words in the corpus. The higher frequency of boosters might be attributed to the disciplinary belief that truth is self-evident without the need for argument. Experiential knowledge and empirical evidence are crucial in reasoning, while possible counterarguments are given less attention. The frequent use of boosters by engineering authors indicates that they tend to occupy a stronger stance and are more keen to express their convictions and highlight the significance of their studies. As K. Hyland claims, writers use boosters to emphasize the strength and suggest the efficacy of the relationship between data and claims which is relevant to hard sciences [Hyland, 1998].

Similar to hedges, the types of boosting differ numerically. Table 3 shows that certainty markers were the most frequent type followed by intensity markers. Extremity and solidarity markers were rarely employed in the corpus.

Certainty markers are used to indicate the writer’s epistemic conviction. In addition to claiming the accuracy of research results, writers employ these devices to emphasize the importance of the study and exclude alternative views from the readers.

*Анализ зарубежных источников [12–14] **показал** высокий интерес к указанной проблеме.* ‘An analysis of foreign sources [12–14] **showed** a high interest in this issue.’

In the above example, the authors anticipate possible responses from the reader but choose to prevent them. The boosting verb *показал* ‘showed’ is used to claim that the truth the authors are discussing is evidential.

Intensity markers function by amplifying the emotive strength of a statement. In contrast to certainty items, they give affective colour rather than epistemic assurance to the authorial claims.

*Доменные газы имеют **очень** низкую теплотворную способность.* ‘Blast furnace gases have a very low calorific value’.

The frequency and percentage use of solidarity markers show that they are scarce in the corpus with only 10.9 % of all the boosters found. These markers contribute to the persuasiveness of authorial claims through the appeal to shared knowledge. The use of these boosting resources demonstrates that authors expect the audience to be familiar with certain facts and feel solidarity thus taking the audience’s knowledge for granted. Here is an example from the corpus.

***Известно, что** технология ПЭО позволяет управлять фазовым составом и свойствами оксидных слоев.* ‘**It is common knowledge that** PEO technology makes it possible to control the phase composition and properties of oxide layers.’

Finally, extremity markers “emphasize the upper edge of a continuum” [Ibid. P. 8], as in here:

*Теплотворная способность является основной и **самой важной** характеристикой топлива.* ‘Calorific value is the main and **most important** characteristic of fuel’.

By upgrading the proposition, the writers emphasize the importance of the property without the need for elaboration.

Discussion and Conclusions

The intent of the present study was to contribute to a better understanding of disciplinary aspects of academic discourse and to provide an answer to the question of how writers in engineering present

themselves and the propositional content in academic communication. This study aimed to explore variation in the employment of two stancetaking categories — boosters and hedges — in a corpus of RA introductions written by Russian authors which previously did not attract much attention of linguists. The analysis of the RA introductions has shown that the Russian authors widely engage readers in a kind of dialogue and leave authorial traces in their texts taking explicitly involved positions.

The RA introductions contained 1,381 stance markers with boosters being the most frequent stance feature. The frequency of hedge occurrence differed significantly. It was 11.1 compared to 19.2 boosters.

The differences in the employment of the two types of stance marker identified in the study reflect discipline-specific writing peculiarities of the engineering academic community. We can assume that Russian engineering authors seem to produce their academic texts relying on previously written texts thus following some well-established standards that are difficult to overlook. According to C. Berkenkotter and T. Huckin, academic writers are social actors who are familiar with disciplinary conventions [Berkenkotter, Huckin, 1995]. In the same vein, K. Hyland argues that the scholars need to ratify their claims in order to obtain collective agreement that their data represent facts rather than opinions [Hyland, 2008]. The rhetorical choices made by academic writers are typically constrained by the discursive conventions and rhetorical styles of each discipline [Takimoto, 2015]. The compliance with discipline norms is required for authorial claims to be accepted by the disciplinary community. “Discoursal decisions are influenced by, and embedded in, the epistemological and interactional conventions of their discipline” [Hyland, 1998. P. 349].

The differences in the use of the two types of stance by the Russian engineering scientists might be also due to poorly developed academic writing skills. In a slightly different context, Hyland suggests that non-native English speakers tend to use boosters, while native English speakers prefer to soften the illocutionary force of a proposition [Hyland, 1998]. I can assume that the level of language proficiency has a direct impact on the choice of stancetaking patterns. The ways of producing new knowledge in the engineering science influence the level of written language proficiency, including the academic style. Representatives of hard sciences rely on the word to a lesser extent, mainly exploiting quantitative indicators. Hedging is considered to be a sign of highly developed language proficiency.

One more reason for the extensive use of boosters as linguistic items creating a stance in academic discourse is Russian academic writing style described by T. Larina and D. Ponton as categorical/assertive [Larina, Ponton, 2022]. The researchers emphasize that mitigating tools are usually non-existent in Russian language reviews being replaced by means of imperative modality, which adds a categorical tone to the statements.

It should be admitted that the research results presented here are limited due to a comparatively small corpus of RA introductions. The generalization of the research results requires more support from a larger number of research articles. We find it essential to continue this research using data from other disciplines. Diachronic variation in the employment of stance features could be also of interest. It is of great interest to study how expert academic writers know when to use stance items in their texts or how stance affects reviewers.

References

- Abdi, R.** Interpersonal metadiscourse: An indicator of interaction and identity. *Discourse Studies*, 2002, no. 4(2), p. 39–45.
- Aleksandrova, Z. E.** The dictionary of Russian language synonyms. A practical guide. 2011. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonyms/ (accessed on 10 September 2019). (in Russ.)
- Al-Khasawneh F. M.** A genre analysis of research article abstracts written by native and non-native speakers of English. *Journal of Applied Linguistics and Language Research*, 2017, no. 4(1), pp. 1–13.

- Alonso-Almeida, F.** Evidential and epistemic devices in English and Spanish medical, computing and legal scientific abstracts: A contrastive study. In: Bondi, M., Lorés Sanz, R. Abstracts in Academic Discourse: Variation and Change. Bern, Peter Lang, 2014, pp. 21–42.
- Andreeva, E. G.** Language and culture: categorical statements as a reflection of socio-cultural norms in language models. Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities, 2008, no. 9 (1), pp. 242–251. (in Russ.)
- Aull, L. L., Lancaster, Z.** Linguistic Markers of Stance in Early and Advanced Academic Writing: A Corpus-Based Comparison. Written Communication, 2014, no. 31, pp. 151–183.
- Barton, E. L.** Evidentials, argumentation, and epistemological stance. College English, 1993, vol. 5, pp. 745–769.
- Belyakova, M.** English-Russian cross-linguistic comparison of research article abstracts in geoscience. Estudios de Lingüística Universidad de Alicante, 2017, no. 31, pp. 27–45.
- Berkenkotter, C., Huckin, T.** Genre Knowledge in Disciplinary Communication: Cognition/Culture/Power. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum, 1995, 190 p.
- Biber, D., Finegan, E.** Styles of stance in English: Lexical and grammatical marking of evidentiality and affect. Text & Talk, 1989, no. 9, pp. 124–193.
- Biber, D., Conrad, S., Cortes, V.** If you look at ...: Lexical Bundles in University Teaching and Textbooks. Applied Linguistics, 2004, no. 25(3), pp. 371–405.
- Boginskaya, O.** Creating an authorial presence in English-medium research articles abstracts by academic writers from different cultural backgrounds. International Journal of Language Studies, 2022, no. 16(2), pp. 49–70.
- Conrad, S., Biber, D.** Adverbial marking of stance in speech and writing. In: Hunston, C., Thompson, G. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse. Oxford, Oxford University Press, 2000, pp. 56–73.
- Crismore, A.** Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act. New York, Peter Lang, 1989, 282 p.
- Crismore, A., Farnthworth, R.** Metadiscourse in popular and professional science discourse. In: Nash, W. The writing scholar: Studies in academic discourse. Newbury Park, C.A., Sage, 1990, pp. 118–136.
- Crismore, A., Vande Kopple, W.** Reader's learning from prose. The effect of hedges. Written communication, 1998, no. 5(2), pp. 184–202.
- Dontcheva-Navratilova, O.** Some functions of self-reference in diplomatic addresses. Discourse and Interaction, 2008, no. 1(1), pp. 7–24.
- Englebretson, R.** Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction. Amsterdam, John Benjamins, 2007, 323 p.
- Gorina, O., Khrabrova, V.** Linguistic hedging as a communicative strategy (within the scope of corpus studies). NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2017, no. 15(3), pp. 44–53.
- Gushchina, G. I.** Category of categorical / non-categorical in the system of communication (on the material of Russian and English dialogues). Bulletin of the Bashkir University, 2008, no. 13(4), pp. 982–985. (in Russ.)
- Hu, G., Cao, F.** Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English-and Chinese-medium journals. Journal of Pragmatics, 2011, no. 43(11), pp. 2795–2809. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2011.04.007>
- Hunston, S., Thompson, G.** Evaluation in Text. Oxford, Oxford University Press, 2000, 225 p.
- Hyland, K.** Disciplinary discourses: writer stance in research articles. In: Candlin, C.N., Hyland, K. Writing: texts, processes and practices. London, Longman, 1999, pp. 99–121.
- Hyland, K.** Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. London, Continuum, 2005a, 230 p.
- Hyland, K.** Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. Discourse Studies, 2005b, pp. 173–192.

- Hyland, K.** Persuasion, interaction and the construction of knowledge: Representing self and others in research writing. *International Journal of English Studies*, 2008, no. 8(2), pp. 1–23.
- Hyland, K., Zou, H.** “I believe the findings are fascinating”: Stance in three-minute these. *Journal of English for Academic Purposes*, 2001, no. 50, p. 100973.
- Kozubíková Šandová, J.** Interpersonality in research article abstracts: a diachronic case study. *Discourse and Interaction*, 2021, no. 14(1), pp. 77–99.
- Larina, T. V., Ponton, D. M.** I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im) politeness and face in the English and Russian blind peer review. *Journal of Politeness Research*, 2022, 18(1), pp. 201–226.
- Malyshekin, K. Yu., Nikitina, L. B.** Lexico-grammatical markers of the categoricalness of the statement. *Omsk scientific bulletin*, 2014, no. 5(132), pp. 108–110. (in Russ.)
- Martin, pp.** Epistemic Modality in English and Spanish Psychological tests. *Revista de lenguas para fines específicos*, 2001, no. 8, pp. 195–208.
- Panchenko, N. N., Volkova, Ya. A.** Categoricalness in scientific discourse. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 14(4), pp. 535–543.
- Salager-Meyer, F.** Hedges and textual communicative function in medical English written discourse. *English for Specific Purpose*, 1994, no. 13(2), pp. 149–170.
- Takimoto, M.** A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 2015, no. 5(1), pp. 95–105.
- Thompson, G., Ye, Y.** Evaluation in the reporting verbs used in academic papers. *Applied Linguistics*, 1991, no. 12(4), pp. 365–382.
- Varttala, T.** Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variatio. Tampere, University of Tampere, 2001, 321 p.

Список литературы

- Александрова З. Е.** Словарь синонимов русского языка. Практическое руководство, 2011. http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата доступа: 11 сентября 2022).
- Андреева Е. Г.** Язык и культура: категоричность высказывания как отражение социокультурных норм в языковых моделях // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2008. № 9(1). С. 242–251.
- Горина О. Г., Храброва В. Е.** Лингвистический хеджинг как коммуникативная структура (в русле корпусных исследований) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. Т. 15, № 3. С. 44–53.
- Гущина Г. И.** Категория категоричности/некатегоричности высказывания в системе норм речевой коммуникации (на материале русских и английских диалогов) // *Вестник Башкирского университета*. 2008. №. 13(4). С. 982–985.
- Малышкин К. Ю., Никитина Л. В.** Лексико-грамматические маркеры категоричности высказывания // *Омский научный вестник*. 2014. № 5(132). С. 108–110.
- Abdi R.** Interpersonal metadiscourse: An indicator of interaction and identity. *Discourse Studies*, 2002, no. 4(2), p. 39–45.
- Aleksandrova Z. E.** The dictionary of Russian language synonyms. A practical guide. 2011. Available at: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (accessed 10 September 2019). (in Russ.)
- Al-Khasawneh F. M.** A genre analysis of research article abstracts written by native and non-native speakers of English. *Journal of Applied Linguistics and Language Research*, 2017, no. 4(1), p. 1–13.
- Alonso-Almeida, F.** Evidential and epistemic devices in English and Spanish medical, computing and legal scientific abstracts: A contrastive study. In: Bondi, M., Lorés Sanz, R. *Abstracts in Academic Discourse: Variation and Change*. Bern, Peter Lang, 2014, p. 21–42.

- Andreeva, E. G.** Language and culture: categorical statements as a reflection of socio-cultural norms in language models. *Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2008, no. 9 (1), p. 242–251. (in Russ.)
- Aull, L. L., Lancaster, Z.** Linguistic Markers of Stance in Early and Advanced Academic Writing: A Corpus-Based Comparison. *Written Communication*, 2014, no. 31, p. 151–183.
- Barton, E. L.** Evidentials, argumentation, and epistemological stance. *College English*, 1993, vol. 5, p. 745–769.
- Belyakova, M.** English-Russian cross-linguistic comparison of research article abstracts in geoscience. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*, 2017, no. 31, p. 27–45.
- Berkenkotter, C., Huckin, T.** Genre Knowledge in Disciplinary Communication: Cognition/Culture/Power. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum, 1995, 190 p.
- Biber, D., Finegan, E.** Styles of stance in English: Lexical and grammatical marking of evidentiality and affect. *Text & Talk*, 1989, no. 9, p. 124–193.
- Biber, D., Conrad, S., Cortes, V.** If you look at ...: Lexical Bundles in University Teaching and Textbooks. *Applied Linguistics*, 2004, no. 25(3), p. 371–405.
- Boginskaya, O.** Creating an authorial presence in English-medium research articles abstracts by academic writers from different cultural backgrounds. *International Journal of Language Studies*, 2022, no. 16(2). P. 49–70.
- Conrad, S., Biber, D.** Adverbial marking of stance in speech and writing. In: Hunston, C., Thompson, G. *Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse*. Oxford, Oxford University Press, 2000, p. 56–73.
- Crismore, A.** Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act. New York, Peter Lang, 1989, 282 p.
- Crismore, A., Farnthworth, R.** Metadiscourse in popular and professional science discourse. In: Nash, W. *The writing scholar: Studies in academic discourse*. Newbury Park, C.A., Sage, 1990, p. 118–136.
- Crismore, A., Vande Kopple, W.** Reader's learning from prose. The effect of hedges. *Written communication*, 1998, no. 5(2), p. 184–202.
- Dontcheva-Navratilova, O.** Some functions of self-reference in diplomatic addresses. *Discourse and Interaction*, 2008, no. 1(1), p. 7–24.
- Englebretson, R.** Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction. Amsterdam, John Benjamins, 2007, 323 p.
- Gushchina, G. I.** Category of categorical / non-categorical in the system of communication (on the material of Russian and English dialogues). *Bulletin of the Bashkir University*, 2008, no. 13(4), p. 982–985. (in Russ.)
- Hu, G., Cao, F.** Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English-and Chinese-medium journals. *Journal of Pragmatics*, 2011, no. 43(11), p. 2795–2809. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2011.04.007>
- Hunston, S., Thompson, G.** *Evaluation in Text*. Oxford, Oxford University Press, 2000, 225 p.
- Hyland, K.** Disciplinary discourses: writer stance in research articles. In: Candlin, C.N., Hyland, K. *Writing: texts, processes and practices*. London, Longman, 1999, p. 99–121.
- Hyland, K.** *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London, Continuum, 2005a, 230 p.
- Hyland, K.** Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*, 2005b, p. 173–192.
- Hyland, K.** Persuasion, interaction and the construction of knowledge: Representing self and others in research writing. *International Journal of English Studies*, 2008, no. 8(2), p. 1–23.
- Hyland, K., Zou, H.** “I believe the findings are fascinating”: Stance in three-minute these. *Journal of English for Academic Purposes*, 2001, no. 50, p. 100973.
- Kozubíková Šandová, J.** Interpersonality in research article abstracts: a diachronic case study. *Discourse and Interaction*, 2021, no. 14(1), p. 77–99.

- Larina, T. V., Ponton, D. M.** I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im) politeness and face in the English and Russian blind peer review. *Journal of Politeness Research*, 2022, 18(1), pp. 201–226.
- Malyshkin, K. Yu., Nikitina, L. B.** Lexico-grammatical markers of the categoricalness of the statement. *Omsk scientific bulletin*, 2014, no. 5(132), p. 108–110 (in Russ.).
- Martin, P.** Epistemic Modality in English and Spanish Psychological tests. *Revista de lenguas para fines específicos*, 2001, no. 8, p. 195–208.
- Panchenko, N. N., Volkova, Ya. A.** Categoricalness in scientific discourse. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 14(4), p. 535–543.
- Salager-Meyer, F.** Hedges and textual communicative function in medical English written discourse. *English for Specific Purpose*, 1994, no. 13(2), p. 149–170.
- Takimoto, M.** A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 2015, no. 5(1), p. 95–105.
- Thompson, G., Ye, Y.** Evaluation in the reporting verbs used in academic papers. *Applied Linguistics*, 1991, no. 12(4), p. 365–382.
- Varttala, T.** Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variatio. Tampere, University of Tampere, 2001, 321 p.

Информация об авторе

Богинская Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Иркутского национального исследовательского технического университета

Information about the Author

Olga A. Boginskaya, Doctor of Philology, Professor at the Department of Foreign Languages, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

*Статья поступила в редакцию 22.09.2022;
одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 09.06.2023*

*The article was submitted 22.09.2022;
approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 09.06.2023*

Научная статья

УДК 81.111'42+821.111'366.584 (045)

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-17-30

Актуализация семантики будущего времени в англоязычном художественном дискурсе

Елена Владимировна Боднарук

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
Архангельск, Россия

e.bodnaruk@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4405-4513>

Аннотация

В статье производится комплексный анализ языковых средств, служащих для выражения футурального значения в английском языке. Материалом для исследования послужила прямая речь художественного произведения британского автора, из которой методом сплошной выборки были извлечены 1695 примеров, содержащих предикативные единицы грамматического и лексико-грамматического характера с семантикой будущего времени. Изучение извлеченных языковых единиц осуществлялось с применением методов компонентного, дистрибутивного, контекстуального и количественного анализа. Результаты проведенного исследования обнаружили значительный репертуар языковых средств, с разной степенью дискретности выражающих футуральную семантику. Среди грамматических форм индикатива наибольшей частотностью характеризовались Future Indefinite и Present Indefinite, среди форм сослагательного наклонения лидировала форма *would* + инфинитив. Очень высокую частотность показал императив. Из лексико-грамматических средств довольно частотными были *be going to* + инфинитив и *can* + инфинитив. Формы разрядов Continuous и Perfect оказались значительно менее употребительными. Было обнаружено, что при употреблении в контекстах будущего времени у грамматических форм разряда Continuous частично утрачивается значение длительности, а у форм разряда Perfect – семантика перфектности, что приводит к определенной нейтрализации их видовых характеристик. Грамматические формы с основным значением будущего времени имели тенденцию к использованию в абсолютном временном значении, в то время как формы, у которых значение будущего является вторичным – типа Present Indefinite, Present Perfect, Past Subjunctive – предрасположены к выражению относительного временного значения в зависимой предикации.

Ключевые слова

будущее время, грамматические формы, лексико-грамматические конструкции, английский язык, художественный дискурс

Для цитирования

Боднарук Е. В. Актуализация семантики будущего времени в англоязычном художественном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 17–30. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-17-30

© Боднарук Е. В., 2023

Actualization of the Future Meaning in English Literary Discourse

Elena V. Bodnaruk

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
Arkhangelsk, Russian Federation

e.bodnaruk@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4405-4513>

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of linguistic means that serve to express the future meaning in English. The material for the study was the direct speech of a novel written by a British author, from which 1,695 examples containing predicative grammatical and lexico-grammatical units with the future meaning were extracted by continuous sampling. The study of the extracted language units was carried out using componential, distributive, contextual and quantitative analyses. The results of the study revealed a significant repertoire of linguistic means, expressing the future meaning with varying degrees of discreteness. Among the grammatical forms of the indicative mood, *Future Indefinite* and *Present Indefinite* were the most frequent; among the forms of the subjunctive mood, the form *would* + infinitive was in the lead. The imperative mood showed a very high frequency, being the most common grammatical means in the contexts of the future meaning. Of the lexico-grammatical means (represented by biverbal constructions), *be going to* + infinitive and *can* + infinitive were quite frequent. The *Continuous* and *Perfect* forms turned out to be much less common. It was also found that when used in contexts of the future meaning, the grammatical *Continuous* forms partially lose the semantics of duration, and the *Perfect* forms partially lose the semantics of completeness, which leads to a certain neutralization of their aspectual characteristics. Grammatical forms with the primary future meaning tended to be used as absolute tenses, while forms with the secondary future meaning — such as *Present Indefinite*, *Present Perfect*, *Past Subjunctive* — tended to express relative temporal semantics in dependent predication.

Keywords

future meaning, grammatical forms, lexico-grammatical constructions, English language, literary discourse

For citation

Bodnaruk E. V. Actualization of the Future Meaning in English Literary Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 17–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-17-30

Введение

Исследования в области семантики языковых единиц до сих пор остаются в центре внимания научного лингвистического сообщества. Многие языковые средства, обладающие общим или сходным значением, еще требуют систематизации, комплексного изучения и описания. Комплексный подход к исследованию некоторой совокупности языковых единиц способствует пониманию их места в системе и лучшему осознанию их семантических особенностей. Благодаря такому подходу выстраиваются связи между языковыми единицами, упорядочиваются отношения между ними и выявляются их системные свойства. Значение будущего времени практически в любом языке мира обычно выражает довольно внушительный репертуар разнородных языковых средств. Не является исключением и английский язык, в котором идея футуральности поддерживается рядом грамматических и множеством лексико-грамматических единиц. Данные языковые средства по-разному соотносятся друг с другом в плане выражаемой ими семантики, в зависимости от типа высказывания, регистра, вида речи, частотности и ряда других характеристик. На сегодняшний день имеется немало работ, посвященных выражению будущего времени в английском языке. Однако большинство из них ограничиваются либо подробным описанием какой-то одной языковой единицы, либо изучением соотношения двух или нескольких разнородных средств. Попытки произвести комплексный анализ средств футуральной семантики на материале английского языка до сих пор предпринимались крайне редко и недостаточно последовательно. Данная работа может восполнить образовавшийся пробел, поскольку в ней на материале прямой речи художественного дискурса производится комплексный анализ разнородных языковых средств, участвующих в выражении значения будущего времени в английском языке.

1. Материал и методы исследования

В качестве материала исследования послужил роман британской писательницы Дж. Мойес (Moyes J. *Me before you*. Penguin books, 2012, 481 p.), из которого методом сплошной выборки были извлечены грамматические и лексико-грамматические языковые средства, эксплицирующие семантику футуральности в прямой речи. Общее количество подвергнутых анализу языковых единиц составило 1695. При работе с эмпирическим материалом были использованы общенаучные методы (сравнения, обобщения, систематизации, интерпретации) и собственно лингвистические методы компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализа. В качестве вспомогательного использовался количественный метод.

2. Теоретические основы исследования

Известно, что современный английский язык характеризуется высокой степенью аналитизма. Тенденция к аналитизму начала проявляться в древнеанглийский период, затронув в том числе категорию времени. Из бивербальных конструкций начали развиваться аналитические формы времени. Формы будущего времени *will/shall* + инфинитив зародились в древнеанглийский период на базе конструкций с модальными глаголами *долженствования* и *волеизъявления*. Примечательно, что первоначальное распределение сочетаний с *shall* и *will* (да. *sculan* и *willan*) по лицам при употреблении в контекстах будущего времени было мотивировано их модальными значениями: для сочетаний со *sculan* эта мотивированность проявляется сильнее всего во 2 и 3 л. (внешнее, по отношению к субъекту, *долженствование*), для сочетаний с *willan* – в 1 л. («*волитивность*») [Смирницкая, 1977. С. 106]. Важнейшей инновацией английского языка, способствовавшей грамматикализации данных сочетаний, явилось распределение *shall/will* в зависимости от грамматического лица, обратное их первоначальному распределению [Там же. С. 112]. Соответственно, *shall* и *will* закрепились за теми лицами, где слабее объективно-предпосылочный компонент модального значения: *shall* – за 1 л., *will* – за 2 и 3 л. Однако в ходе процесса грамматикализации закрепление глаголов за определенным лицом перестало быть нормой, в первую очередь для глагола *will*, который постепенно распространился в употреблении на все грамматические лица. О довольно значительной степени грамматикализации английского будущего времени свидетельствует наличие в разговорном английском языке стяженной формы *'ll*+инфинитив (напр., *I'll do*), впервые зарегистрированной в XVII в. [Иванова, Чахоян, 1976. С. 168]. Многие исследователи сходятся в том, что *'ll* обладает всеми признаками вспомогательного глагола. Некоторыми лингвистами данный формант рассматривается уже не как вспомогательный глагол, а как флексия будущего времени [напр., Ипатова, 2003. С. 16]. Отмечается, что формант *'ll* восходит к глаголу *will*, поскольку фонема *[ʃ]* в *shall* не поддается обычно фонетической редукции [Иванова, Чахоян, 1976. С. 168]. Данный факт свидетельствует о преимуществах *will* + инфинитив над *shall* + инфинитив в современном английском языке.

Наряду с *will/shall* + инфинитив, в английском языке имеется еще целый ряд форм с семантикой будущего времени, поскольку система времен в нем имеет комбинированный – *видовременной* – характер. Видовые противопоставления начали зарождаться в среднеанглийском периоде. Они как бы «*нанизывались*» на темпоральную систему, что в конечном итоге и привело к развитию сложного видовременного характера английской системы глагольных форм [Иванова, Чахоян, 1976. С. 183]. В этой связи в область будущего попадают не только формы *will* + инфинитив и *shall* + инфинитив – формы *Future Indefinite*, но и формы *Future Perfect*, *Future Continuous* и *Future Perfect Continuous*. Видовое значение выступает у данных форм в четком временном оформлении. В литературе, посвященной вопросу категориального статуса разрядов *Indefinite*, *Perfect*, *Continuous*, *Perfect Continuous*, отмечается также, что временные значения, на которые накладываются значения видовые, могут быть абсолютными и относительными. Так, В. В. Гуревич пишет о наличии в английском языке категорий времени и временной

соотнесенности (соответствующих абсолютному и относительному времени) [Гуревич, 2017. С. 37]. Три категории – вид (длительный/недлительный), временную отнесенность (перфектную/неперфектную) и время – выделяет в своей работе Я. Г. Биренбаум [Биренбаум, 1981. С. 50–51]. Феномен относительного временного значения заключается в нашем понимании в выражении значений предшествования, одновременности или следования по отношению к какому-либо другому действию. Относительные временные значения реализуются в прямой речи обычно в рамках придаточного предложения, зависимого от главного. Следовательно, относительным временным значением обладают прежде всего те формы и конструкции, которые тяготеют к использованию в зависимой предикации.

Возвращаясь к вопросу о формах будущего времени, следует отметить, что наряду с целым рядом аналитических грамматических единиц, внутренняя форма которых отсылает к области будущего времени, ряд других форм, основное значение которых не соотносится с областью будущего – формы Present Indefinite, Present Continuous, Present Perfect – могут транспонироваться в область футуральности. Более того, уже в среднеанглийский период появляются лексико-грамматические конструкции *be going to* + инфинитив, *be about to* + инфинитив и некоторые другие, также коррелирующие с областью будущего [Селезнева, 2013. С. 8].

3. Результаты исследования и их обсуждение

Согласно результатам эмпирического исследования, следует принять во внимание еще целый ряд языковых единиц, способных к выражению семантики будущего времени. Это, в частности, конструкции с модальными глаголами, конструкции *have to* + инфинитив и *be to* + инфинитив, некоторые формы сослагательного наклонения, формы императива и императивные конструкции с *let*. Репертуар языковых средств с футуральной семантикой в анализируемом произведении и их частотность представлены в таблице.

Степень дискретности выражения семантики будущего времени у средств, представленных в таблице, разная. Она зависит от того, является ли значение будущего времени основным – парадигматическим (напр., у формы Future Continuous), или неосновным – синтагматическим (напр., у формы Present Continuous). Во втором случае семантика будущего оказывается зависимой от контекста или ситуации общения. Кроме того, у ряда средств значение будущего времени является имплицитным и выводится из их основного значения, например, из значения побуждения, как у форм императива.

Рассмотрим особенности использования представленных в таблице языковых средств в прямой речи англоязычного художественного дискурса. Говоря об особенностях употребления, следует иметь в виду не только фактор семантики, но и структурный фактор, проявляющийся в том, в какого типа предложениях чаще используется то или иное средство. Начнем с формы, традиционно считающейся основным и наиболее специализированным средством выражения будущего в английском языке – Future Indefinite.

Очевидно, что в прямой речи художественного дискурса доминирует **Future Indefinite** с вспомогательным глаголом *will* в полной или стяженной ('ll) форме. Формы Future Indefinite используются преимущественно в простом или в главном предложении. Употребление в основной предикации свидетельствует о том, что форма создает необходимый для понимания высказывания футуральный контекст, либо служит подчеркиванию будущего действия:

'I *will* never, ever *regret* the things I've done.' (Moyes, 265)

Придаточные предложения с формами Future Indefinite, как правило, являются бессоюзными и зависят от глаголов мыслительной деятельности типа *think*, *know*, *guess*, *promise*, *hope*, *suggest*, а также структур типа *I'm (not) sure*:

'Maybe. But I'm hoping this trip *will* really *make* a difference.' (Moyes, 365)

Довольно часто формы Future Indefinite используются в главном предложении, в сопровождении придаточного с союзом *if*:

Количественные данные об употреблении грамматических
и лексико-грамматических средств выражения футуральной семантики
Quantitative data on the use of grammatical and lexico-grammatical means with future meaning

	простое/главное предложение	придаточное предложение	всего	%
Future Indefinite (will)	242	34	276	16,28
Future Indefinite (shall)	6	0	6	0,35
Future Continuous	12	1	13	0,77
Future Perfect	3	1	4	0,24
Present Indefinite	63	167	230	13,57
Present Continuous	40	9	49	2,89
Present Perfect	0	7	7	0,41
be going to + inf.	97	27	124	7,32
would + inf.	145	46	191	11,27
Past Subjunctive	0	20	20	1,18
should + inf.	22	26	48	2,83
might + inf.	29	20	49	2,89
may + inf.	8	2	10	0,59
can + inf.	89	41	130	7,67
could + inf.	51	37	88	5,19
must + inf.	8	0	8	0,47
have to + inf.	34	9	43	2,54
be (best / due) to + inf.	3	1	4	0,24
Imperative	347	0	347	20,47
let + inf.	45	0	45	2,65
be about to + inf.	1	2	3	0,18
Итого	1245	450	1695	100

‘If you get a criminal record, you *will* never *get* a college degree or a good job or anything –’ (Moyes, 459)

Формы со стяженным *’ll* оказались более частотными, чем с полной формой *will*. При этом стяженная форма была употребительнее в 1-м лице, а полная – в 3-м лице (рис. 1).

Стяженная форма, в отличие от полной, в меньшей степени способна акцентировать внимание на предстоящем действии или событии. Это подтверждают высказывания, содержащие оба варианта – *’ll* и *will*, в которых именно высказывание с *will* служит усилению акцента на будущем:

‘Move in. It *’ll* be good.’ He hugged me. ‘It *will* be really good.’ (Moyes, 300)

Несмотря на то что в большинстве грамматик есть указания на возможность использования будущего с *shall* в 1-м л. независимо от коммуникативного типа предложения [напр., Eastwood, 1999. С. 58; Foley, Hall, 2003. С. 72], в нашем эмпирическом материале высказывания с *shall* + инфинитив встретились только в вопросительном (либо квазिवопросительном) предложении со значением предложения совершить какое-то действие:

‘So, Clark. (...) Where *shall* we go this afternoon. The maze?’ (Moyes, 254)

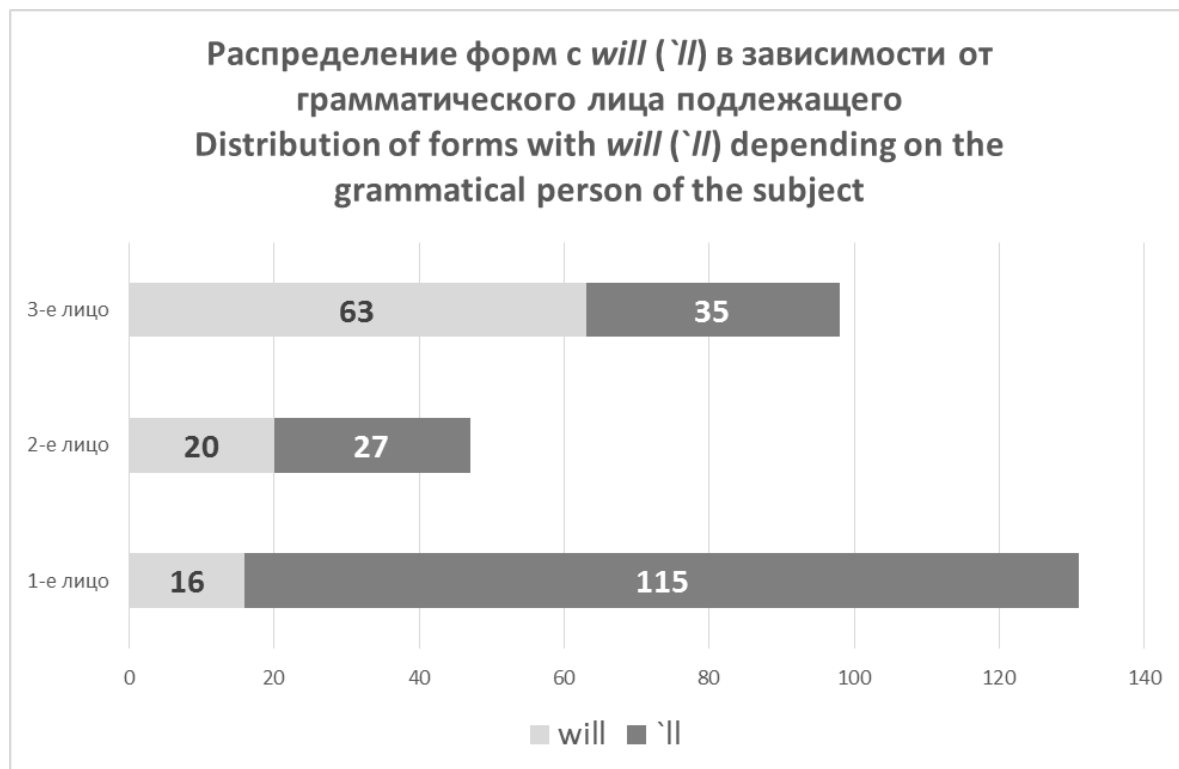

Рис. 1

Частотность использования формы **Future Continuous** в анализируемом материале относительно низкая. Форма выражает главным образом действие в процессе его протекания в какой-то момент времени в будущем. Семантика длительности может актуализироваться в ближайшем языковом контексте (например, посредством лексических указателей времени типа *all day, in an hour or so*):

‘We ... we just have to wait. The consultant *will be making* his rounds in an hour or so. He’ll be able to give us more information, hopefully.’ (Moyes, 389)

Представление о длительности действия может формироваться и благодаря ситуативному контексту:

‘I think it’s a great opportunity. She’ll *be working* in one of the big houses. For a good family.’ (Moyes, 33)

В ряде случаев значение длительности у формы **Future Continuous** может нейтрализоваться, и на передний план выходит значение информирования о предстоящем действии:

‘We *will be leaving* in eight days’ time. Are you happy, Mrs Traynor?’ (Moyes, 384)

В лингвистической литературе встречается точка зрения, согласно которой значение длительности, соотнесенное с определенным моментом времени в будущем, на сегодняшний день не характерно для **Future Continuous**. Так, О. Ю. Чуйкова полагает, что сочетание в одной глагольной форме признаков «прогрессив» и «будущее время» представляет собой сложную для восприятия и, следовательно, семантически «неудачную» комбинацию [Чуйкова, 2018. С. 23–24]. В этой связи ряд ученых считают, что **Future Continuous** все чаще используется для передачи будущего действия как такового [Иванова, 1961. С. 90; Селезнева, 2013. С. 12], т. е. синонимично форме **Future Indefinite**. Примечательно, что в некоторых грамматиках значение длительности и вовсе не упоминается при описании семантики формы **Future Continuous** [напр., Кверк, Гринбаум, Лич, Свартвик 1982. Р. 49]. Вместе с тем в нашем материале в большинстве примеров у **Future Continuous** все же в той или иной степени проявляется значение

длительности протекания действия в будущем, определяющее специфику семантики данной формы.

Форма **Future Perfect** представлена в нашем материале в очень незначительном количестве примеров и, по-видимому, в своем основном значении «передача действия, которое завершится к определенному моменту времени в будущем» [напр., Swan, 2016]:

‘My parents *will have been told* all about it.’ (Moyes, 479)

В приведенном примере отсутствует указание на время завершения действия в будущем. Такое использование формы не является исключением. Более того, некоторые исследователи полагают, что если указание на время в контексте отсутствует, то форма может выражать вовсе не перфектность (завершенность) действия, а значение будущего, которое говорящий прогнозирует с большой степенью уверенности [Селезнева, 2013. С. 12; Иванова, 1961. С. 142]. Думается, что с этой точкой зрения можно согласиться.

Форма **Future Perfect Continuous**, согласно грамматикам, должна использоваться для того, чтобы показать действие в процессе его протекания в определенный период в будущем (Next year I will have been working in the company for 30 years.) [напр., Hewings, 2013. С. 22] или для выражения действия, процессуально предшествующего другому действию (He will have been working for two hours by the time we come.) [Синагатуллин, 1991. С. 73]. Однако данная форма в литературе практически не встречается. В этой связи О. Н. Селезнева отмечает, что попытка «придумать» форму Future Perfect Continuous свидетельствует об асимметричности системы форм настоящего и прошлого с одной стороны и будущего времени с другой, так как на практике форма Future Perfect Continuous упрощается, как правило, до Future Perfect [Селезнева, 2013. С. 8]. В нашем материале данная форма не была зафиксирована.

Форма **Present Indefinite** оказалась довольно частотной. Однако она практически в три раза чаще представлена в составе придаточного предложения, нежели в простом или главном предложении. Значение будущего времени не является основным значением данной формы.

В простом предложении с помощью Present Indefinite выражается обычно запланированное действие или действие, которое гарантированно наступит (обычно в ближайшем будущем):

‘We *close* tomorrow.’ (Moyes, 12)

Данная форма часто встречается также для выражения инструкций:

‘You *go* downstairs and *tell* Mum and Dad that.’ (Moyes, 158)

Одной из важных функций данной формы в значении будущего является ее использование в придаточных предложениях времени, условия и некоторых других. Особенно частотной форма оказалась в придаточном предложении условия:

‘You can pay me back when you’re back on your feet.’ (Moyes, 16)

‘I’m just a little warm. Do you mind if I *take* my jacket off?’ (Moyes, 28)

Думается, что возможность футурального использования формы Present Indefinite может быть объяснена широтой ее семантики (обусловленной «широтой» понятия настоящего времени) и, как следствие, хорошо развитой способностью приспосабливаться к окружающему ее футуральному контексту.

Форма **Present Continuous** также может использоваться в значении будущего. И. П. Иванова полагает, что значение будущего у данной формы могло развиваться на базе значения процессуальности при употреблении глаголов движения, у которых момент завершения действия естественным образом предполагается в будущем. Затем уже не только момент завершения, но и само действие начали относить в будущее [Иванова, 1961. С. 85].

Форма используется преимущественно в составе простого предложения. Это объясняется ее семантикой. Она выражает будущее действие, относительно которого субъектом принято решение или имеется личная договоренность:

‘What *are you doing* on Saturday?’ (...) ‘We’re *going* to a wedding.’ (Moyes, 329)

Так как форма Present Continuous выражает личные договоренности и субъективные решения, она не может быть употреблена для обозначения действий, неконтролируемых человеком [Swan, 2016].

Следует согласиться с теми исследователями, которые полагают, что при выражении будущего времени *Present Continuous*, как правило, теряет свое видовое значение [напр., Рипинская, 1986. С. 100]. Однако при наличии соответствующего контекста форма может выражать одновременность с некоторым моментом в будущем (*Are you working at 6 tomorrow?*).

Форма **Present Perfect** может появляться в футуральных контекстах для обозначения действия, предшествующего другому действию. Обычно она используется в этой функции в составе придаточного предложения, что подтверждается нашими эмпирическими данными:

'We'll be fine once we've eaten.' (Moyes, 191)

Довольно частотна в нашем материале конструкция **be going to + инфинитив**, являющаяся самым распространенным средством выражения будущего времени среди лексико-грамматических средств футуральности. Ряд исследователей полагает, что в настоящее время эта конструкция находится в процессе грамматикализации и превращения в грамматическую форму будущего времени [напр., Селезнева, 2013. С. 6]. Она имеет довольно широкую семантику и в этой связи может вступать в синонимичные отношения с формой *Future Indefinite*.

Об определенной степени грамматикализации свидетельствует тот факт, что конструкция может быть употреблена для обозначения действий, неконтролируемых человеком [Swan, 2016], например, в значении предположения о будущем:

'I don't think that's going to be a problem.' (Moyes, 82)

Конструкция довольно часто подчеркивает наличие объективной предпосылки действия в настоящем. При этом на передний план выходит значение намерения, решимости совершить действие:

'So if he wants me to go to Switzerland, then yes, I'm going to go. Whatever the outcome.' (Moyes, 461)

Далее рассмотрим *неиндикативные* средства, коррелирующие с семантикой будущего времени. Согласно традиционной точке зрения, в английском языке имеется три наклонения – изъявительное (индикатив), побудительное и сослагательное [напр., Хомутова, 2008. С. 21]. Существуют и другие трактовки системы наклонения, включающие как большее количество наклонений (как правило, за счет переосмысления сослагательного наклонения [Воронцова, 1960. С. 240–299; Смирницкий, 1959. С. 341–354]), так и меньшее (например, за счет отрицания сослагательного наклонения [Бархударов, 1975. С. 129–136]). В контекстах будущего времени довольно частотной оказалась форма **would + инфинитив**, которую следует отнести к системе форм сослагательного наклонения несмотря на то, что глагол *would* в ее составе еще может сохранять следы семантики волеизъявления. Между тем наличие в разговорном английском языке стяженных форм глагола *would* → *'d* свидетельствует о том, что в отношении данной формы можно говорить о довольно высокой степени грамматикализации, но все же еще не достигающей того уровня, который демонстрирует форма *will + инфинитив*. Эмпирические данные показывают, что в отличие от *will + инфинитив* *would+инфинитив* значительно чаще встречается с *would* в полной, а не стяженной форме (рис. 2).

Палитра употребления *would + инфинитив* в значении будущего времени довольно широкая. Благодаря наличию сослагательной семантики, способствующей смягчению высказывания, форма часто используется для подчеркивания вежливого тона общения. Она довольно частотна при выражении вежливой просьбы, вежливого совета, согласия или отказа:

'I just think it would be good if you took some air,' she said. (Moyes, 117)

'That would be a good idea.' (Moyes, 130)

Пожелания и желания говорящего могут быть построены с *would + инфинитив*:

'I'd like a table for three, please. (Moyes, 189)

С помощью данной формы можно обсудить в гипотетическом ключе какие-то будущие действия:

I bet we could come up with some brilliant things for him to do. Things that would really make him happy.' (Moyes, 162)

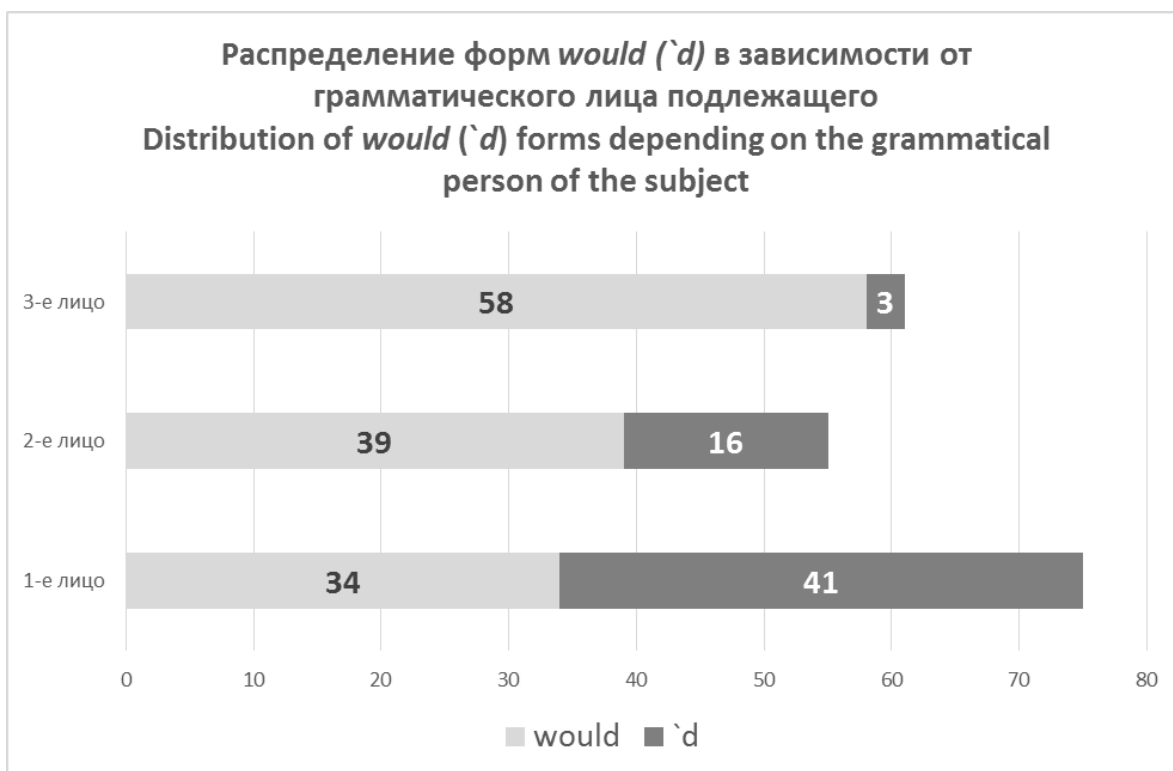

Рис. 2

В отношении будущего чаще следует говорить именно о гипотетическом характере действия, нежели об ирреальном, поскольку будущее «открыто» для влияния, и действия, о которых идет речь, еще могут произойти. Однако в ряде случаев ситуация общения может указывать на ирреальный характер действия:

'Do you know what I *would do* if I were you? (...) I'd be doing night school.' (Moyes, 263)

Между гипотетичностью и ирреальностью в области будущего находятся и высказывания с формой **Past Subjunctive**. Данная форма обычно относится исследователями к системе сослагательного наклонения. Однако по поводу ее обозначения до сих пор нет единства во мнениях [Смирницкий, 1959. С. 341–354; Гуревич, 2017. С. 41–45]. Выбранное нами для данной работы обозначение также не вполне удачно, поскольку его компонент Past непротиворечив только в формальном плане, но не в плане семантики. Однако данное обозначение кажется более удачным, чем совершенно нейтральное Subjunctive II. Форма Past Subjunctive встречается преимущественно в придаточном предложении с союзом *if*, выступая своего рода компаньоном формы *would* + инфинитив или конструкций с модальными глаголами (*could*, *might*) в главном предложении:

'Madam, I have explained the situation to you. If we *relaxed* the rules for you, we'd have to do it for everyone.' (Moyes, 190)

Реже можно встретить данную форму в других придаточных предложениях:

'And I keep thinking ... maybe it's time I *did* what you're doing' (Moyes, 370)

Конструкция **should + инфинитив**, которая также причисляется некоторыми исследователями к формам сослагательного наклонения [напр., Воронцова, 1960], является менее грамматикализованной, чем *would* + инфинитив. *Should* в большей степени, чем *would*, сохраняет свое лексическое значение необходимости и, соответственно, *should* + инфинитив едва ли мо-

жет считаться аналитической грамматической формой. По своему категориальному статусу она ближе к конструкциям с модальными глаголами. В контекстах будущего времени в анализируемом произведении конструкция встретила преимущественно в значении «следует», «следовало бы»:

‘Come on, Lissa. I think we *should* leave.’ (Moyes, 64)

В ряде примеров она была использована в значении предположения:

‘Nathan *should be* able to show you how the ramp works.’ (Moyes, 37)

Конструкции с модальными глаголами **may + инфинитив, might + инфинитив, can + инфинитив, could + инфинитив, must + инфинитив** оказались довольно частотными в контекстах будущего времени. Значение будущего времени актуализируется у них благодаря соединению их семантики с условиями контекста или ситуации общения. Как известно, модальные глаголы имеют эпистемическое и неэпистемическое употребление. Неэпистемическое употребление объединяет в себе значения возможности, необходимости и желания осуществления действия. При неэпистемическом употреблении модальным глаголам в той или иной степени ингерентно свойственна семантика направленности действия в будущее [Боднарук, 2019. С. 76]. Именно поэтому модальные глаголы часто грамматизируются во вспомогательные глаголы аналитических форм будущего времени в различных языках мира, а также составляют конкуренцию собственно грамматическим средствам выражения футуральной семантики. В свою очередь при эпистемическом употреблении говорящим оценивается полнота знания о действии, представленном в пропозиции. В контекстах будущего речь в этом случае идет об оценивании предстоящего действия по шкале уверенности, от уверенного предположения до неуверенности в том, что действие произойдет.

Продemonстрируем футуральное употребление модальных глаголов на примере конструкции **can + инфинитив**. Думается, что высокая частотность данной конструкции может объясняться широтой семантики *возможности* как таковой. При неэпистемическом употреблении речь может идти как о физической, так и об умственной, морально-этической возможности и т. д.:

She shook her head. ‘I *can’t* go to an interview tomorrow.’ (Moyes, 443)

Значение возможности, в свою очередь, может переосмысливаться в эпистемическое значение предположения, особенно если подлежащее используется в 3 лице:

Is there any chance you *could* stay over tonight? Nathan *cannot* do it. (Moyes, 103)

В контекстах будущего времени могут появляться также конструкции, близкие по семантике к конструкциям с модальными глаголами. Речь идет о **have to + инфинитив и be (best / due) to + инфинитив**, выражающих чаще всего значение необходимости, возникшей в силу каких-либо внешних обстоятельств или договоренности:

‘This is exactly the time you *have to* think about it.’ (Moyes, 444)

‘We’re *due to* fly out the day before.’ (Moyes, 428)

Наибольшую частотность в нашем эмпирическом материале показывает форма **императива**. Выражая семантику побуждения к действию, императив относит выполнение самого действия в область будущего. Будучи грамматическим средством выражения побуждения, императив представляется нейтральным и одним из наиболее значимых средств императивной семантики [Боднарук, 2018. С. 69–73]. Очень высокая частотность императива в нашем материале обуславливается не только чрезвычайной широтой его императивной семантики, но и наличием в исследуемом произведении большого количества диалогов неофициального характера. Именно общение между близкими по возрасту и/или по социальному статусу людьми очень способствует использованию в прямой речи императива. Однако и в общении между людьми разного социального положения и возраста императив может быть вполне уместен:

‘Come with us,’ he said. (...) ‘*Don’t* go, Clark. Please.’ (Moyes, 436)

Для придания более официального тона высказыванию или для его усиления императив может сопровождаться вспомогательным глаголом:

‘So you have come via the Job Centre advertisement, is that right? *Do sit down.*’ (Moyes, 26)

С другой стороны, императив довольно часто используется в качестве средства привлечения внимания к чему-то важному с точки зрения говорящего и одновременно придания высказыванию непринужденности:

‘*Come on, Clark. What’s the problem?*’ (Moyes, 87)

С семантикой побуждения используется в контекстах будущего времени и конструкция **let + инфинитив**. Побуждение при этом высказывается не в отношении 2 лица, а в отношении 1 или 3 лица. Таким образом, данная конструкция как бы дополняет формы императива, адресованные собеседнику. Высказывается даже мнение о том, что **let + инфинитив** является частью парадигмы императива [напр., Воронцова, 1960. С. 250–258]. Мы же склонны считать **let + инфинитив** синтаксической конструкцией.

Обращение к 1 лицу (*let’s, let us, let me*):

‘*Let’s discuss this some other time.*’ (Moyes, 166)

Обращение к 3 лицу (*let him, let her* и под.):

‘*Let him sleep.*’ (Moyes, 102)

И наконец, конструкция **be about to + инфинитив** используется для указания на то, что что-то произойдет в самом ближайшем будущем, или обозначает будущее как выражение спонтанной готовности:

‘*I am about to begin the strangest day of my life.*’ (Moyes, 465)

Данная конструкция имеет наименьшую частотность в нашем материале.

Выводы

Для выражения будущего времени в английском языке используется весьма внушительный объем языковых средств. Часть из них собственно грамматические, относящиеся к изъявительному, сослагательному и повелительному наклонению. Помимо грамматических, в выражении футурального значения принимают активное участие и лексико-грамматические средства (как правило, это бивербальные конструкции со вторым компонентом в форме инфинитива – конструкции с модальными глаголами, с глаголом *let* и некоторые другие). Из грамматических средств индикатива особую частотность показали Future Indefinite (в простом и главном предложении) и Present Indefinite (в придаточном предложении). В области сослагательного наклонения следует отметить **would+инфинитив**. Очень высокую частотность продемонстрировал в нашем эмпирическом материале императив. Из лексико-грамматических средств довольно употребительными были конструкции **be going to + инфинитив** и **can + инфинитив**.

При употреблении в контекстах будущего времени грамматические формы разряда Continuous склонны частично утрачивать значение длительности, а формы разряда Perfect – значение перфектности. Таким образом, проявляется определенная нейтрализация видовой семантики, что может объясняться особенностями будущего времени, представленного в сознании говорящего менее детализированным и четко очерченным, чем настоящее и прошлое.

При анализе эмпирического материала обнаружилось, что грамматические формы с основным значением будущего имеют тенденцию к использованию в абсолютном временном значении (к выражению действия, следующего за моментом речи говорящего), т. е. в простом или главном предложении, в то время как формы типа Present Indefinite, Present Perfect, Past Subjunctive предрасположены к выражению относительного временного значения в зависимой предикации. Впрочем, в большинстве случаев имеется возможность использовать рассматриваемые формы и конструкции как в абсолютном, так и в относительном временном значении (исключение составляют формы императива и конструкции с *let*, встречающиеся только в простом или главном предложении).

Список литературы

- Бархударов Л. С.** Очерки по морфологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1975. 156 с.
- Биренбаум Я. Г.** О форме будущего в грамматической категории времени английского глагола // Филологические науки. 1981. № 1. С. 50–59.
- Боднарук Е. В.** Модальные глаголы в современном немецком языке: систематизация значений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 66–79.
- Боднарук Е. В.** Семантика и прагматика императива (на материале немецкого языка) // Вестник НГУ: Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 3. С. 67–76.
- Воронцова Г. Н.** Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. 399 с.
- Гуревич В. В.** Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Флинта; Наука, 2017. 168 с.
- Иванова И. П.** Вид и время в современном английском языке. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961. 200 с.
- Иванова И. П., Чахоян Л. П.** История английского языка. М.: Высшая школа, 1976. 319 с.
- Ипатов Л. В.** Семантико-грамматическая связь аналитических средств выражения понятий модальности и будущности в английском, французском и русском языках: Сравнительный анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2003. 25 с.
- Кверк Р., Гринбаум С., Лич Дж., Свартвик Я.** Грамматика современного английского языка для университетов. М.: Высшая школа, 1982. 391 с.
- Рипинская Л. В.** К вопросу о способах выражения будущего действия в английском и русском языках // Сопоставительный анализ лексических и грамматических единиц (категорий) в русском и германских языках. Вологда: Изд-во ВГПИ, 1986. С. 97–105.
- Селезнева О. Н.** Дифференциация средств выражения будущего времени в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тверь, 2015. 16 с.
- Синагатуллин И. М.** О выражении будущего времени в английском и французском языках // Филологические науки. 1991. №2. С. 69–78.
- Смирницкая О. А.** Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М.: Наука, 1977. С. 5–126.
- Смирницкий А. И.** Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностранных языках, 1959. 440 с.
- Хомутова Т. Н.** Модальность и наклонение в современном английском языке // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 1. С. 19–23.
- Чуйкова О. Ю.** Семантика будущего времени в русском, английском и испанском языках: взаимодействие темпоральности, аспектуальности и модальности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Санкт-Петербург, 2018. 26 с.
- Eastwood J.** Oxford Practice Grammar. Oxford University Press, 1999.
- Foley M., Hall D.** Advanced Learners' Grammar. Longman, 2003.
- Hewings M.** Advanced Grammar in Use. Cambridge University Press, 2013.
- Swan M.** Practical English Usage. Oxford University Press, 2016.

References

- Barkhudarov, L. S.** Essays on the morphology of modern English. Moscow: Vysshaya shkola, 1975. 156 p. (in Russ.)
- Birenbaum, Ya. G.** On the future form in the grammatical tense category of the English verb. Philological sciences. 1981. no 1. pp. 50–59. (in Russ.)

- Bodnaruk, E. V.** Modal verbs in the modern German language: systematization of the meanings. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. 2019. no. 1 (817). pp. 66–79. (in Russ.)
- Bodnaruk, E. V.** Semantics and pragmatics of the imperative in the modern German language // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2018. Vol.16. no 3. pp. 67–76. (in Russ.)
- Vorontsova, G. N.** Essays on English Grammar. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannyh yazykah, 1960. 399 p. (in Russ.)
- Gurevich, V. V.** Theoretical grammar of the English language. Comparative typology of English and Russian languages. Moscow: Flinta; Nauka, 2017. 168 p. (in Russ.)
- Ivanova, I. P.** Aspect and tense in modern English. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1961. 200 p. (in Russ.)
- Ivanova, I. P., Chahoyan, L. P.** History of the English language. Moscow: Vysshaya shkola, 1976. 319 p. (in Russ.)
- Ipatova, L. V.** Semantic-grammatical connection of analytical means expressing the concepts of modality and future in English, French and Russian: Comparative analysis. Moscow. Cand. of Sc. Thesis. 2003. (in Russ.)
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J.** A University Grammar of English. Moscow: Vysshaya shkola, 1982. 391 p.
- Ripinskaya, L. V.** On the question of ways expressing future action in English and Russian. Comparative analysis of lexical and grammatical units (categories) in Russian and German languages. Vologda: Izd-vo VGPI, 1986. pp. 97–105. (in Russ.)
- Selezneva, O. N.** Differentiation of means expressing the future meaning in modern English. Tver'. Cand. of Sc. Thesis. 2015. (in Russ.)
- Sinagatullin, I. M.** On expressing the future meaning in English and French. Philological sciences. 1991 no 2. pp. 69–78. (in Russ.)
- Smirnitckaya, O. A.** The evolution of the aspect-temporal system in the Germanic languages. Historical and typological morphology of the Germanic languages. The category of the verb. Moscow: Nauka, 1977. pp. 5–126. (in Russ.)
- Smirnitckiy, A. I.** Morphology of the English language. Moscow: Izd-vo lit. na inostrannyh yazykah, 1959. 440 p. (in Russ.)
- Khomutova, T. N.** Modality and Mood in Modern English. Bulletin of South Ural State University. 2008. no 1. pp. 19–23. (in Russ.)
- Chuzhkova, O. Yu.** Semantics of the future in Russian, English and Spanish: the interaction of temporality, aspectuality and modality. Sankt-Petersburg. Cand. of Sc. Thesis. 2018. (in Russ.)
- Eastwood, J.** Oxford Practice Grammar. Oxford University Press, 1999.
- Foley, M., Hall, D.** Advanced Learners' Grammar. Longman, 2003.
- Hewings, M.** Advanced Grammar in Use. Cambridge University Press, 2013.
- Swan, M.** Practical English Usage. Oxford University Press, 2016.

Информация об авторе

Боднарук Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова

Information about the Author

Bodnaruk Elena Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of German and French Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

*Статья поступила в редакцию 07.04.2023;
одобрена после рецензирования 04.07.2023; принята к публикации 10.07.2023*

*The article was submitted 07.04.2023;
approved after reviewing 04.07.2023; accepted for publication 10.07.2023*

Научная статья

УДК 811.111'373:32

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-31-44

Катализаторы экспрессивности политического плаката: интердискурсивность и интерсемиозис как основа поликодовой креативности

Светлана Юрьевна Павлина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия

spavlina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8304-795X>

Аннотация

В статье рассматриваются англоязычные политические плакаты в ракурсе интердискурсивности, которая служит основой лингвистической и изобразительной креативности. Материалом послужили современные британские и американские плакаты, в которых обнаружено интенциональное наложение включенных дискурсов на принимающий дискурс. Цель исследования заключается в выявлении особенностей активации интердискурсивных ресурсов в канве англоязычного политического плаката, которая осуществляется на основе интерсемиозиса. Применение мультимодального дискурс-анализа, структурно-семантического и стилистического анализа компонентов исследуемых плакатов позволяет установить дискурсы-доноры, а также выявить способы интеграции интердискурсивных элементов в вербальной и невербальной областях. На примере плаката, содержащего включенные компоненты, свойственные кинодискурсу, показано как пересечение дискурсов генерирует лингвокреативность и изобразительную креативность, создавая гармоничное текстовое пространство на основе синтеза семиотически разнородных единиц, повышая экспрессивность текста визуальной политической коммуникации и способствуя реализации его прагматического потенциала. Новизна исследования связана с уточнением понятий поликодовая креативность и интерсемиозис применительно к статическим текстам визуальной политической коммуникации. Описанная методика может найти свое применение при изучении интердискурсивных свойств других поликодовых текстов, таких, к примеру, как политическая карикатура и мем.

Ключевые слова

интердискурсивность, политический плакат, интерсемиозис, поликодовая креативность, визуальная политическая коммуникация

Для цитирования

Павлина С. Ю. Катализаторы экспрессивности политического плаката: интердискурсивность и интерсемиозис как основа поликодовой креативности // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 31–44. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-31-44

© Павлина С. Ю., 2023

Making Political Posters Expressive: Interdiscursive and Intrasemiotic Resources of Multimodal Creativity

Svetlana Yu. Pavlina

HSE University

Nizhny Novgorod, Russian Federation

spavlina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8304-795X>

Abstract

This article considers political posters as multimodal texts containing interdiscursive elements which produce linguistic and pictorial creative patterns. The aim of the research is to reveal the way interdiscursive resources work in political posters on the basis of intersemiosis to expressively shape politically relevant information and to impact the recipients emotionally. The sample includes modern British and American political posters with interdiscursive elements which were intentionally embedded into political still visuals to create new layers of meaning. The purpose of this carefully designed discursive hybridization is to attract the recipients' attention and, in the long run, to affect their electoral choices. The research is set in the framework of Multimodal Discourse Analysis, it also employs stylistic, structural and semantic types of analysis. The examination reveals the sources of interdiscursive items that encompass sport, cinematic, virtual and art discourses. It also elucidates the way interdiscursive elements are integrated into a multimodal text of a political poster on verbal and non-verbal levels. The article contains a case study of a poster based on the combination of political, advertising and cinematic discourses. The analysis shows how the interaction of discourses generates multimodal creativity and how intersemiosis stimulates a careful orchestration of semiotically divergent elements of the target and donor discourses, which ultimately conveys a powerful message. The study is novel as it specifies the notions of multimodal creativity and intersemiosis in reference to political still visuals. The methodology employed in this research opens up new avenues in exploring interdiscursivity and multimodal creativity in other types of text used in visual political communication, such as editorial cartoons and memes.

Keywords

interdiscursivity, political poster, intersemiosis, multimodal creativity, visual political communication

For citation

Pavlina S. Yu. Making Political Posters Expressive: Interdiscursive and Intrasemiotic Resources of Multimodal Creativity. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 31–44. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-31-44

Введение

Коммуникативные процессы последних десятилетий характеризуются усилением роли визуальной составляющей, что проявляется в том числе в области политической коммуникации. Сочетание знаков естественного языка и изображения, по наблюдениям исследователей, повышает социально-политическую значимость текста, способствуя его эмоционализации [Lilleker et al., 2019]. Одной из основных форм визуальной политической коммуникации являются политические плакаты, которые, как правило, сочетают в себе изображение и вербальный компонент, комбинация которых позволяет выразительно оформить политически релевантную информацию. Тщательный отбор и аранжировка иконических и вербальных элементов приобретают особую значимость, поскольку размещение графических текстов в городском пространстве предполагает быстрое получение и обработку заключенной в них информации, а нестандартное, экспрессивное оформление авторского посыла позволяет эффективно воздействовать на реципиентов, побуждая их сделать заданный электоральный выбор [Johansson, Holtz-Bacha, 2019].

Политический плакат относится к семиотически сложным текстам, в рамках которых смыслопостроение основывается на взаимодействии вербального и невербального. Невербальные компоненты включают изображение, в том числе фотографию или рисунок, рассматриваемое как иконический или в иных терминах изобразительный код плаката. Другим невербальным кодом является графический, под которым понимается пространственная организация компонентов в рамке плаката, а также его шрифтовое оформление. Кроме того, важное

значение приобретает цветовой код, поскольку колористически оформляются как лингвистические, так и иконические элементы текста [Nikolskaya, Pavlina, 2021]. Сочетание вербального, иконического, графического и цветового кодов в канве плаката позволяет отнести его к поликодовым текстам.

Отмечая семиотическую неоднородность плаката, О. К. Ирисханова подчеркивает такие важные свойства поликодового текста, как целостность и связность, которые основываются на гармонизации вербальной и невербальной составляющих как на уровне содержания, так и в структурном и стилистическом аспектах [Ирисханова, 2012]. Автору представляется важным, что наряду с поликодовостью одной из базовых характеристик плаката является его жанровая неоднородность, поскольку он находится на «пересечении массовой агитации и искусства» [Ирисханова, 2012. С. 320]. Преломлением этого свойства в политическом плакате следует считать его дискурсивную гетерогенность, описываемую в современной лингвистической литературе в терминах интердискурсивности. Основой данного понятия служит идея о том, что всякий дискурс существует в системе других дискурсов, а их пересечение или отражение обнаруживается в текстах [Пеше, 1999]. Таким образом, суть интердискурсивности заключается в интеграции, взаимопроникновении дискурсов, пересечении «нескольких различных областей человеческого знания и практики» [Чернявская, 2004. С. 107]. Изучение интердискурсивных характеристик текста, по мнению В. Е. Чернявской, связано с «вопросом о том, какие прототипические элементы, органично присущие одному типу дискурса, включаются в другой дискурс, с какой коммуникативной целью и в каких формах эта модулируемая интердискурсивность становится видимой в процессе восприятия текста» [Чернявская, 2004. С. 108].

До настоящего времени интердискурсивные характеристики политических плакатов и их креативный потенциал остаются неисследованной областью научного знания. Принимая во внимание недостаточную разработанность лингвосемиотических аспектов в отношении статических текстов визуальной политической коммуникации, исследование ставит своей целью выявление особенностей активации интердискурсивных ресурсов в канве англоязычного политического плаката, которая осуществляется на основе интерсемиозиса.

Дискурсивная неоднородность, являющаяся одной из форм проявления диалогичности, характерна для любого вида текста, однако набор интердискурсивных характеристик, выделяемых в статических текстах визуальной политической коммуникации, обладает определенной специфичностью. Предвыборный плакат как компонент коммуникации между политическими партиями и электоратом обладает базовыми чертами политического дискурса. Помимо этого, предвыборные графические тексты относятся к статической политической рекламе, что предопределяет наличие характеристик, свойственных рекламному дискурсу, таких как лаконичность, тщательная аранжировка вербального и невербального, опора на визуальный канал подачи информации, наличие слоганов. Современные исследователи отмечают профессионализацию визуальной политической коммуникации, заключающуюся в том, что партии используют маркетинговые стратегии с тем, чтобы «продать» свою политическую повестку избирателям, которые воспринимаются как потребители политической информации [Gibson, Römmele, 2009]. В то же самое время графические тексты являются компонентом художественной коммуникации, поскольку при создании плаката авторы принимают целый ряд художественных решений, касающихся графического оформления, использования символов, композиции и колористики, что позволяет исследователям говорить об искусстве плаката [Вашик, Бабурина, 2004; Seidman, 2008]. Использование средств художественной выразительности предопределяется возможность отнесения политических плакатов к художественному дискурсу. Совмещение черт, присущих политическому, рекламному и художественному дискурсам, является имманентным свойством политического плаката. В то же самое время включение в графический текст интердискурсивных элементов может быть интенциональным или в терминологии В. Е. Чернявской инсценируемым. Моделируемая подобным образом интердискурсивность

призвана повысить аттрактивность плаката, поскольку несвойственные политическому дискурсу фрагменты, трансплантированные в канву плаката, делают текст нестандартным, придавая ему выразительность.

Понять, как именно в данном случае работает механизм создания экспрессивности, позволяет анализ взаимодействия элементов принимающего и включенного дискурсов, который мы будем рассматривать как проявление интерсемиозиса. Данный термин, введенный Кей О'Хэллоран, относится к процессу смыслопостроения на основе выбора и аранжировки семиотически разнородных кодов [Liu, O'Halloran, 2009]. По наблюдению австралийского ученого Терри Ройса, интерсемиозис заключается в интерсемиотической комплементарности, когда визуальный и вербальный коды семантически дополняют друг друга для создания единого текстового феномена [Roose, 2007]. Лингвисты сходятся во мнении о том, что значение, возникающее на пересечении семиотически разнородных ресурсов, обладает большей глубиной, чем значение, произведенное на основе одного семиотического ресурса. Как отмечают Болдри и Тиболт, различные модусы характеризуются разными принципами организации семиотических кодов при создании значения, таким образом, отдельные типы семиотически гетерогенных текстов характеризуются свойствами только им способами комбинирования и интеграции семиотических ресурсов, что требует отдельного рассмотрения [Baldry, Thibault, 2006]. Анализ интерсемиозиса применительно к тексту политического плаката предполагает описание механизмов взаимодействия вербального, иконического, цветового и графического кодов в процессе создания авторского посыла.

Необходимым условием достижения гармоничного сочетания элементов в полимодальном тексте, по наблюдению Лиу и О'Хэллоран, выступает когезия вербального и визуального, основанная на том, что семиотически гетерогенные элементы являются полисемантическими в интерсемиотическом плане, т. е. они обладают множеством значений, в которых обнаруживаются точки совпадения в рамках полимодального конструкта [Liu, O'Halloran, 2009]. На выявление интерсемиотической многозначности компонентов политического плаката и точек пересечения значений вербального и невербальных элементов, в которых возникает смысловая многозначность, направлено настоящее исследование.

Материал и методы исследования

Материалом послужили 208 британских и американских политических плакатов, выпущенных в 2000–2022 гг., характеризующихся сочетанием прототипических элементов принимающего (политического) и включенного дискурсов. Графические тексты отбирались методом сплошной выборки из следующих источников: монографии Каплан *Words to Win By: The Slogans, Logos, and Designs of America's Presidential Elections*, сайта Бодлианской библиотеки Оксфордского университета, содержащего коллекцию плакатов из архива Консервативной партии Великобритании, а также плакатов, послуживших иллюстрациями к статьям британских и американских СМИ, освещающих предвыборные кампании.

В ходе исследования применялись методы стилистического и структурно-семантического анализа, а также мультимодального дискурса-анализа. На первом этапе выявлялись интердискурсивные черты политических плакатов, устанавливались дискурсы-доноры. На втором этапе исследовался процесс интерсемиозиса, а именно то, как на основе сочетания семиотически разнородных интердискурсивных элементов реализуется креативный потенциал поликодового текста.

Включение интердискурсивных элементов в канву политического плаката

Исследование британских и американских политических плакатов, имеющих интердискурсивные включения, позволяет выделить несколько дискурсов-доноров, наложение которых

на политический дискурс делает текст визуальной агитации выразительным. Анализ текстов выборки позволил выделить следующие включенные дискурсы: юмористический, спортивный, виртуальный и кинодискурс. Рассмотрим каждую из комбинаций принимающего и включенного дискурсов отдельно.

Воздействие агитационного текста на получателя информации является наиболее действенным, если авторский посыл выражен с применением определенных средств экспрессивности, среди которых выделяются приемы создания комического эффекта. Комическое обнаруживается в самых различных видах дискурса [Сухих, Горшкова, 2022]. Особенность его преломления в текстах визуальной политической коммуникации связана с областью прагматики: пересечение юмористического дискурса с политическим выводит на поверхность сатирическое восприятие актуальной политической ситуации, способствуя реализации стратегии критики политического оппонента. Примером тому может служить плакат, выпущенный британскими консерваторами в 2009 году, в котором в гротескном виде представлены лидер партии Лейбористов премьер-министр Гордон Браун и министр финансов Алистер Дарлинг (рис. 1). Политики изображены в виде ирландских поп-исполнителей близнецов Джона и Эдварда Граймсов (John and Edward Grimes), выступающих под псевдонимом Jedward. Отличительная черта их сценического образа – зачесанная вверх челка – используется в гротескном изображении лидеров Лейбористской партии. Название поп-группы Jedward обыгрывается в лингвистическом компоненте плаката: *Jedward are gone but we're still left with ... deadwood* (букв. Джедвард ушли, а мы остались с балластом). Экспрессивность высказывания строится на приеме паронимии, на фонетическом совпадении имени Jedward и апеллятива *deadwood*, который имеет метафорическое значение *useless personnel or material* (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/deadwood>) обуза, балласт. Как изобразительный слой плаката, так и его лингвистическая составляющая, имеют яркую эмоционально-оценочную коннотацию, которая создается на основе лингвокреативности и изобразительной креативности в точке пересечения политического и юмористического дискурсов.

Рис. 1. Плакат Deadwood (балласт)

Fig. 1. The Poster Deadwood

Сплав политического дискурса с кинодискурсом актуализируется в плакате британских Лейбористов *Towering Interest Rates* (Процентная ставка растет до небес) как на лингвистическом, так и на изобразительном, цветовом и композиционном уровнях (рис. 2). Плакат выдержан в стилистике киноафиши, манифестацией этого служат лингвистические элементы *A Torgy Production* и *Torgycolor*, которые воспринимаются, с одной стороны, как атрибуты киноафиши,

сообщающие о киностудии, выпустившей фильм, с другой стороны, использование названия партии Tory привносит новый смысл: *Произведено Консерваторами*. Метафора, заложенная в заголовке *towering* (букв. возвышающийся как башня), поддерживается изображением башни, в которой угадывается цифра 15, символизирующая процентную ставку по ипотечным кредитам, введение которой инициировали Тори. На фоне охваченной огнем башни, которая является визуальной метафорой бедственного положения обремененных ипотекой людей, изображены улыбающиеся политики-консерваторы, ответственные за введение катастрофически высокой процентной ставки – *The Architect* (Архитектор) и *The Builder* (Строитель). Другой характерной для киноафиши чертой является наличие кинослогана, в данном политическом плакате он принимает следующую форму: *Because sometimes it gets just a bit ...* (Потому что иногда это становится немного ...).

Краткое сообщение о содержании «фильма», произведенного Тори, содержится в верхней части плаката: *Millions of people trapped by two men's incompetence* (Миллионы людей оказались в западне из-за некомпетентности двух людей). Первый смысловой слой заключается в том, что люди оказались внутри охваченного огнем здания, однако обнаруживается и второй слой значения, поскольку под западней можно понимать сложное финансовое положение миллионов людей, не способных выплачивать ипотечный кредит из-за высокой процентной ставки. Семантическая многоплановость создается за счет инкорпорирования кинодискурса в политический дискурс, при этом интердискурсивность стимулирует использование визуальной и вербальной метафор и повышает общие аттрактивные качества плаката.

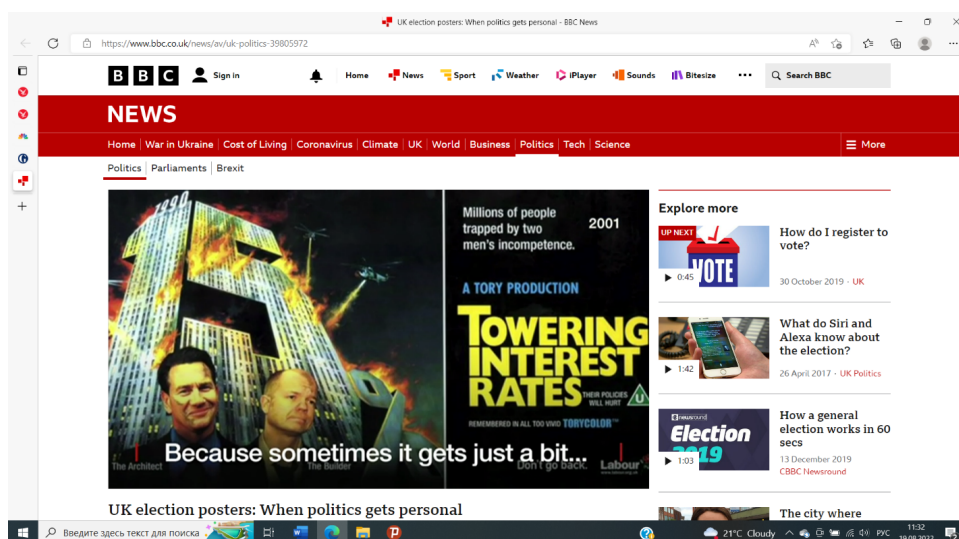

Рис. 2. Плакат *Towering Interest Rates* (Процентная ставка растет до небес)

Fig. 2. The poster *Towering Interest Rates*

Политический дискурс обнаруживает сходство со спортивным дискурсом, при этом объединяющим признаком является состязательность, присущая как спортивным событиям, так и конкурентной борьбе за власть, которая становится особенно острой в предвыборный период. Совершенно не случайно данные области вовлекаются в процесс образного переосмысления, в результате которого появляется множество метафор со сферой-источником *Спорт* и сферой-мишенью *Политика*. Пересечение спортивного и политического дискурсов обнаруживается в ряде агитационных плакатов, отражающих предвыборную борьбу в ходе кампаний по выборам президента США. Рассмотрим в качестве примера графический текст, связанный с президентской кампанией 2008 года, когда за высокий пост боролись кандидат от Республиканской партии Джон Маккейн и кандидат от Демократической партии Барак Обама. Про-

тивоборство кандидатов в президенты приобретает образное воплощение в виде спортивной афиши, информирующей о боксерском поединке с участием Маккейна и Обамы (рис. 3). Политические оппоненты изображены в виде встретившихся лицом к лицу боксеров, их имена находятся в фокусе внимания реципиента благодаря графическому и цветовому выделению. В центре плаката размещен текст, обычно использующийся при анонсировании спортивных событий *The Fight of Fights!* (Схватка схваток!). Накал борьбы подчеркивается и в других лаконичных, но ярких фразах: *Undisputed Presidential Championship* (Решающий президентский чемпионат) и *High Stakes Fight* (Поединок с высокими ставками). Сообщается также и о времени проведения поединка: *See it Live: Tuesday November 4th 2008* (Прямая трансляция состоится во вторник 4 ноября 2008). Совершенно очевидно, что дата боксерского поединка совпадает с днем всеобщего голосования, в чем находит свое проявление пересечение спортивного и политического дискурсов.

Рис. 3. Плакат McCain vs. Obama
(Маккейн против Обамы)
Fig. 3. The poster McCain vs. Obama

Рис. 4. Плакат Toxic Loser 45 will GOP ever learn
(Токсичный лузер 45 республиканцы
должны извлечь урок)
Fig. 4. The poster Toxic Loser 45 will GOP ever learn

Поскольку тексты политической рекламы неразрывно связаны с актуальным социально-культурным контекстом, в них находят отражение современные тенденции интернет-коммуникации, которые являются атрибутами виртуального дискурса в терминологии О. В. Лутовиновой [Лутовинова, 2009]. Одной из характеристик виртуальной коммуникации является компрессия информации, которая реализуется посредством применения определенного коммуникативного кода, основанного на аббревиации [Taumour, 2022]. Использование графических аббревиатур выявлено в плакате, направленном против Дональда Трампа, который объявил о своем намерении вновь баллотироваться на пост президента в 2024 году (см. рис. 4).

В плакате содержатся сокращения, типичные для виртуальной коммуникации: LSR (looser) ТХС (toxic), цифра 45 служит обозначением Трампа как 45-го президента США. Таким образом, выстраивается аксиологическая составляющая плаката, в котором Трамп характеризуется как токсичный лузер, которому гарантирован провал на очередных выборах. Перенос коммуникативного кода из виртуального дискурса в политический создает определенный эффект неожиданности, привлекает внимание к плакату и стимулирует интерес к декодированию его смысла.

Интердискурсивность как катализатор поликодовой креативности

Под поликодовой креативностью понимаются средства выразительности, имеющие семиотически разнородный характер, т. е. соотносимые с вербальными и невербальными кодами поликодового текста. Использование средств естественного языка рассматривается в терминах лингвокреативности в том случае, если происходит сознательное нарушение стандартов языка, приводящее к возникновению языковых парадоксов и к новому ассоциативному восприятию выраженной вербально информации [Гридина, 1996]. Иконическая креативность по аналогии с лингвокреативностью состоит в неконвенциональном способе оформления изобразительного компонента поликодового текста, принимающего форму визуальной метафоры или визуальной метонимии.

Рассмотрим то, как на основе интердискурсивности и интерсемиозиса создается смысловая многослойность поликодового текста, используя в качестве примера плакат *The Wicked Witch of Westminster* (Злая ведьма Вестминстера), который был выпущен противниками выхода Великобритании из ЕС (рис. 5). Прямой отсылкой к этому событию служит надпись в нижнем углу плаката *October 2019*, выполненная на фоне британского флага. Как известно, именно это время было выбрано для формального завершения выхода страны из Евросоюза. Процесс был инициирован группой влиятельных политиков-консерваторов и осуществлялся под руководством премьер-министра Терезы Мэй, что и получило отражение в тексте анализируемого плаката.

Рис. 5. Плакат *The Wicked Witch of Westminster* (Злая ведьма Вестминстера)

Fig. 5. The poster *The Wicked Witch of Westminster*

Плакат выполнен в стилистике киноафиши, в центре которой размещено название *The Wicked Witch of Westminster* (Злая ведьма Вестминстера), визуализацией которого служит изображение премьер-министра Терезы Мэй в роли ведьмы, летящей на метле. Имя собственное

the Wicked Witch of Westminster имеет несколько смысловых пластов. Прежде всего его следует рассматривать как антропоним, являющийся прозвищем Терезы Мэй, возглавляющей кабинет министров и заседающей в Вестминстерском дворце в качестве члена парламента и лидера правящей Консервативной партии. Другим вариантом толкования является отнесение имени к фильмонимам, поскольку в стилистике киноафиши фраза выглядит как название фильма. В то же самое время оним вызывает ассоциации с персонажем литературного произведения *Волшебник из страны Оз* Wicked Witch of the West – Злой ведьмой Запада. Замена компонента West на Westminster основана на фонетической общности лексем и может рассматриваться в терминах паронимии. Плакат, направленный на критику брексита, продвигаемого консерваторами, имеет яркую идеологическую направленность и демонстрирует тесную связь с актуальным политическим контекстом, что делает его элементом политического дискурса. Креативное совмещение идеологической составляющей с атрибутами киноафиши позволяет говорить о связи графического текста с кинодискурсом и рекламным дискурсом, что является свидетельством интердискурсивности. Рассмотрим, каким образом совмещение дискурсов, достаточно отдаленно связанных между собой, создает интригующий реципиента эффект, какие вербальные и невербальные средства выразительности связаны со сплавом принимающего политического дискурса и включенного в него кинодискурса.

В отличие от большинства плакатов, использующих ограниченный репертуар лингвистических и изобразительных знаков, в рассматриваемом графическом тексте выделяется большое количество элементов, организованных с применением различных средств выразительности.

Оним the Wicked Witch of Westminster относится к образным средствам языка, поскольку в его основе лежит **метафора** с прозрачной внутренней формой: политик ассоциируется с ведьмой на основе признаков «приносящий вред» и «обладающий силой», которые выделяются в семантической структуре апеллятива witch – a person (especially a woman) who is credited with having usually *malignant* supernatural powers (женщина, наделенная злой сверхъестественной силой) (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/witch>). Изображение Терезы Мэй в виде ведьмы следует рассматривать как иллюстрацию метафорического образа, выполненную при помощи изобразительного кода, таким образом, экспрессивность плаката создается посредством вербальной и визуальной метафор, в основе которых лежит оним. Другим средством выразительности является **интертекст**, а именно установление связей между прозвищем политика и именем литературного персонажа the Wicked Witch of the West. Трансформация пратекста принимает форму субституции, поскольку в результате реконцептуализации West заменяется на Westminster, образуя своего рода гибрид, совмещающий оригинальный и новый компоненты. Отметим, что визуальный образ ведьмы также носит черты гибридизации: каноническое изображение злой ведьмы на метле модифицировано по модели субституции, которая заключается в замене лица мифического существа на лицо реального политика – Терезы Мэй.

Выразительность имени собственного, которому отводится роль названия фильма, достигается за счет повтора согласного звука W в начальной позиции, что позволяет говорить о применении стилистического приема **аллитерации**, в то время как повторяющееся употребление гласного звука в лексемах wicked и witch следует рассматривать как другой стилистический прием – **ассонанс**.

Представляет интерес ироничное указание на так называемых «продюсеров» брексита, размещенное в верхней части плаката: from the deep pockets and offshore accounts holding producers of (букв. От продюсеров с глубокими карманами и счетами в офшорных банках). Согласно законам рекламного жанра в верхней части плаката в стиле киноафиши приводятся названия фильмов, «спродюстрированных» консерваторами: Privitization on Parade, South Specific, West Side Tory, Fiddler on the Hoof, Singin' down the Drain, Hello Lolly. Данные вымышленные фильмонимы построены на основе реальных названий кинофильмов с применением языковой игры, а именно **паронимии**. Под паронимами будем понимать неоднокоренные слова, различающиеся значением, но объединенные частичным сходством звучания [Иванов, 2009]. В пла-

кате обыгрываются следующие названия широкоизвестных в современном англоязычном социуме фильмов:

Privitization on Parade – Privates on Parade *Рядовые на параде*

South Specific – South Pacific *Юг Тихого океана*

West Side Tory – West Side Story *Вестсайдская история*

Fiddler on the Hoof – Fiddler on the Roof *Скрипач на крыше*

Singin' down the Drain – Singin' in the Rain *Поющие под дождем*

Hello Lolly – Hello Dolly *Хэлло, Долли*.

Поскольку основой паронимии являются названия хорошо известных фильмов, представляется возможным рассматривать интертекстуальность как средство, вовлекающее реципиента в своеобразную игру по декодированию смысла и позволяющее сформировать новый слой значения.

Используемые в плакате паронимические номинации имеют отношение к реальной политической ситуации, связанной с действиями правящей Консервативной пратии по продвижению брексита, что позволяет говорить об применении стилистического приема **аллюзии**. Проиллюстрируем это рядом примеров.

Fiddler on the Hoof (*букв.* Скрипач на копыте) объединяет в своей структуре две разговорные номинации, относящиеся к британскому варианту английского: to fiddle означает falsify (figures, data, or records), typically in order to gain money (подделывать, мухлевать), фразеологизм on the hoof (*букв.* на копыте) имеет значение without proper thought or preparation (без должной подготовки, на ходу, с кондачка). Таким образом, Fiddler on the Hoof содержит оценку действий консерваторов, прежде всего Терезы Мэй, при осуществлении выхода страны из Евросоюза, которые рассматриваются как непродуманные, поскольку решения принимаются на ходу (on the hoof), выражение содержит также намек на манипуляцию с данными, которая может быть выгодна лидерам правящей партии. Данная мысль проводится и в другой единице Hello Lolly, где компонент Lolly является сленгизмом, обозначающим деньги. Таким образом, вымышленное название фильма можно перевести как *Привет, денежки*.

Singin' down the Drain также содержит аллюзивную отсылку к экономическим последствиям брексита, поскольку выражение основано на фразеологизме down the drain, имеющем значение being wasted or irretrievably lost (*букв.* спущен в трубу, потрачен впустую), что также подчеркивает удручающую финансовую ситуацию, явившуюся следствием выхода страны из ЕС в результате непродуманных действий консерваторов. Построенное на основе паронимии выражение является одновременно аллюзивным, т. е. связанным с хорошо известным актуальным контекстом и интертекстуальным, имеющим отношение к созданному ранее тексту – мюзиклу, ставшему знаковым элементом культуры.

При анализе компонентов плаката обращают на себя внимание высказывания, включенные в его канву и стилизованные под отзывы о фильме, которые также носят аллюзивный характер: Hilarious to the End (European Parliament) – Смешной от начала до конца (Европарламент), Theresa Paid for Our Seats (Arlene Foster) – Тереза оплатила наши места (Арлин Фостер). Реакция Европарламента на решение Великобритании выйти из состава ЕС, а также поддержка позиции консерваторов в этом вопросе со стороны Арлин Фостер, видного политика, представляющего Северную Ирландию, служат основой аллюзии, выраженной в вербальном компоненте плаката.

В качестве отзыва о фильме приведено и следующее высказывание: Totally Sold out (The British public), которое основано на обыгрывании двух значений глагола to sell out: 1) to sell all the available tickets for (распродать все билеты); 2) to deliver or give up in violation of duty, trust, or loyalty and especially for personal gain: betray (предавать) (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/sell>). Таким образом, данный фрагмент допускает двойное толкование: *Все билеты проданы* (Британские зрители) и *Проданы с потрохами* (Жители Великобритании). Экспрессивность данной конструкции строится на **каламбуре**, в основе которого лежит обыгрывание

двух значений одной лексической единицы. Под каламбуром понимается стилистический прием, подразумевающий намеренную реализацию нескольких значений лексемы или сочетания слов в одном контексте [Шмелева, 2016. С. 118].

Столкновение разных смыслов многозначного слова *theatre* обнаруживается в высказывании, приписываемом Дональду Трампу, *I'm not Keen on Theatre* (Donald Trump) *Я не увлекаюсь театром*. Каламбур построен на обыгрывании основного значения слова *theatre театр* как *вид искусства* и переносного, связанного с характеристикой поведения, *behaviour that is not sincere and is intended just to produce a particular effect or to attract attention неискреннее поведение, направленное на произведение впечатления и привлечение внимания* (<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/theatre>). Как представляется, употребление в данном контексте антропонима Donald Trump позволяет говорить об актуализации метафорического значения лексемы *theatre*, поскольку Трамп известен своим стремлением быть в центре внимания, желанием производить впечатление, свидетельством чему, в частности, служит его участие в качестве ведущего популярного американского телешоу *The Apprentice* (Ученик). Таким образом, включенное в текст плаката высказывание *I'm not Keen on Theatre*, приписываемое Дональду Трампу, имеет значение *Мне не свойственно позерство*, что носит явно **ироничный** характер. Таким образом, наряду с аллюзией, визуальной и вербальной метафорой, интертекстуальностью, аллитерацией, паронимией и каламбуром иронию следует рассматривать в качестве одного из средств экспрессивности, применяемых в анализируемом поликодовом тексте (см. рис. 6).

Рис. 6. Средства создания экспрессивности плаката *The Wicked Witch of Westminster*

Fig. 6. Expressive means used in the poster *The Wicked Witch of Westminster*

Обобщая приведенные наблюдения, следует отметить, что при всем многообразии средств выразительности, задействованных в поликодовом тексте плаката, все они так или иначе связаны с ключевым компонентом – размещенным в центральной части плаката ономом *the Wicked Witch of Westminster*. Заложенный в данной номинации образ деструктивной силы, облеченной властью, проецируется на все вербальные компоненты, имеющие аллюзивные, паронимические и каламбурные характеристики, поскольку второй слой смысла в проанализированных номинациях неизменно отмечен отрицательной оценочностью. Цветовая организация плаката и изобразительные элементы также имеют негативную коннотацию, направленную наряду

с вербальными знаками на создание единого посыла плаката, заключающегося в критике консерваторов, инициировавших выход страны из Евросоюза. Проявлением интерсемиозиса, слияния различных семиотических кодов в рамках плаката следует признать и то, что все они выдержаны в едином стиле, имитирующем киноафишу, в то время как второй или последующие слои смысла соотносятся со сферой политики, что позволяет говорить о поликодовом тексте в целом как о метафоре, относящейся к модели ПОЛИТИКА – это ЗРЕЛИЩЕ/ТЕАТР.

Заключение

Будучи компонентом визуальной политической коммуникации, предвыборный плакат функционирует в рамках политического дискурса. Наряду с этим поликодовым текстом данного рода свойственны черты рекламного и художественного дискурсов, которые следует рассматривать в качестве имманентных дискурсивных признаков политического плаката. В то же самое время при создании статических текстов визуальной политической коммуникации применяется интенциональная смена дискурсов, которая может быть описана как трансплантация элементов, не являющихся прототипическими для политического дискурса. В ходе исследования было установлено, что источниками интердискурсивности в канве политического плаката выступают кинодискурс, юмористический, спортивный и виртуальный дискурсы, что не исключает дальнейшего расширения списка, поскольку речь идет о креативном создании гибридных текстов. Гибридизация носит гармоничный характер, части «мозаики» организованы не хаотично, а согласно единой креативной идее. Компоненты нескольких дискурсов подвергаются преобразованию на вербальном и невербальном уровнях, создавая ансамбль поликодовых средств выразительности, который лежит в основе формирования смысла. Исследование показывает, что включение интердискурсивных компонентов в текст плаката и их интерсемиозис выступают в качестве катализатора поликодовой креативности, проявляющейся на вербальном и невербальном уровнях, что приводит к смысловой многослойности. Интерсемиозис интердискурсивных вкраплений, их тонкая аранжировка в канве плаката повышает экспрессивность текста визуальной политической коммуникации, способствуя реализации его прагматического потенциала.

Список литературы

- Вашик К., Бабурин Н. И.** Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция. 2004. 422 с.
- Гридина Т. А.** Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург. 1996.
- Иванов С. С.** Игра слов и способы ее создания: смысловая и звуко-смысловая игра слов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Лингвистика. 2009. 6 (2): 227–231.
- Ирисханова О. К.** Семиотика плаката в социокогнитивном освещении: лейбористы, капиталисты и углеродные следы // Актуальные проблемы английского языкознания: Сб. науч. статей, посвященный юбилею заведующей кафедрой английского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктора филологических наук, профессора Ольги Викторовны Александровой. М.: ООО «МАКС Пресс», 2012. С. 313–335.
- Лутовинова О. В.** Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена. 2009. 476 с.
- Пеше М.** Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М. 1999. С. 267–268.
- Сухих Д. А., Горшкова В. Е.** Конфликт комического и рационального в кинодиалогах метражных фильмов. Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022; 20(1):37–48. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-37-48>
- Чернявская В. Е.** Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 106–111.

- Шмелёва Е. С.** О понятии каламбура // Вестник МГЛУ. Серия: Языкознание. М.: МГЛУ, «Рема», 2016. 19 (758). С. 110–120.
- Baldry, A., Thibault P. J.** Multimodal transcription and text analysis: a multimedia toolkit and coursebook. London/Oakville: Equinox, 2006.
- Johansson B., Holtz-Bacha C.** From Analogue to Digital Negativity: Attacks and Counterattacks, Satire, and Absurdism on Election Posters Offline and Online // Veneti, A., Jackson, D. and Lilleker, D., eds. *Visual Political Communication*. Palgrave, 2019. Pp. 99-119. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-18729-3>
- Gibson, R. K., Römmele, A.** Measuring the Professionalization of Political Campaigning // Party Politics. 2009. Vol.15, no. 3. Pp. 265–293. <https://doi.org/10.1177/1354068809102245>
- Lilleker, D.** The power of visual political communication: pictorial politics through the lens of communication psychology // Veneti, A., Jackson, D. and Lilleker, D., eds. *Visual Political Communication*. Palgrave, 2019. Pp. 37-51. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-18729-3>
- Liu, Y., O'Halloran, K.** Intersemiotic Texture: Analyzing cohesive devices between language and images // Social Semiotics. 2009. Vol.19. Pp. 367-388. DOI:10.1080/10350330903361059
- Nikolskaya, T. E., Pavlina S.Yu.** Campaign Posters in American and Russian Electoral Landscapes // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Nizhny Novgorod: European Publisher. 2021. Pp. 761-768. DOI 10.15405/epsbs.2021.02.02.95.
- Royce, T.** Intersemiotic complementarity: a framework for multimodal discourse analysis // New directions in the analysis of multimodal discourse, ed. Terry Royce, and Wendy Bowcher. Mahwah: Lawrence Erlbaum and Associates, 2007. Pp. 63-109.
- Seidman, S.** Posters, propaganda, & persuasion in election campaigns around the world and through history. P. Lang, 2008.
- Taymour M. P.** Anthropocentric signs of linguocreativity in political virtual discourse // Dialogue of Cultures and Civilizations. Proceedings of III International Scientific Conference. MGLU. Moscow. 2022. Pp. 447- 455.

References

- Baldry, A., Thibault P. J.** Multimodal transcription and text analysis: a multimedia toolkit and coursebook. London/Oakville: Equinox, 2006.
- Chernyavskaya, V. E.** Intertext and interdiscourse as the actualization of textual openness // Issues of Cognitive Linguistics. 2004. Vol 1. Pp. 106-111. (In Russ.)
- Gibson, R. K., Römmele, A.** Measuring the Professionalization of Political Campaigning // Party Politics. 2009. Vol.15, no. 3. Pp. 265–293. <https://doi.org/10.1177/1354068809102245>
- Gridina, T.A.** Language Play: Stereotype and Creativity. Yekaterinburg, 1996. (in Russ.)
- Iriskhanova, O. K.** Poster Semiotics from Socio-cognitive Perspective: Labourists, Capitalists and carbon Footprints // Problems of Modern English Linguistics. Moscow, Max Press. 2012. Pp. 313–335. (in Russ.)
- Ivanov, S.S.** Play on Words and ways of its Creation: Semantic and Acoustic-Semantic Play on Words // NNGU Vestnik. Series: Linguistics. 2009. Vol. 6, no. 2. Pp. 227–231. (in Russ.)
- Johansson B., Holtz-Bacha C.** From Analogue to Digital Negativity: Attacks and Counterattacks, Satire, and Absurdism on Election Posters Offline and Online // Veneti, A., Jackson, D. and Lilleker, D., eds. *Visual Political Communication*. Palgrave, 2019. Pp. 99-119. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-18729-3>
- Lilleker, D.** The power of visual political communication: pictorial politics through the lens of communication psychology // Veneti, A., Jackson, D. and Lilleker, D., eds. *Visual Political Communication*. Palgrave, 2019. Pp. 37–51. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-18729-3>
- Liu, Y., O'Halloran, K.** Intersemiotic Texture: Analyzing cohesive devices between language and images // Social Semiotics. 2009. Vol.19. Pp. 367-388. DOI:10.1080/10350330903361059

- Lutovinova, O. V.** Linguocultural Properties of Virtual Discourse. Volgograd, Peremena. 2009. 476 p. (in Russ.)
- Nikolskaya, T. E., Pavlina S.Yu.** Campaign Posters in American and Russian Electoral Landscapes // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Nizhny Novgorod: European Publisher. 2021. Pp. 761-768. DOI 10.15405/epsbs.2021.02.02.95.
- Pêcheux, M.** Capital truths. Linguistics, semantics, philosophy// P. Sériot, ed. The quadrature of meaning. French school of discourse analysis. Moscow, 1999. Pp. 267–268 (in Russ.)
- Royce, T.** Intersemiotic complementarity: a framework for multimodal discourse analysis // New directions in the analysis of multimodal discourse, ed. Terry Royce, and Wendy Bowcher. Mahwah: Lawrence Erlbaum and Associates, 2007. Pp. 63–109.
- Seidman, S.** Posters, propaganda, & persuasion in election campaigns around the world and through history. P. Lang, 2008.
- Shmelyova, E. S.** On the Notion of Pun // MGLU Vestnik, Series: Linguistics. 2016. Vol. 19, no. 758. Pp. 110–120. (In Russ.)
- Sukhikh D. A., Gorshkova V. E.** The Conflict of the Comical and the Rational in Short-Short Film Dialogues // NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2022. Vol. 20, no. 1. Pp. 37–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-37-48>
- Taymour M. P.** Anthropocentric signs of linguocreativity in political virtual discourse // Dialogue of Cultures and Civilizations. Proceedings of III International Scientific Conference. MGLU. Moscow. 2022. Pp. 447–455.
- Waschik, K., Baburina, N. I.** Reality of Utopia. The Art of Russian Posters of XX century. Moscow, Progress- Tradition. 2004. 422 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Павлина Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент ВШЭ
Researcher ID AAS-6556-2021
Scopus Author ID 57223936963

Information about the Author

Svetlana Y. Pavlina, Candidate of Sciences (Linguistics), Associate Professor, HSE University
Researcher ID AAS-6556-2021
Scopus Author ID 57223936963

*Статья поступила в редакцию 22.01.2023;
одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 12.05.2023*
*The article was submitted 22.01.2023;
approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 12.05.2023*

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57

Стратегии удержания власти в публичном дискурсе испанской монархии

Ирина Владимировна Селиванова

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

iselivanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>

Аннотация

Политики и общественные деятели стремятся активно использовать стратегии и тактики речевого воздействия с целью повлиять на взгляды и ценности аудитории и, при необходимости, трансформировать ее мировосприятие. Именно поэтому изучение ресурсов речевого воздействия на общественное сознание всегда остается актуальным и представляет собой активно развивающееся направление в современном языкознании. Дискурс власти может оказывать как непосредственное влияние при помощи прямых речевых актов (законы, распоряжения, инструкции), так и косвенно убеждать аудиторию с помощью системы аргументов, примеров и прочих риторических средств, увеличивающих эффект речевого воздействия. В настоящее время ключевая роль в речевой деятельности государственных лидеров, которая рассматривается нами в конечном счете как процесс удержания власти, принадлежит, по нашему мнению, содержательно-концептуальной информации, раскрывающей отношение оратора к фактам и событиям социальной, экономической и политической жизни страны, тогда как воздействие на общественное сознание содержательно-фактуальной становится менее значимой. В рамках настоящей статьи рассматриваются *стратегии удержания власти* в публичных речах испанского монарха Филиппа VI с 2014 по 2022 г., представляющих собой пример институционального политического дискурса в его развитии с точки зрения лингвопрагматики. В результате анализа было, в частности, установлено, что конвенциональным ресурсом в королевском публичном дискурсе является *информационно-интерпретационная стратегия*, закономерно связанная с необходимостью интерпретировать происходящие в государстве и за его пределами события и факты в нужном оратору ключе. Особую роль в текущем внутривластном контексте играет *стратегия формирования эмоционального настроя*, реализующая задачу объединения исторически мультикультурного испанского социума на основе общенациональной патетики. Кроме того, в условиях социально-экономической нестабильности указанного выше периода обращает на себя внимание тенденция к большей эмоциональной нагруженности речи с целью подчеркивания участия монарха в судьбе сограждан. Использование данного приема способствует выстраиванию открытого диалога с аудиторией и созданию ситуации взаимного доверия коммуникантов.

Ключевые слова

коммуникативные стратегии, политический дискурс, публичные речи, испанский монарх

Для цитирования

Селиванова И. В. Стратегии удержания власти в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 45–57. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57

© Селиванова И. В., 2023

Verbal Strategies for Maintaining Power in Public Discourse of the Spanish Monarchy

Irina V. Selivanova

HSE University
Moscow, Russian Federation

iselivanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>

Abstract

Politicians and public figures seek to actively use verbal strategies and tactics in order to influence the views and values of the audience and, if necessary, transform its worldview. That is why, the impact of discourse always remains a relevant topic and is a promising and actively developing field in modern linguistics. It is widely known that the ways we think and talk about a subject or a fact influence and reflect the ways we act in relation to that subject. The discourse of power can have both a direct impact through direct speech acts (laws, orders, instructions), and an indirect one, i.e. it can convince the audience through arguments, examples and other rhetorical means that increase the possibility of speech impact. At present, state leaders, in their maintaining power, mostly appeal to public consciousness, in which case factual information loses its significance and content conceptual information becomes more important, revealing the speaker's attitude towards realities of socio-economic and political life of the country. Within the framework of this paper, we have analyzed *communicative strategies* in public discourse of the Spanish monarch Felipe VI (from 2014 to 2022) aimed at his *maintaining power*. As a result of the analysis, we have revealed that, firstly, the *interpretation strategy* is a conventional resource in the King's public discourse because of the need of the Spanish Crown to influence the way the internal and external audiences interpret events and facts. Secondly, the *strategy of evoking an emotional mood* is fundamental in the current context as it helps the monarch unite the Spanish society on common values and awaken their patriotic feelings. Thirdly, nowadays, due to the problems of modern Spain in general and the Crown in particular, the King's speeches are more emotionally charged in order to demonstrate his empathy and desire to share his feelings and emotional experiences, which contributes to building a trusting relationship with the nation and creating a situation of mutual understanding.

Keywords

verbal strategies, political discourse, public speeches, Spanish monarch

For citation

Selivanova I. V. Verbal Strategies for Maintaining Power in Public Discourse of the Spanish Monarchy. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 45–57. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57

Введение

Работы по исследованию дискурса власти в основном посвящены изучению политических текстов, созданных конкретным агентом власти, с последующим выявлением в них грамматических, лексических, синтаксических или семантических особенностей языка и их планируемого эффекта с целью достижения поставленных политических целей. Обобщения в этих исследованиях зачастую касаются лингвистики политических текстов и обращены к оценке итогового эффекта использованных во властном дискурсе ресурсов языка, что и приводит к наблюдаемому в современном языкознании отождествлению понятий «дискурс власти» и «манипуляция». Но часто они ориентированы на прикладную политологию и обращены к выявлению специфики оперирования инструментарием языка представителями тех или иных политических режимов/политических групп в различных социально-политических или временных контекстах [ср. Согомонян, 2012. С. 35]. В рамках данной статьи рассматриваются **стратегии удержания власти** (терминология О. Н. Паршиной) в дискурсе испанского монарха Филиппа VI с точки зрения теории речевого воздействия. По справедливому замечанию О. Н. Паршиной, цель политического дискурса заключается в воздействии «на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата» с помощью активного применения речевых стратегий (в особенности со стороны политических и/или государственных лидеров) через применение речевых стратегий [Паршина, 2005b. С. 138].

В научной литературе понятие «дискурс власти» до сих пор не имеет однозначной интерпретации. В самом общем виде дискурс власти определяется авторами как совокупность актов публичного транслирования императива, т. е. как практика руководства, контроля и манипуляции чувствами, поведением и мышлением аудитории при помощи языковых воздействий [ср. Чернявская, 2006; Черепанова, 2010; Согомонян, 2012]. При таком подходе предметом изучения выступает язык конкретного представителя той или иной ветви власти или политической партии (например, дискурс испанской монархии, дискурс председателя Правительства Испании, дискурс американского президента и пр.). При этом становится очевидным отличие дискурса президента или лидеров политических партий, которым необходимо набирать политические очки за счет *содержательно-фактуальной информации* (СФИ) от дискурса монархов, задача которых заключается не в борьбе за власть или ее удержание, а в утверждении в сознании адресата необходимости неизменности существующего порядка через *содержательно-концептуальную информацию* (СКИ) [ср. Алексеев, 2021; Алексеев, 2022]. При этом содержательно-фактуальная информация может являться и ложной, поскольку, как отмечала философ и политический историк Х. Арендт, честность не является характерной чертой политических процессов [ср. Феллов, 2023. С. 87]. Государственные и политические лидеры могут прибегать и к СКИ в зависимости от преследуемых целей, в то время как в публичных речах испанского монарха затрагиваемый круг тем намного уже: в частности, на первый план выходят такие вопросы, как социально-экономическая и политическая стабильность общества, развитие государства всеобщего благосостояния и пр.

Дискурс власти осуществляется либо путем прямых речевых актов (законов, распоряжений, инструкций), либо с помощью системы аргументов, примеров и прочих риторических средств. По словам В. Е. Чернявской, власть выражается в дискурсе «через систему взаимосвязанных речевых или текстовых средств, форм и приемов воздействия» [Чернявская, 2006. С. 81]. То есть дискурс власти транслирует убеждения и установки оратора за счет их вербальной репрезентации и должен рассматриваться как особая семиотическая система, непосредственно связанная с «демонстрацией реалий и символов, выражающих социальный статус и полномочия субъекта или агента власти» [Тихонов, 2013. С. 55].

Как отмечалось ранее, в дискурсе любого монарха превалирует не содержательно-фактуальная информация, а содержательно-концептуальная, раскрывающая отношение оратора к явлениям, фактам, событиям социальной, экономической и политической жизни страны [ср. Van Dijk, 2002; Володенков, 2012; Раевская, Селиванова, 2021]. В соответствии с Конституцией 1978 г. король Испании, будучи *аполитичной* фигурой, выполняет лишь представительские функции в стране и за ее пределами. При этом ему отводится особое место в политической элите государства: «являясь символом национального единства, он выступает ключевой фигурой в продвижении судьбоносных для общества решений и мобилизации коллективных усилий для созидательной деятельности» [Раевская, 2021. С. 94]. В отличие от президента и иных выборных органов власти, ему не нужно бороться с оппозицией за удержание власти, которая передается по наследству. Однако в научной литературе (в том числе и в настоящей статье) широко используется термин «*стратегии удержания власти*», введенный О. Н. Паршиной, которые подразделяются на *информационно-интерпретационную стратегию* и *стратегию формирования эмоционального настроя*. Соответственно, мы придерживаемся данной терминологии, принимая во внимание аполитичность фигуры монарха и выполняемые им функции [Паршина, 2005а].

В современном испанском обществе заметно возросла роль властного дискурса в своей высшей статусной разновидности (дискурс государственного лидера – монарха). В нем обязательно присутствуют элементы идеологического (идеологемы) и эмоционального (маркеры социальной эмпатии) воздействия. В последние годы, отмеченные глобальными вызовами для всего человечества (пандемия коронавируса, климатические и социально-политические изменения), дискурс испанского короля приобрел яркую социальную направленность (сближе-

ние с национальной аудиторией по причине «демократизации социальных отношений в рамках современного до сих пор иерархического общества») [Раевская, 2021. С. 94].

Филиппа VI отличает более близкая по сравнению с его предшественником (Хуаном Карлосом I) позиционированность к социуму, поскольку он сумел установить доверительные отношения с национальной аудиторией и сделал серьезную заявку на реальное соблюдение декларируемых нравственных ориентиров. Основным вектором институционального властного дискурса в лице испанской монархии является регулирование общественных отношений согласно *нравственным императивам* в рамках существующего общественного порядка [Там же. С. 104]. Публичный дискурс испанского короля, направленный, прежде всего, на внутреннего адресата, является одним из видов социально-конгруэнтного взаимодействия с обществом, которое возможно рассматривать в качестве инструмента коллективной информационной и психоэмоциональной мобилизации.

1. Информационно-интерпретационная стратегия в публичном дискурсе испанского монарха

Информационно-интерпретационная стратегия осуществляется посредством *тактик признания существования проблемы, акцентирования положительной информации, разъяснения, комментирования и указания на путь решения проблемы* [Паршина, 2005а. С. 118]. С их помощью испанский монарх акцентирует внимание аудитории на главных событиях и трактует факты и явления с точки зрения необходимости сохранения национального единства и следования общеевропейскому курсу.

Тактика признания существования проблемы представляет собой важную составляющую имиджа государственного и политического лидера. В публичных выступлениях Филиппа VI данный прием реализуется при помощи констатирующих утверждений о существовании социально-экономических проблем путем употребления существительных (*desafíos, problemas, dificultades, pérdidas, incertidumbre, inquietud, preocupación, temor* и пр.) и оценочных прилагательных, закрепляющих стандарт ее восприятия у адресанта (*grave, serio, difícil, complejo, radical, inaceptable, inadmisible*):

*Los índices de desempleo son todavía **inaceptables**... Показатели безработицы по-прежнему являются **неприемлемыми**... (24.12.2014, рождественское послание);*

*Estamos viviendo momentos **muy graves** para nuestra vida democrática. Мы переживаем **очень серьезные** моменты для нашей демократической жизни (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса).*

Перечисление существующих проблем подчеркивает осведомленность монарха в социально-экономических и политических вопросах и его готовность вести прямой и откровенный диалог с аудиторией (прежде всего национальной):

*El otro gran problema y reto es **la crisis económica** y evitar, sobre todo, que derive en una crisis social. Другая серьезная проблема – это **экономический кризис**, который не должен перерасти в социальный кризис (24.12.2020, рождественское послание);*

*[...] ha aumentado el número de personas **en situación de vulnerabilidad**, y hoy en día existe **preocupación** en muchos hogares por **la subida de los precios, el coste de la energía** o por **las dificultades para encontrar un empleo estable**... [...] число людей, находящихся в **уязвимом положении**, увеличилось, и сегодня многие домохозяйства обеспокоены **ростом цен, стоимостью энергии** или **трудностями с поиском стабильной работы**... (24.12.2021, рождественское послание).*

В выступлениях внешней адресации монарх ограничивается лишь констатацией глобальных проблем, затрагивающих все человечество (социальное неравенство, ухудшение экологической обстановки, гендерное насилие, терроризм, мировой экономический кризис, пандемия коронавируса и пр.):

Debemos combatir la desigualdad... También es fundamental... la lucha contra los efectos del cambio climático. Мы должны бороться с неравенством... Также важна... борьба с последствиями климатических изменений (20.09.2016, речь на 71-й Генеральной Ассамблее ООН);

En mi mensaje del año pasado mencionaba los retos más importantes que debíamos afrontar: la lucha contra el cambio climático, contra la desigualdad y la pobreza. В своем выступлении в прошлом году я упоминал наиболее важные проблемы, которые нам следует решить: борьба с климатическими изменениями, неравенством и бедностью (28.01.2021, речь перед дипломатическим корпусом).

Тактика акцентирования положительной информации активно используется государственными лидерами с целью демонстрации достигнутых успехов. В речах внутренней адресации данная тактика представляет собой важнейший ресурс, призванный последовательно создавать образ сильной и развитой в экономическом и социальном плане страны:

[...] hemos conseguido hacer realidad un país nuevo y moderno, un país entre los más avanzados del mundo... [...] мы смогли построить новую и современную страну, одну из самых передовых стран в мире... (24.12.2017, рождественское послание);

[...] creo necesario subrayar, también, el enorme nivel de progreso en todos los órdenes que España ha alcanzado en estos 40 años de democracia... [...] я считаю необходимым также подчеркнуть значительный уровень прогресса во всех сферах, которого Испания достигла за последние 40 лет демократии... (06.12.2018, речь по случаю празднования 40-летия принятия Конституции).

Тактика комментирования (разъяснения) предполагает размышления по поводу релевантной с точки зрения оратора, преследующего определенные коммуникативные цели. При этом говорящий должен учитывать наличие/отсутствие фоновых знаний у адресата и приводить собственные рассуждения по поводу обозначаемой им проблемы с примерами и пояснениями. На протяжении своего правления (с 2014 по 2022 г.) Филипп VI прибегает к ней в выступлениях по наиболее резонансным и глобальным проблемам общества как в положительном, так и негативном контекстах (национальная идентичность, сплоченность нации, терроризм, каталонский кризис, иммиграция, пандемия коронавируса). В частности, в коронационной речи испанский монарх комментирует необходимость сохранения языкового разнообразия, являющегося одной из базовых составляющих культурного этоса нации и символом национальной идентичности испанцев:

En España han convivido históricamente tradiciones y culturas diversas... Y esa suma, esa interrelación de culturas y tradiciones tiene su mejor expresión en el concierto de las lenguas. Junto al castellano, lengua oficial del Estado, las otras lenguas de España forman un patrimonio común que, tal y como establece la Constitución, debe ser objeto de especial respeto y protección; pues las lenguas constituyen las vías naturales de acceso al conocimiento de los pueblos y son a la vez los puentes para el diálogo de todos los españoles. В Испании на протяжении многих лет сосуществовали различные традиции и культуры... это разнообразие культур и традиций наилучшим образом отражается в совокупности языков. Наряду с испанским, официальным языком государства, другие языки Испании образуют общее наследие, которое, как гласит Конституция, должно быть объектом особого уважения и защиты. Языки представляют собой естественные пути доступа к знанию народов и одновременно являются мостами для диалога всех испанцев (19.06.2014, коронационная речь).

В речи на торжественном открытии XII сессии Парламента Филипп VI комментирует достижения страны, свидетельствующие о признаках восстановления экономики после кризиса:

[...] el ritmo constante de recuperación de nuestra economía, su crecimiento y la generación de puestos de trabajo constituyen una realidad cierta y positiva que nos permite albergar fundados motivos en la superación de los desequilibrios generados por la crisis. [...] устойчивый ритм восстановления нашей экономики, ее рост и создание рабочих мест являются определенной

и позитивной реальностью, которая **позволяет нам судить о преодолении диспропорций, вызванных кризисом** (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента).

Кроме того, тактика комментирования в речах перед национальной аудиторией используется с целью пояснения происходящих событий. Так, во время каталонского кризиса, поставившего под угрозу территориальную целостность государства, от главы государства требовалась жесткая и аргументированная позиция по данному вопросу:

[...] con su conducta irresponsable incluso pueden poner en riesgo la estabilidad económica y social de Cataluña y de toda España. [...] своим безответственным поведением они могут поставить под угрозу экономическую и социальную стабильность Каталонии и всей Испании (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса).

Информационно-интерпретационная стратегия реализуется также при помощи тактики указания на путь решения проблемы, маркерами которой выступают (а) глаголы в повелительном наклонении; (б) конструкции долженствования (*debemos* + инфинитив, *hay que* + инфинитив, *tenemos que* + инфинитив, *hemos de* + инфинитив); (в) придаточные подлежащие предложения (*oraciones subordinadas de sujeto*), передающие семантику бенефактивной оценки.

Тактика указания на путь решения проблемы соответствует непосредственным полномочиям верховного правителя и особенно характерна для выступлений перед внутренним адресатом, в которых монарх не только поддерживает пафос коллективного единства и созидания, но и ориентирует поведение социума в нужном направлении. При указании на возможность решения проблем на языковом уровне преобладают выражения долженствования (с глаголами *deber* или *necesitar*, конструкцией *tener que* + инфинитив), безличные конструкции с инфинитивом (*expresiones impersonales*) или придаточные подлежащие предложения (*oraciones subordinadas de sujeto*):

Sin duda queda mucho por hacer, por mejorar y renovar. Para ello es preciso tener una conciencia clara y objetiva de nuestras fortalezas y de nuestras debilidades; y además, tener una visión lo más realista y completa de cómo y hacia dónde va el mundo. Несомненно, еще многое предстоит сделать, улучшить и обновить. Для этого необходимо четко и объективно осознавать свои сильные и слабые стороны, а также иметь наиболее реалистичное и полное представление о том, как и куда движется мир (24.12.2019, рождественское послание);

Ahora debemos dejar de lado nuestras diferencias. Debemos unirnos en torno a un mismo objetivo: superar esta grave situación. Сейчас мы должны оставить в стороне наши различия. Мы должны объединиться вокруг единой цели: преодолеть эту тяжелую ситуацию (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса).

Указанная тактика используется также в речах перед мировой аудиторией в проекции на международное сотрудничество в решении глобальных проблем и вызовов современности (борьба с безработицей, неравенством, регулирование миграционных потоков):

Y para garantizar la sostenibilidad económica del proyecto comunitario, parece claro que debemos ahondar en el refuerzo de la Unión Económica y Monetaria. И чтобы обеспечить устойчивое экономическое развитие европейского проекта, становится очевидным, что нам необходимо укреплять Экономический и валютный союз (07.10.2015, речь перед Европарламентом);

Es indispensable combinar diálogo y colaboración sincera con los países de origen, tránsito y retorno de los emigrantes... Крайне важно совмещать диалог и открытое сотрудничество со странами, из которых приезжают эмигранты... (05.02.2020, речь перед дипломатическим корпусом).

Таким образом, **информационно-интерпретационная стратегия** представлена в речах внутренней и внешней адресации и ставит перед собой задачу проинформировать адресата и дать однозначную оценку приводимым фактам.

2. Стратегия формирования эмоционального настроя адресата в публичном дискурсе испанского монарха

Стратегия формирования эмоционального настроя адресата является важнейшим инструментом удержания власти, поскольку воздействует на аффективно-волевую сферу адресата за счет активизации переживаний и индуцирует определенное эмоциональное состояние по отношению к какому-либо явлению или событию. Данная стратегия направлена на создание благоприятной атмосферы общения и ситуации доверия коммуникантов друг другу и реализуется в основном в выступлениях руководителей государства, принадлежащих прежде всего к ритуальным жанрам (приветственное слово, поздравление с праздником, инаугурационная речь), и в обращениях к населению по поводу чрезвычайных ситуаций. В рамках рассматриваемой стратегии применяются *тактики единения, обращения к эмоциям адресата* (апелляция к чувствам национальной гордости, озабоченности, выражение похвалы и пр.), *учета ценностных ориентиров адресата* (отсылка к общим ценностям) [Паршина, 2005а. С. 136].

Стратегия формирования эмоционального настроя активно используется в публичных выступлениях перед национальной аудиторией с целью создания соответствующего настроения и завоевания симпатии сограждан. Эмоциональный настрой выступает одним из основных ресурсов поддержки идеологических установок и продвижения необходимых оратору идей не только за счет апелляции к чувствам адресата, но и за счет трансляции оратором своих собственных эмоций.

Тактика единения ярко представлена в речах внутренней адресации и отражает функции испанского монарха как гаранта поступательного развития и медиатора между противоборствующими политическими силами:

Esas autoridades han menospreciado los afectos y los sentimientos de solidaridad que han unido y unirán al conjunto de los españoles... Местные власти недооценили привязанность и чувство солидарности, которые объединяли и будут объединять всех испанцев (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);

España no puede ser de unos contra otros. España debe ser de todos y para todos. В Испании не должно быть противостояния. Испания должна принадлежать всем и каждому (04.02.2020, речь на торжественном открытии XIV сессии Парламента).

Тактика обращения к эмоциям адресата в первую очередь связана с апелляцией к чувству национальной гордости, которая реализуется с помощью собственно оценочных прилагательных (*grande, único, excepcional, extraordinario*) и прилагательных эмоционального состояния (*orgulloso, preocupado*). Идея великой Испании является лейтмотивом всех публичных выступлений перед национальной аудиторией и эксплицируется посредством использования таких словосочетаний, как *triunfo de todos los españoles* («триумф всех испанцев»), *gran Nación, gran país* («великая страна»), *gran pueblo* («великий народ»), *gran historia* («великая история»), *nuestras fortalezas* («наши сильные стороны»):

Porque la historia de la España... es la historia de un gran triunfo de todos los españoles. Потому что история Испании – это история великого триумфа всех испанцев (24.12.2017, рождественское послание);

Siempre he pensado que España es un país extraordinario, de una enorme riqueza y diversidad cultural, construido a lo largo de los siglos gracias al esfuerzo en muchas generaciones de españoles, y con una gran historia que ha sido, durante una época, la historia misma de nuestro mundo. Я всегда знал, что Испания – это удивительная страна, которая отличается огромным культурным разнообразием, которая строилась на протяжении веков благодаря усилиям многих поколений испанцев; это страна с великой историей, которая в течение определенного периода была частью мировой истории (24.12.2020, рождественское послание).

Один из частотных приемов в речах внутренней адресации заключается в демонстрации благодарности и похвалы сограждан за их усилия в процессе достижения общих целей (особенно ярко это проявилось в период пандемии коронавируса):

*Os quiero expresar **mi admiración y mi agradecimiento por vuestra tarea** que contribuye eficazmente a transmitir una de las mejores cualidades de la sociedad española: la solidaridad con los más vulnerables y con quienes se encuentran en circunstancias difíciles. Я хочу выразить вам свое **восхищение и благодарность** за то, что вы на деле проявляете одно из лучших качеств испанского общества – солидарность по отношению к тем, кто наиболее уязвим и испытывает трудности (07.04.2015, речь перед соотечественниками в Посольстве Ливана);*

*A los sanitarios les **damos una vez más las gracias por su enorme esfuerzo, su extraordinaria profesionalidad y su gran humanidad con los enfermos**. Мы еще раз **выражаем благодарность** врачам за **их огромные усилия, их необычайный профессионализм и исключительную гуманность** по отношению к больным (24.12.2020, рождественское послание);*

*Y creo importante reconocer y resaltar que la **voluntad, determinación y solidaridad** de nuestros militares son, en definitiva, **fiel reflejo de nuestra sociedad**... И я думаю, что важно признать и подчеркнуть, что **решимость, отвага и солидарность** наших военных, в конечном счете, являются **истинным отражением нашего общества**... (06.01.2022, речь по случаю Военной Пасхи).*

Похвала служит вербальным средством открытого выражения одобрения или восхищения действиями реципиента. С ее помощью адресант способствует гармонизации отношений, мотивирует адресата следовать избранной модели поведения и сокращает дистанцию. При этом в институциональном дискурсе похвала и одобрение, выражаемые посредством эмотивно-оценочных регулятивов и акцентирующие внимание на заслугах и достижениях адресата, эксплицируют превосходство над ним адресанта. Их прагматический потенциал заключается в том, что они являются обязывающими, поскольку требуют от аудитории определенного действия, имплицитно побуждают ее к дальнейшему следованию прежней модели поведения [Гладко, 2016. С. 43].

Однако национальной эмоциональной палитре присущи и другие чувства – волнение, беспокойство, озабоченность, усталость, уныние, неуверенность, страдание, грусть, боязнь, страх, страдание, боль, отчаяние, тоска, недоверие (*preocupación, inquietud, desasosiego, cansancio, abatimiento, inseguridad, sufrimiento, tristeza, temor, miedo, duelo, dolor, desánimo, angustia, desconfianza*):

*La dureza y duración de la crisis económica produce en muchas familias **incertidumbre por su futuro**... Серьезный и длительный экономический кризис стал причиной **неуверенности** в будущем для многих семей... (24.12.2014, рождественское послание);*

*[...] generaron ciertamente **inquietud y malestar** en nuestra sociedad, **desencanto** y... **distanciamiento** de nuestra vida política en muchos ciudadanos... [...] вызвали определенную **тревогу и беспокойство** в нашем обществе, **недовольство** и... **отчуждение** от политической жизни страны многих граждан... (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);*

*Sé muy bien que en Cataluña también hay **mucha preocupación y gran inquietud** con la conducta de las autoridades autonómicas... Y al conjunto de los españoles, que viven con **desasosiego y tristeza** estos acontecimientos, les transmito un mensaje de tranquilidad... Я прекрасно знаю, что в Каталонии также вызывает **серьезное беспокойство и озабоченность** поведение местных властей... Я хочу успокоить всех испанцев, которые с **тревогой и грустью** переживают происходящие события... (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);*

*Porque a esa situación se han sumado sentimientos lógicos de **temor, de miedo** por la salud de familiares y amigos, de **preocupación** por el empleo; de **cansancio, de abatimiento**... de **incertidumbre**. Потому что в этой ситуации появились **боязнь, чувство страха** за близких и друзей, **волнение** по поводу работы, **усталость, уныние**... и **неизвестность** (16.07.2020, речь по случаю поминовения жертв пандемии коронавируса).*

В целях эффективной коммуникации и создания психологического комфорта у адресата Филипп VI постоянно подчеркивает стремление к участию в судьбе сограждан. Данный прием интимизации обладает мощным эмоционально-настраивающим эффектом и предполага-

ет обращение оратора к эмоционально-чувственной сфере адресата через сообщение о своих чувствах с целью вызвать эмоциональный отклик и создать благоприятный фон для моделирования общественного сознания. Интимизация снижает официальность общения, делает его более непринужденным и понятным аудитории. Оратор в таком случае становится в глазах аудитории «не безликим источником объективной информации», а обладающей своим мнением и эмоциями личностью. В связи с этим прием интимизации является отличной «предпосылкой для реализации замысла адресанта» (в частности, удержания своей власти) [Гладко, 2016. С. 44]:

[...] me duele y me preocupa que se puedan producir fracturas emocionales, desafectos o rechazos entre familias, amigos o ciudadanos. [...] мне больно, и меня беспокоит то, что могут возникнуть вражда, отторжение и неприязнь в семьях, среди друзей и сограждан (24.12.2014, рождественское послание);

Hoy no quiero dejar de recordar a quienes vivís una situación difícil por razones personales, económicas o sociales; o estáis lejos de vuestro hogar y seres queridos. En estas horas, que han de ser para la alegría y de celebración, nuestro corazón y nuestro pensamiento están a vuestro lado; y nuestro mayor deseo es que todas esas circunstancias queden pronto atrás. Сегодня я хочу вспомнить тех, кто находится в сложной ситуации по личным, экономическим или социальным причинам; тех, кто находится вдали от дома и близких. В эти моменты радости и торжества наше сердце и мысли находятся с вами; мы желаем, чтобы эти обстоятельства как можно быстрее остались позади (24.12.2018, рождественское послание);

Al llegar al final de este acto quiero volver a expresar de corazón nuestra gratitud y nuestra más profunda solidaridad –que conocéis bien– con todas las víctimas, con todos los heridos y amenazados y todas sus familias. В завершении этого мероприятия я хочу еще раз от всего сердца выразить нашу признательность и нашу глубочайшую солидарность, с которой вы хорошо знакомы, всем жертвам, всем раненым и тем, чья жизнь находилась под угрозой, а также всем их семьям (01.06.2021, речь на церемонии открытия Мемориального центра жертв терроризма).

Тактика обращения к эмоциям адресата в речах внешней адресации выражается с помощью апелляции преимущественно к чувству гордости в связи с успешными проектами ЕС и реализуется с помощью существительных, прилагательных и глаголов соответствующей семантики (*sentirse orgulloso, éxito, impacto positivo, reconocer, valorar, admirar*):

El proyecto europeo, que comenzó hace ya casi 60 años, crea efectivamente un espacio de paz, prosperidad, libertad, justicia y solidaridad, del que debemos sentirnos legítimamente orgullosos. Европейский проект, начатый уже почти 60 лет назад, эффективно создает пространство мира, процветания, свободы, справедливости и солидарности, которым мы должны по праву гордиться (07.10.2015, речь перед Европарламентом);

También en el ámbito de nuestras relaciones transatlánticas, quiero congratularme, poco antes de que se cumplan dos años de la entrada en vigor del acuerdo firmado entre la Unión Europea y Canadá, del positivo impacto que ha tenido en nuestros intercambios bilaterales. Также в области наших трансатлантических отношений по прошествии почти двух лет после вступления в силу соглашения, подписанного между Европейским союзом и Канадой, я хочу выразить свое удовлетворение тем позитивным влиянием, которое оно оказало на наши двусторонние обмены (22.01.2019, речь перед дипломатическим корпусом).

Тактика учета ценностных ориентиров адресата выражается с помощью отсылки к ценностной системе аудитории и представляет собой важный прием политической манипуляции. Апеллируя к традиционным ценностям, оратор оказывает психологическое воздействие на адресата за счет снятия барьеров, которое заключается в постепенном вхождении адресанта в личную сферу получателя сообщения [Гладко, 2016. С. 45]. В речах перед национальной аудиторией в первую очередь обозначаются такие присущие демократическому обществу ценности, как верховенство закона и развитие государственности в рамках действующей Конституции:

Nuestros principios democráticos son fuertes, son sólidos. Y lo son porque están basados en el deseo de millones y millones de españoles de convivir en paz y libertad. Наши демократические принципы сильны и прочны. И они таковы, потому что основаны на волеизъявлении миллионов и миллионов испанцев жить в свободе и мире (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);

Pactar y controlar, acordar en unos asuntos y disentir en otros, son consustanciales a nuestro régimen parlamentario en el que la diversidad de ideas y opiniones va unida al común respeto a nuestros valores constitucionales. Возможность договариваться и контролировать, соглашаться в одних вопросах и расходиться во мнениях в других является неотъемлемой частью нашего парламентского режима, в котором разнообразие идей и мнений непосредственно связано с соблюдением конституционных ценностей (03.02.2020, речь на открытии XIV сессии Парламента).

В выступлениях перед национальной аудиторией тактика учета ценностных ориентиров также связана с определением миссии и стоящих перед обществом целей, выступающих квинт-эссенцией смысла существования страны в мировом масштабе и одновременно играющих важную роль в объединении всех граждан. Задачи, обозначаемые в публичных выступлениях перед национальной аудиторией, представляют традиционный набор позиций, отражающий сложный исторический контекст бытования испанского социума, пережившего Гражданскую войну, диктатуру и возврат к монархическому строю: соблюдение прав и свобод человека, защита наиболее уязвимых слоев населения, достижение духовного единства, мирное сосуществование, сохранение территориальной целостности (единство в многообразии), развитие государства всеобщего благосостояния, укрепление демократических ценностей, соблюдение конституционных норм:

Una sociedad que ha experimentado una transformación muy profunda, como jamás antes en nuestra historia; que vive conforme a valores y actitudes compartidos con las demás sociedades libres y democráticas; que es y se siente profundamente europea e iberoamericana... Общество, которое претерпело серьезные, небывалые ранее изменения, которое живет в соответствии с ценностями и идеями других свободных и демократических стран, которое является и ощущает себя частью европейской и ибероамериканской цивилизации... (24.12.2019, рождественское послание).

Кроме того, Филипп VI в речах перед национальной аудиторией уделяет особое внимание институту семьи, выступающей символом стабильности развития государства (особенно в годы экономического кризиса) и по-прежнему играющей исключительную роль в современном испанском обществе:

He comprobado, una vez más, el valor que tiene en nuestra sociedad la familia... Я еще раз убедился в том, что семья играет важную роль в нашем обществе... (24.12.2016, рождественское послание).

При этом соблюдение законов и служение всеобщему благу должно стоять превыше семейных связей (в указанном ниже фрагменте содержится намек на осуждение действий отца Хуана Карлоса I, ставших причиной утраты доверия к Королевскому дому):

Ya en 2014, en mi Proclamación ante las Cortes Generales, me referí a los principios morales y éticos que los ciudadanos reclaman de nuestras conductas. Unos principios que nos obligan a todos sin excepciones; y que están por encima de cualquier consideración, de la naturaleza que sea, incluso de las personales y familiares. Уже в 2014 году, в коронационной речи перед Генеральными Кортесами я говорил о моральных и этических принципах, которыми, согласно гражданам, мы должны руководствоваться. Принципы, которым должны следовать все без исключения, которые являются превыше всего, независимо от личных и семейных обязательств (24.12.2020, рождественское послание).

В речах внешней адресации в качестве основных ценностных ориентиров указывается необходимость соблюдения прав человека и приверженность демократическим принципам правления:

La democracia, los derechos humanos y el imperio de la ley, como acabo de resaltar, son los tres pilares sobre los que se funda el Consejo de Europa, casa común de todos los europeos. Демократия, права человека и верховенство закона, как я уже отметил, составляют три столпа, на которых зиждется Совет Европы, общий дом для всех европейцев (27.04.2017, речь перед Парламентской Ассамблеей Совета Европы);

La protección y la promoción de los derechos humanos constituye otro elemento definidor de nuestra política exterior. Защита и продвижение прав человека представляют собой еще один ключевой элемент нашей внешней политики (28.01.2021, речь перед дипломатическим корпусом).

Таким образом, **стратегия формирования эмоционального настроя адресата** присутствует в публичном дискурсе испанского монарха, воздействует на аффективно-волевую сферу адресата и создает образ сочувствующего и справедливого правителя, готового защищать интересы граждан внутри страны и за ее пределами.

Заключение

В рамках институциональной политической коммуникации дискурс монарха выступает как важнейшая разновидность общественно-политического взаимодействия между различными социальными стратами, направленная на его регулирование и достижение согласия всех его участников: в связи с общей тенденцией демократизации социальных отношений в рамках современного постиндустриального общества в его публичных речах в обязательном порядке присутствует социальная составляющая. Закрепленный в Конституции за испанским монархом статус обязывает его соблюдать принцип политической нейтральности, что непосредственно отражается на содержании и форме речевого воздействия в публичных выступлениях. Публичные речи Филиппа VI в целом характеризуются традиционным для политического дискурса набором стратегий и тактик речевого воздействия (за исключением **стратегии борьбы за власть**), обеспечивающих речевой акт статусно-ориентированной институциональной коммуникации современной монархии [Селиванова, 2020].

Информационно-интерпретационная стратегия и стратегия формирования эмоционального настроя представляют собой важнейший инструмент речевого воздействия за счет (а) интерпретации информации в необходимом оратору свете, (б) нейтрализации негативного представления о существующей реальности и (в) создания необходимого эмоционального фона.

Особую роль в настоящее время играет **стратегия формирования эмоционального настроя**, которая реализует стоящую перед Королевским домом задачу объединения социума на основе общенациональной патетики. Анализ публичных выступлений Филиппа IV с 2014 по 2022 г. позволил определить следующую закономерность: в условиях социально-экономической нестабильности (каталонский кризис 2017 г., пандемия коронавируса (2019–2021 гг.), извержение вулкана на острове Пальма в 2021 г.) обращает на себя внимание тенденция к большей эмоциональной нагруженности речи с целью подчеркивания участия монарха в судьбе сограждан. Использование данной стратегии способствует выстраиванию комфортной атмосферы общения и созданию ситуации взаимного доверия коммуникантов.

Список литературы

- Алексеев А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 96–111.
- Алексеев А. Б. О некоторых особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 151–166.

- Володенков С. В.** Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // Вестник Московск. ун-та. Серия 12: Политические науки. 2012. № 5. С. 89–101.
- Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
- Гладко М. А.** Стратегия эмоционального настроя во внутренней коммуникативной среде организаций // Ученые записки Крымского университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68), №1. С. 41–47.
- Паршина О. Н.** Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005а. 325 с.
- Паршина О. Н.** Стратегия удержания власти в речевом поведении российских политических лидеров // Вестник АГТУ. 2005b. № 5 (28). С. 138–146.
- Раевская М. М.** Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии // Вестник Московск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 95–108.
- Раевская М. М., Селиванова И. В.** Институциональный дискурс современной испанской монархии: стратегии и тактики воздействия в публичных выступлениях Филиппа VI // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. № 4. С. 810–830.
- Селиванова И. В.** Коммуникативные стратегии в публичных выступлениях испанского монарха Филиппа VI перед международным сообществом // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 122–132.
- Согомонян В. Э.** Что такое дискурс власти? // 21-й век. 2012. № 1 (21). С. 34–51.
- Тихонов А. А.** Дискурс власти и власть дискурса в информационном обществе // Власть. 2013. № 7. С. 54–58.
- Фефелов А. Ф.** Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 83–101.
- Черепанова С. А.** Философия образования и дискурс власти // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2010. Т. 23 (62), № 2. С. 209–216.
- Чернявская В. Е.** Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 136 с.
- Van Dijk, T. A.** Political discourse and ideology. DOXA Comunicación, 2002, no. 1, p. 207–225.

References

- Alexeyev, A. B.** The political marginalization as a communicative strategy of power domination in political discourse // Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 96–111. (in Russ.)
- Alexeyev, A. B.** The influence of political discourse on the formation of the language personality of a politician // Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 151–166. (in Russ.)
- Cherepanova, S. A.** Education philosophy and power discourse // Scientific Bulletin of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences, Sociology, 2010, vol. 23 (62), no. 2, pp. 209–216. (in Russ.)
- Chernyavskaya, V. E.** Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence. Moscow, Flinta, 2006, 136 pp. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Lexico-semantic field of POST-TRUTH through the prism of its Russian correspondences Istina and Pravda // Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 83–101. (in Russ.)

- Galperin, I. R.** Text as an Object of a Linguistic Study. Moscow, Nauka Publ., 1981, 138 pp. (in Russ.)
- Gladko, M. A.** Strategy of emotional stance in internal communication of organizations // Scientific Bulletin of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series: Philology, 2016, vol. 2 (68), no. 1, pp. 41–47. (in Russ.)
- Parshina, O. N.** Speech strategies and tactics of the modern Russian political elite. Doctoral dissertation. Moscow, 2005a, 325 pp. (in Russ.)
- Parshina, O. N.** The strategy of holding power in speech behavior of Russian politicians // Vestnik of Astrakhan State Technical University, 2005b, no. 5 (28), pp. 138–146. (in Russ.)
- Raevskaya, M. M.** The discourse of power in the modern world: socially oriented communication of the Spanish monarchy // Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, no. 4, pp. 95–108. (in Russ.)
- Raevskaya, M. M., Selivanova, I. V.** Institutional discourse of the modern Spanish monarchy: communicative strategies and tactics in Felipe VI's speeches // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 2021, no. 18 (4), pp. 810–830. (in Russ.)
- Selivanova, I. V.** Communicative strategies and tactics in the Spanish King Felipe VI's public speeches // Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 122–132. (in Russ.)
- Sogomonyan, V. E.** What is power discourse? XXI century, 2012, no. 1 (21), pp. 34–51. (in Russ.)
- Tikhonov, A. A.** The discourse of power and the power of discourse in the information society. Vlast, 2013, no. 7, pp. 54–58. (in Russ.)
- Van Dijk, T. A.** Political discourse and ideology. DOXA Comunicación, 2002, no. 1, pp. 207–225.
- Volodenkov, S. V.** Modern political communication as an instrument of public manipulation // Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences, 2012, no. 5, pp. 89–101. (in Russ.)

Информация об авторе

Селиванова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Школы иностранных языков НИУ ВШЭ

Information about the Author

Irina V. Selivanova, PhD in Linguistics, Associate Professor, HSE School of Foreign Languages

*Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 11.07.2023*

*The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 11.07.2023*

Научная статья

УДК 81"11

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72

Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности

Валерия Евгеньевна Чернявская

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

chernyavskaya_ve@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

Аннотация

Статья рассматривает деонтическое значение слова и его формирование в контексте политической корректности. Политическая корректность понимается как социальная и коммуникативно-речевая практика, которая создает и поддерживает идеологически мотивированное использование языка. Предлагаемый анализ показывает объяснительные возможности понятия деонтического значения как аналитического инструмента для изучения слова в контекстуализации и в интерпретации языковых процессов, порождаемых политической корректностью, в частности. Деонтическое значение рассматривается как компонент значения слова, выражающий оценку и одновременно предписание нормативного характера о (не)возможности использования этого слова для выражения определенного содержания. В статье критически проанализирована трансформация понятия политическая корректность в англо-американском и немецком дискурсе, систематизированы объяснительные подходы в прагматически ориентированной лингвистике, предлагающие лингвистические критерии для различения денотативного значения и дополнительных значений, обуславливающих оценочную интерпретацию языковой единицы в контексте. Теоретико-методологическую основу анализа составляют объяснительные концепции в современной лингвистике дискурса, дискурсивном анализе, прагматически ориентированной лингвистике. Эмпирический материал для исследования представляют тексты, отражающие актуальные коммуникативные ситуации в странах Западной Европы и в США в 2019–2023 гг. Анализ показал, что у политически корректного наименования (переименования) прослеживается формирование деонтического значения. Фактически наблюдается не альтернативная номинация, но редукция возможного многообразия и полифонии значений и сведение их к одной доминирующей интерпретации и одному смыслу. В значении ряда языковых единиц в английском, немецком языках закрепляется негативная деонтика категоричного запрета на употребление, в значении других слов закрепляется положительная деонтика с прескриптивным характером желательности использования. Механизм формирования деонтического значения действует как социально детерминированный. Анализ показывает такие ситуации, в которых политическая корректность из практики использования языка, нацеленной на преодоление дискриминации и оскорбления социальных уязвимых групп, фактически трансформировалась в борьбу со скрытыми смыслами, потенциально выводимыми адресатом.

Ключевые слова

семантика, прагматика, контекстуализация, деонтическое значение, коннотация, политическая корректность

Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» № 22-18-00591 в Балтийском федеральном университете, Калининград.

Для цитирования

Чернявская В. Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 58–72. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72

© Чернявская В. Е., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 3

Deontic Meaning and Pragmatics of Politically Correct Renaming

Valeria E. Chernyavskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation

chernyavskaya_ve@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

Abstract

The analysis is carried out against the background of conceptions of deontic meaning as a basic concept to analyze social evaluation of lexis. As first introduced by Fritz Hermanns, the term deontic meaning is considered as part of the lexical meaning of some words and expressions on par with their descriptive meaning that appeals to the stances of the recipients. The paper presumes that deontic meanings refer to the prescriptive usage of a linguistic form and its positive or negative deontics pointing to whether something may (not) or ought (not) to be used in certain contexts. In this framework the deontic meaning of the word is studied in the perspective of political correctness and politically correct language. The analysis shows an explanatory force of the concept deontic meaning as an analytical tool for investigating the social embeddedness of a linguistic form, and contributes to understanding linguistic processes generated by political correctness. This paper, first, reveals the key notions central to understanding political correctness as aiming to redress injustices in matters such as race, nation, gender, sexual orientation in the modern (Anglo)-American and German types of discourse. Second, the paper aims to discuss the relationship between denotative meaning, connotation and deontic meaning in explaining the meaning making process in contextualization. The analysis is in line with theoretical and methodological approaches in modern discourse linguistics, discourse analysis, and pragmatically oriented linguistics. Empirical material for the study is provided by the texts reflecting current socio-cultural situations in Western Europe and in the USA in 2019-2023. The actual cases show that in the politically correct naming practices there is a trend for the formation of a deontic meaning. In fact, what is observed is not an alternative nomination, but a reduction of the possible polysemy of meanings to one dominant interpretation and one meaning. The mechanism of the deontic meaning formation acts as socially determined. The analysis shows such situations in which political correctness actually has been transformed into a struggle with hidden meanings potentially derived by the addressee.

Key words

semantics, pragmatics, contextualization, deontic meaning, connotation, political correctness

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation, project № 22-18-00591 at Baltic Federal University, Kaliningrad

For citation

Chernyavskaya V. E. Deontic Meaning and Pragmatics of Politically Correct Renaming. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 58–72. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72

Введение

Имена конструируют реальность вокруг человека, имя раскрывает социальную позицию, культурную и социальную идентичность. В перспективе социальной ономастики имена (ономастическая лексика) анализируются как обусловленные широким комплексом социолингвистических факторов [Smith, 2016]. Исследуется политическая мотивированность в наименовании людей, организаций, мест [Alia, 2007; Guenther, 2009]. Ключевой вопрос в изучении имен и, как следствие, в изучении переименований связан с тем, выполняет ли имя только денотативную функцию называния объекта или выражает большее. Имя не только описывает или помечает объект, относит его к какой-либо категории, но и определенно формирует отношение к объекту номинации, к его восприятию и оценке¹. Перспективным и эвристичным становится, таким образом, изучение не только и не столько референтного значения, но смысловых приращений, возникающих у имени в контекстуализации.

Связь имени и типичного контекста, в котором оно ожидаемо, выдвигает практика переименований географических объектов, топонимов в обществах, переживающих политические

¹ Примечательный пример, определяющий направление анализа: 45-й президент США Дональд Трамп регулярно использовал для обозначения новой коронавирусной инфекции термин «китайский вирус» («Chinese virus»), маркируя тем самым контекст распространения инфекции и свое отношение к этому.

и социальные преобразования. Как известно, в России в постсоветский период произошла десоветизация топонимии – массовая замена названий населенных пунктов, улиц, площадей и других объектов. Аналогичные практики наблюдались на постсоветском пространстве в тех государствах, которые образовались после распада СССР [Степанов, 2014]. Политизация каждодневного существования в социуме позволяют в настоящем времени наблюдать многочисленные примеры изменения названий, которые воспринимаются как указывающие на нежелательные ассоциации и смыслы.

Предметом предлагаемого анализа является переименование, т. е. изменения названия организации, компании, товара, мотивированные политической корректностью. Политическая корректность понимается как социальная и коммуникативно-речевая практика, нацеленная на осознанное использование языка, исключающее слова и выражения, оскорбительные по признаку расы, национальности, пола, семейного статуса, возраста, вероисповедания, сексуальной принадлежности и исключающие дискриминацию другого человека по этим основаниям [Ely et al., 2006; Fairclough, 2003; Lakoff, 2000; Mills, 2003]. В таком понимании политкорректность (Political Correctness) была определена англо-американской перспективой. Современные исследователи указывают со ссылкой на основополагающую работу [Wilson, 1995], что понятие и собственно термин политкорректность вошли в общественное сознание в США в 1991 г. В середине 1990-х гг. появились публикации, показывающие, что это явление не уникально для США и англо-саксонской культуры. Политкорректность (Politische Korrektheit) можно считать темой и повесткой для Германии [Bonder, 1995; Diderichsen, 1996; Frank, 1996; Wimmer, 1998].

В российских публикациях тема политической корректности рассматривается вслед за англоязычными исследованиями как культурно-специфичное явление [Майба, 2016], как один из аспектов культуры речи, с точки зрения эвфемизации речи [Рубина, 2011]. Собственно языковой аспект рассматривается в связи с гендерно маркированным использованием языка и так называемым «инклюзивным языком». Применяя термин «инклюзивный язык» к политкорректности, О. А. Леонтович интерпретирует это как язык, «который никого не дискриминирует», так как исключаются всякие упоминания расы, социального пола, возраста, национальности и иных характеристик личности, инклюзия прослеживается «в отказе от слов, которые в процессе использования обрели нежелательные коннотации и ассоциации; избегании стереотипизации; изменении семантики слов; эвфемии; ложных семантических связях» [Леонтович 2021. С. 201; 215].

Представляется, что приведенное широкое определение инклюзивного языка отражает представления о политкорректности в ранний период позиционирования этой общественной практики. Актуальный социокультурный контекст и репрезентирующая его современная коммуникативно-речевая практика выдвигает новые исследовательские акценты как в социокультурном, так и в лингвистическом анализе. Сегодня политическая корректность проявляет себя не как сосуществование и конкуренция разных идентичностей и идеологий, но как ограничение возможного многообразия и полифонии значений и сведение их к одной доминирующей интерпретации и одному смыслу. Радикализация политической корректности создала давление на выбор имени и в целом на использование языка в социальном контексте. Представляется, что новая точка зрения, расширяющая и уточняющая наши представления о функционировании языка в социуме, создает возможностью наблюдать прагматизацию значения в социальном контексте, того, что возможно называть асимметрией между семантикой и прагматикой слова. Асимметрия значит, что прагматическое значение значительно отличается от семантики языковой единицы, подр.: [Чернявская, 2021 б].

Предлагаемый анализ опирается на понятие *деонтическое значение* и выдвигает его объяснительные возможности как аналитического инструмента для изучения слова в контекстуализации вообще и в интерпретации языковых процессов, порождаемых и направляемых политической корректностью, в частности. Такая цель анализа определяет логику предлагаемых

рассуждений и структуру статьи. В статье первое – критически анализируется трансформация понятия *политическая корректность* в современном англо-американском и немецком дискурсе и второе – систематизированы объяснительные подходы в прагматически ориентированной лингвистике, предлагающие лингвистические критерии для различения денотативного (дескриптивного) значения и дополнительных значений, обуславливающих оценочную интерпретацию языковой единицы в контексте.

Предлагаемое исследование базируется на анализе текстов новостных сообщений, пресс-релизов, опубликованных в СМИ в открытом доступе сообщений о переименованиях организаций, компаний, топонимических объектов, что отражает актуальные коммуникативные ситуации в странах Западной Европы, в США в 2019–2023 гг.

Политическая корректность: трансформация понятия в 1980–2020-е годы

Явление политической корректности связано с несколькими идеологиями и социально значимыми движениями: культурным многообразием (cultural (super)diversity), идеологией мультикультурализма, (cultural sensitivity), идеологией феминизма. Политическая корректность сложилась в 1980-е – к началу 1990-х гг. в США, Великобритании, Канаде как общественное движение за права тех социальных групп, которые считались принадлежащими к меньшинствам – расовые, национальные, сексуальные меньшинства, а также как движение за права женщин, за расширение их экономических и личных прав, против дискриминации по гендерному признаку. Феминизм стал одним из выражений леворадикального движения политкорректности. Первоначально политкорректность и дискурс феминизма воспринимались как совпадающие [Mills, 2003. Р. 89].

«Корректное мнение и ‘корректное мышление’ очевидно являются ключевым компонентом в дискурсивной истории политкорректности, как она предстала в 1980-е гг.», формулируют Ст. Зур и С. Джонсон [Suhr, Johnson, 2003. Р. 9]. Под влиянием активных трансформаций в обществе, в академической, университетской среде была осознана необходимость изменений в языке, а точнее в институциональном использовании языка, которое демонстрирует «несправедливое или нерелевантное разделение между социальными полами в университетской среде, публичном общении» [Mills, 2003. Р. 89]. Пересматривались речевые нормы во взаимодействии между отдельными людьми и социальными группами. Движение политкорректности выдвинуло на первый план тезис о существовании в языке «слов-притеснителей», понижающих самооценку некоторых социальных групп. Поэтому политкорректность получила очевидное выражение в использовании эвфемизмов и в альтернативной номинации (в английском языке это привело среди прочего к массовому появлению гендерно нейтральных обозначений за счет переосмысления словообразовательного суффикса *man*). Был сформулирован подход «сначала люди», «в языке сначала люди» («people first»; «people first language»), провозгласивший, что в языковой номинации на первый план должен выходить человек, а не его (не)способность делать что-либо [Halmari, 2011].

Особая перспектива в осмыслении политкорректности сложилась в немецком социокультурном контексте. Она связывается с рефлексиями относительно немецкой идентичности. Это стало наиболее отчетливо после объединения Западной и Восточной Германии в 1990 г. в единое государство. В немецких СМИ, в публичном и политическом дискурсе контексты, в которых обсуждалась повестка политической корректности, выходили за пределы феминизма, мультикультурализма и касались европейской интеграции, национальной идентичности. Превалирующими оказались дискуссии об историческом прошлом Германии, ее национал-социалистическом периоде 1933–1945 гг., что оформилось темами коллективной вины, коллективной ответственности, признаваемой в немецком обществе за последствия фашизма и национал-социализма, [Johnson, Suhr, 2003. Р. 51]. В немецком контексте эти дискуссии на-

чались раньше, чем появился собственно ярлык «политическая корректность». И это отличает немецкую практику от англосаксонской, обзор точек зрения в исторической перспективе представлен в исследованиях [Diderichsen, 1996; Frank, 1996; Кондакова, Принципалова, 2021; Чернявская, 2021a]. Отличительной чертой немецкой политкорректности стала значительная стигматизация концепта политкорректности и гораздо меньшая ироничная коннотация, которая прослеживалась в англосаксонских леволиберальных кругах при обсуждении вопросов, связанных с общественной моралью, образованием, религиозной принадлежностью, сексуальной ориентацией и политически гипертрофируемых [Johnson, Suhr, 2003. P. 50].

Если в 1980-е гг. политическая корректность получила первоначальный импульс и стала заметным общественным движением, то с конца 1990-х гг. и особенно в 2000–2010 гг. появилась возможность ретроспективного взгляда на этот феномен. Политическая корректность стала осмысляться с опорой на разные теории, которые в свою очередь сложились в это время внутри дискурсивного анализа, лингвистической антропологии, социолингвистики. В публикациях этого периода представлен критический взгляд на политическую корректность как на очень противоречивое явление, противоречивое в своей динамике. Одним из ее результатов стало то, что «гегемония политически корректного мышления привела к появлению поколения, парализованного страхом оставить царапину на слишком хрупком эго тех, кто может принадлежать к так называемому меньшинству»², как определяют Ст. Зур и С. Джонсон во вступительной редакционной статье специального выпуска журнала «Discourse & Society», посвященном политической корректности [Suhr, Johnson, 2003. P. 5]. Одновременно, по мнению авторов, политическую корректность следует осудить за то, что она заметно ужесточила реально существующие дискуссии и конфликты, которые должны существовать в обществе, чтобы иметь надежду на продвижение в сторону действительно равноправного общества [Там же]. Передозировка политкорректности может привести к разрушительным эффектам (an “overdose” of PC can also lead to devastating effects) [Marques, 2009. P. 258].

Если изначально политкорректность была очевидным и ярким примером борьбы дискурсов и идентичностей [Suhr, Johnson, 2003. P. 11], то в современном контексте социальные предписания стали жесткими запретами на использование определенных выражений, чтобы они не создавали социального конфликта. Политкорректность стала частью идеологической трансформации и смещения в сторону гегемонии одной идеологии [Margues, 2009. P. 258]. Она стала идеологической борьбой в том числе с иронией в адрес других. В таком развороте политкорректность может становиться и собственно становится «несбалансированной реакцией, предписаниями, которые в публичной медийной сфере доводятся до абсурда» [Mills, 2003. P. 91]. В определенный момент политически корректные предписания начали действовать как контроль над скрытыми смыслами – пресуппозициями и потенциально возможными импликациями дискурса, т. е. как пристальное внимание к тому, какие смыслы могут быть прочитаны как дискриминирующие некоторые социальные группы, указывает С. Миллз [Mills, 2003. P. 90]. Это продемонстрировала динамика общественных настроений в США в 2020 г., начавшихся после массовых общественных протестов из-за убийства американским полицейским темнокожего американца, и последовавшая реакция в западно-европейских странах.

Наблюдаемая сегодня радикализация и «несбалансированная реакция» политической корректности поддерживает практику переименования организаций, компаний, брендов под влиянием «вычитывания» и выведения возможного негативного отношения в обществе к существующим названиям.

² В оригинале «hegemony of ‘politically correct’ thinking... led to a ‘generation’ paralysed by a fear of denting the all too fragile egos of anyone who might belong to a so-called minority group» [Suhr, Johnson, 2003. P. 5].

Денотативное значение – коннотация – деонтическое значение: к определению понятий

В употреблении слово всегда получает определенные смысловые приращения по сравнению со значением, конвенционально закрепленным за ним в лексиконе того или иного языка. В структуре лексического значения слова различимы две части: содержательное ядро значения и сопутствующие значения, окружающие ядро, благодаря ассоциациям со значимыми в каком-либо отношении фрагментами общего социального опыта носителей языка. Шлейф смыслов, дополнительных к предметно-понятийному ядру значения, традиционно изучался в лингвистике и по-разному отрефлексирован в различных теоретических подходах. Сложился разный понятийный аппарат. В семантике и стилистике возникающее в контексте употребления смысловое приращение слова традиционно изучалось как коннотация. При этом *коннотация* использовалась как своего рода широкий, зонтичный термин для обозначения любого компонента, дополняющего предметное содержание единицы, для обзора [Телия, 1986]. В концепциях интеракциональной лингвистики, лингвистике дискурса, социолингвистике представления о прагматических аспектах значения теоретизируются с опорой на другой понятийный и терминологический аппарат, который позволяет более детально и дифференцированно говорить о характеристиках прагматического значения по сравнению с семантическим.

Понятие *социальное значение* обсуждалось с 1980-х гг. внутри семантики, главным образом в англо- и немецкоязычных публикациях. Определение того, что значит социальное значение, связывалось в ранних публикациях с перформативным эффектом и с коммуникативной реакцией адресата на задействованное в речевом акте средство, исчерпывающий обзор проблематики представлен в работе С. Лёбнера [Löbner, 2002]. В (лексической) семантике социальное значение рассматривается как часть лексического значения слова наряду с его денотативным значением. Слово или высказывание получает социальное значение, если его использование подчинено существующим правилам социального взаимодействия в коммуникации. В такой перспективе социальное значение фиксируется нормами формальной или неформальной коммуникации. В каждом языке сложился набор языковых единиц и формулировок с отчетливым социальным значением, например, приветствия, извинения, формы разговора по телефону, иные этикетные и ритуализированные формулы социального взаимодействия. Именно как соответствие формальной или неформальной коммуникации термин *социальное значение* применялся в семантике в публикациях 1970–1990-е гг., ср.: [Löbner, 2002. Р. 34]. Понимаемое так социальное значение не тождественно другому аспекту лексического значения, а именно *экспрессивному значению*. Экспрессивное значение передает семантическую характеристику языковой единицы, которая не зависит от контекста использования и выражает субъективное, эмоциональное переживание удовольствия, одобрения, сожаления и т. п., а также экспрессивную негативную оценку личности и поведения человека. К словам с экспрессивным значением традиционно относят междометия, эмоционально заряженные номинации, бранные слова.

Для предлагаемого анализа существен еще один тип значения, описываемый термином *коннотация*. Коннотативное значение как часть лексического значения передает оценочный компонент, дополнительный к денотативному значению и устойчиво связанный с ним в сознании носителей языка. Коннотация выражает эмоционально-оценочные ассоциации, связанные с основным значением в сознании коммуникантов. Например, слово *свинья* имеет коннотацию *нечистоплотный, грязный*. Коннотация не является частью дескриптивного значения и не обязательно является экспрессивом: слово *свинья* может использоваться нейтрально для обозначения животного. Коннотации изменчивы в историческом движении и вариативны в культурных контекстах. Поэтому о коннотативном значении целесообразно говорить в связи с актуальной денотацией слова. Негативные коннотации традиционно изучаются в связи с эвфемизацией.

Исследователи лексической семантики в 1980–90-е гг. высказывали мнение, что однозначное разделение социального значения и экспрессивного значения труднодостижимо. В от-

дельных объяснительных подходах экспрессивное значение рассматривается как коннотация. Однако следует согласиться с С. Лёбнером в том, что лингвистическая дифференциация становится все более отчетливой именно в контекстуализации, при погруженности высказывания в социальную ситуацию. В современных концепциях дискурсивного анализа, метапрагматики, социолингвистики доказательно разрабатываются представления о социальном значении как особом типе значения слова, использованного в социальной ситуации. Детальный обзор проблематики и актуальная библиография представлены в [Гладко, 2022; Молодыхенко, 2022; Молодыхенко, Чернявская, 2022; Чернявская, 2023]. В кратком обобщении социальное значение регулируется социально значимыми правилами коммуникации, типизированными социальными ролями, идентичностями коммуникантов и их типизированными представлениями о партнере, о характере ситуации взаимодействия в целом. Экспрессивное значение в представленном выше понимании выражает субъективную оценку и субъективный выбор языкового средства для ее выражения.

Общественно-историческая прикрепленность слова и диахроническая изменчивость содержания и объема понятия, обозначаемого словом, фокусировалась в концепции «замещения понятий» (*Besetzen von Begriffen*) [Klein, 1991], а также в теории исторической семантики дискурса Д. Буссе [Busse, 2000]. Эти исследовательские направления детально развивались в немецкой лингвистической школе с 1970-х гг. и далее в лингвистике дискурса. В русле данных лингвистических теорий проводятся исследования социо- и культурно-исторического развития значения отдельных слов и обозначаемых ими понятий. Прагматическим поворотом в лингвистике была подготовлена исследовательская перспектива в изучении имплицитных, латентных смыслов, ориентированная на прагматику коммуникации³. В реальном употреблении слова, т. е. в контекстуализации, наряду с дескриптивным значением (дескриптивным компонентом значения) выделяемо *деонтическое значение* – компонент значения слова, выражающий оценку и одновременно предписание нормативного характера о возможности (желательности, нежелательности) использования этого слова. Деонтическое значение слова предписывает использование или неиспользование данной языковой единицы для обозначения определенного содержания. В лингвистический анализ термин (*deontische Bedeutung*, *deontic meaning*) ввел Ф. Херманнс [Hermanns, 1989].

В такой проекции объяснительный подход связан с различием дескриптивного значения, деонтического значения и коннотации. Некоторые языковые единицы имеют деонтическое значение, положительную или отрицательную деонтику, закрепленную в лексиконе, например, *предатель, убийца, воровать, милосердие*, другие единицы приобретают деонтическое значение в контексте использования. Й. Кляйн показал, что деонтическое значение может возникать у любой языковой единицы [Klein, 1991. Рр. 62–63]. При этом возможно предположить, что особой чувствительностью к контексту и аксиологической, деонтической заряженностью обладают слова, обозначающие ценностно-ориентированные «поведенческие» и мировоззрен-

³ В разное время становились продуктивными отдельные исследовательские аспекты в изучении идеологически нагруженного использования языка для выдвижения определенных оценок. В своем целеполагании изучать имплицитные смыслы, стоящие за языковой формой, в 1970-е гг. резонансной стала критическая лингвистика (*Critical Linguistics*), критический дискурс-анализ (*Critical Discourse Analyses*, *Critical Discourse Studies*, *Discourse Historical Approach CDA*). Критический дискурс-анализ стал, как известно, наиболее влиятельным исследовательским подходом в 1980–2000-х гг. в изучении языка как отражения и выражения идеологически мотивированных интересов использующих его людей. При этом связь идеологии, дискурса и определенного, такого и не иного употребления языка не всегда очевидна и отрефлексирована участниками коммуникации. В исследованиях критического анализа дискурса центральной темой стал скрытый антисемитизм, ксенофобия, расистские, националистические, гендерные, иные предубеждения, которые исследователи, практикующие КДА, прослеживали в современном им обществе в том числе на уровне повседневной коммуникации в тривиальных высказываниях. Детальный обзор критических подходов к возможностям и ограничениям критического дискурс-анализа представлен в работах [Молодыхенко, Чернявская, 2022; Чернявская 2021 б. С. 50–54; 159–160].

ческие концепты. Собственно этот аспект и стал наиболее проработанным. По определению авторитетного немецкого лингвиста В. Дикмана, «семантическая борьба» между словами и выражаемыми ими понятиями показывает «идеологическую полисемию» (*ideologische Polysemie*), которая описывает явную или латентную семантическую конкуренцию языковых единиц [Dieckmann, 1969]. Выбор номинаций происходит в ситуации конкуренции или альтернативной номинации, что и определяет содержание того, что значит «занимать понятия». Языковые средства определяются как инструментарий для реализации стратегической цели коммуниканта. Действия со словами имеют целью изменение коннотативного фона за счет создания позитивного или негативного восприятия слова и фиксации его ассоциативных связей с определенным понятием или социальным актором. Желаемая оценка и прогнозируемая реакция адресата создаются за счет выбора альтернативных номинаций. В исследованиях политического дискурса стратегический аспект альтернативной номинации отчетливо прослеживается по линии противопоставления «свои» – «чужие». Выбор слова для обозначения некоего референта акцентирует определенные содержательные аспекты с опорой на дескриптивное значение и вместе с этим вызывает определенные ассоциации (коннотативные значения) и фиксирует деонтический компонент значения. В употреблении «чужими» и по отношению к «чужим» закрепляется негативная деонтика нежелательности, отрицательно-оценочных смыслов, выражаемых определенным словом. По отношению к «своим» закрепляется положительная деонтика с прескриптивным характером желательности использования языковой единицы в данном контексте. Например, ранние исследования [Liedke, 1989] показывают, что в немецком политическом дискурсе и в западноевропейском пространстве в целом в 1970–90-е гг. слово «социализм» («Sozialismus») получило негативную деонтику и использовалось в контекстах, выражающих отрицательную оценочность на фоне социалистического строя в СССР и Восточной Германии. Понятие «рыночная экономика» имело позитивную деонтику в западно-немецком политическом дискурсе и одновременно отрицательное деонтическое значение в контексте выражения социалистических реалий как противопоставление плановой экономике⁴. Альтернативная номинация, переименование может рассматриваться как инструмент воздействия на адресата, например, вместо *застой* используется *нулевой рост*, вместо *аннексия территории* – *присоединение территории* и т. д. Аксиологическая негативная или позитивная полярность конструируется коммуникантами в дискурсе в соответствии с «прагматикой мента».

Отметим, что в российской лингвистике термин *деонтическое значение* не использовался, при этом сходная проблематика возникновения прагматических значений у языковой единицы под влиянием социокультурной практики ее использования обсуждалась и объяснялась с опорой на иной аналитический аппарат. Значимым результатом в этой перспективе следует назвать исследования Н. А. Купиной, в том числе монография «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» [Купина, 1995; 2015]. Исследован языковой материал советского «лингвокультурного сообщества, основа которого заложена не в национально-культурной, а в государственно-политической сфере» [Купина, 2015. С. 5]. В качестве основного лексикографического источника для анализа используется «Толковый словарь русского языка» (ТСУ) 1935–1940 гг. под редакцией Д. Н. Ушакова⁵, который Н. А. Купина квалифицирует как лексикографический памятник эпохи. Показывается, что семантика ряда слов приобретает «идеологический макрокомпонент», т. е. «цельную, развернутую, достаточно самостоятельную часть словарного толкования и/или набор качественно новых для русского языка идеологизированных контекстов (от словосочетания до развернутого высказывания), рекомендуемых ТСУ в качестве нормативных, ти-

⁴ Заметим в этой связи, что политическая корректность также обнаруживает деонтическую полисемию и аксиологическую полярность, вызывает как положительную, так и отрицательную реакцию социальных акторов. Этим термином, как показывает анализ, номинируют как социально привлекательные, так и осуждаемые явления.

⁵ Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. проф. Ушакова Д. Н. М.: Советская энциклопедия. ОГИЗ. 1935–1940 гг.

повых» [Там же. С. 11]. В числе характерных особенностей языка эпохи называется создание идеологем, отчетливо задаваемая семантическая оппозиция, например, *красный* – *белый*, т. е. *вражеский*, *враждебный*; *советский* – *антисоветский*, т. е. *буржуазный*, *западный*; прямолинейная аксиологическая поляризация лексики; развитие антонимических и синонимических рядов, системно закрепляющих идеологемы; кодифицирование нетрадиционной для русского языка лексической сочетаемости, отражающей идеологизированные стандарты. Н. А. Купина детально показывает, как в анализируемом словаре Ушакова 1935–1940 гг. языковые единицы фиксируются как идеологемы. Например, отмечается, что с лексемой *интеллигенция* «в словаре В. И. Даля ... связано духовное внеклассовое содержание: *Интеллигенция. Разумная, образованная, умственно развитая часть жителей*, то в ТСУ это слово характеризуется идеологически, так как в семантическую структуру слова включаются семемы с пометами (презр.): *Интеллигент. Человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презр.). Интеллигентщина (нов. разг. презрит.)*» [Купина, 2015. С. 11–12].

Разработки в области создания идеологем и влияния идеологии на семантику и прагматику языка, проводимые в отечественных научных школах, очевидно создали свои теоретико-методологические основания в изучении формирования деонтического значения, положительной или отрицательной деонтики слова. Осмысление механизмов смыслообразования в социально значимых контекстах с опорой на понятие *деонтическое значение* и дальнейшая экспликация этого понятия представляется продуктивной. Представим далее ряд актуальных ситуаций, позволяющих наблюдать динамику прагматизации значения под влиянием социально детерминированного понимания в практике современной политкорректности.

Материал и интерпретация

Практика политической корректности создала сильное давление на выбор имени и соответственно переименование. В ряду «политически корректных» действий и социально значимых контекстов, позволяющих наблюдать прагматизацию значения под давлением доминирующего прочтения рассмотрим следующие примеры.

1. *Косметические бренды, производящие и продающие средства для осветления кожи, обвиняются в использовании расистских стереотипов и расистских образов для продвижения популярных продуктов, а именно в использовании цвета и наименований цвета, вызывающих расистские ассоциации*⁶. По сообщению агентства Reuters, компания L’Oreal объявила, что из описания косметики для ухода за кожей и выравнивания тона кожи будут исключены слова *white* (белый/отбеливающий), *fair* (светлый/осветляющий/блонд), *light* (светлый). Аналогичное решение приняла компания Unilever. Принято решение переименовать бренд *Fair & Lovely*, ведущий в производстве отбеливающих средств для кожи⁷.

В семантике слов *white* (белый), *fair* (светлый), *light* (светлый) присутствуют и соотносимы следующие значения: светлый по сравнению с другими объектами, лишенный дополнительной окраски, светло-, белокожий как признак людей европейской расы. Акцентирование значения белокожий и выдвигание его на фоне других семантических характеристик, очевидно, происходит под влиянием дискурса расизма, укорененного в американском, европейском обществе. Есть общие знания, разделяемые членами общества, о негативных предубеждениях против людей по цвету кожи и о социальной дискриминации темнокожих. Дискурс расизма может быть определен и как уже существующие высказывания, оценки, предубеждения, так

⁶ Источник: <https://www.forbes.com/sites/jemimamcevoy/2020/06/26/loreal-unilever-reassess-skin-lightening-products-but-wont-quit-the-multi-billion-dollar-market/?sh=481be38f223a>

⁷ В источнике: «L’Oreal, the world’s biggest cosmetics company, will remove words referencing “white”, “fair” and “light” from its skin-evening products, a spokeswoman said on Friday, a day after Unilever made a similar announcement in the face of growing social media criticism». <https://www.reuters.com/article/us-l-oreal-whitening/loreal-to-drop-words-such-as-whitening-from-skin-products-idUSKBN23X224?il=0>

и все потенциально возможные высказывания о превосходстве одних людей над другими. Идеологическое противостояние и борьба дискурсов, расистского и антирасистского, антидискриминационного, фокусирует обозначенную ранее «идеологическую полисемию». В актуальном контексте «белый» понимается в первую очередь как «белокожий», принадлежащий к европейской расе. Фактически формируется и поддерживается деонтическое значение нежелательности, невозможности использовать языковую единицу «белый» без социального осуждения в расизме и колониализме.

2. Американская компания, владеющая торговой маркой мороженого «Эскимо» (*Eskimo pie*), отказалась от названия на фоне акций протеста в США против расизма. В компании объявили, что название является оскорбительным для коренных народов Арктики – эскимосов. Название мороженого-эскимо было запатентовано в 1922 г.⁸ Профессиональная футбольная команда Канадской футбольной лиги Эдмонтон Эскимос, имевшая название *Edmonton Eskimos* объявила о решении изменить название команды под давлением общественных требований избавляться от расистских названий и образов. Из названия исключено слово эскимос. В заявлении указано, что эскимос – унижительный термин колониальной эпохи для обозначения коренных народов Северной Америки, проживающих в том числе на территории Канады. Команда с таким названием существовала уже в 1895 г.⁹

Для обозначения коренных народов Арктики социально допустимым стало слово *инуит*. Таким образом, отрефлексирующая в социальном контексте связь слова эскимос с употреблением этого слова европейцами привела к появлению деонтического компонента значения, а именно негативного и указывающего на контекст колониального прошлого. Слово *инуит* становится социально допустимым и желательным.

3. Энтомологическое общество Америки (ESA) исключило названия «цыганский мотылек» (*Gypsy Moth*, *Lymantria dispar*) и «цыганский муравей» (*Gypsy Ant*) из списка наименований насекомых. Эти названия оценили как оскорбительные для цыган. Название «цыганский мотылек» использовалось с 1908 года, «цыганский муравей» с 2006 года. Новые названия будут придумывать энтомологи, а также все желающие. В 2021 году правящий совет ESA утвердил новую политику в отношении наименований насекомых – запретил названия, относящиеся к этническим или расовым группам, а также способные вызывать страх.¹⁰

4. В октябре 2021 г. было изменено название улицы Берлина Моренштрассе (*Mohrenstraße*). Улица переименована в улицу Антона Вильгельма Амо (1703–1752), темнокожего философа и правоведа, в оригинале *Anton-Wilhelm-Amo-Straße*. Это одна из старейших улиц Берлина, возникла в начале 18 века. «Мавр» («*Mohr*») – устаревшее название темнокожего населения Северной Африки, в том числе темнокожих рабов, содержавшихся при дворах европейской знати, принятое в средневековой Западной Европе. Историческое название в современном контексте многие люди воспринимали как колониальное и расистское. Ежегодно в Международный день памяти о работорговле на Моренштрассе организовывались акции за ее переименование на том основании, что слово «мавр» («*Mohr*») имеет оскорбительное значение. Решение о переименовании принято по итогам голосования представителями различных партий в парламенте округа. Основной тезис: «В соответствии с современным пониманием де-

⁸ Источник: <https://www.wsj.com/articles/eskimo-pie-to-drop-derogatory-name-dreyers-says-11592603310>

⁹ Источник: CFL's Edmonton Eskimos will search for new name <https://www.cp24.com/sports/sponsors-want-edmonton-eskimos-to-change-name-1.5015229>

¹⁰ Источник: <https://www.entsoc.org/entomological-society-america-discontinues-use-gypsy-moth-ant-names>; <https://esquire.ru/news/society-news/12-07-2021/274373-v-ssha-izmenyat-nazvaniya-cyganskogo-motyika-i-cyganskogo-muravya-ih-poschitali-oskorbitelnymi-dlya-predstaviteley-etnicheskogo-menshinstva/>

мократии, расистское ядро, прослеживаемое в названии улицы, наносит ущерб национальной и интернациональной репутации Берлина»¹¹.

Приведенные примеры характерны как отражение типичной практики, они показывают, как языковые единицы, денотативно отсылающие к обозначению расы, фактически воспринимаются как имеющие негативный оскорбительный смысл, т. е. социально осуждаемы. Активные действия по переименованию фокусируют происходящие семантические сдвиги, мотивируемые и собственно лоббируемые в институциональном пространстве.

Заключение

Анализ языка, функционирующего в социальных контекстах, дает точку доступа к объяснению двух взаимосвязанных аспектов – лингвистического и социального. Человек использует языковые ресурсы, чтобы выражать определенные смыслы в социуме и взаимодействовать с другими. Движение политической корректности и отражающая его коммуникативно-речевая практика позволяет наблюдать процесс возникновения у языковой единицы новых значений и смысловых приращений, обусловленных включенностью слова в социальный контекст и собственно социально детерминированных. Сегодня политическая корректность проявляет себя не как сосуществование и конкуренция разных идентичностей, идеологий, значений, но как жесткий запрет со стороны общества на использование одних языковых средств и такое же жесткое, социально контролируемое предписание на использование других. Фактически речь идет не об альтернативной номинации, но о редукции возможного многообразия и полифонии значений и сведение их к одной доминирующей интерпретации и одному смыслу. В лингвистической интерпретации политически корректного наименования отчетливо прослеживается движение к формированию узкого деонтического значения у ряда слов. Деонтическое значение не сводимо к понятию коннотации, поскольку практически невозможно отделить предметно-понятийное ядро значения и значение, сопутствующее, вторичное по отношению к дескриптивному значению. Приведенный материал свидетельствует, что в значении ряда языковых единиц в английском, немецком языках закрепляется негативная деонтика категоричного предписания, а именно запрет на употребление; одновременно в значении других слов закрепляется положительная деонтика с прескриптивным характером желательности использования. Механизм формирования деонтического значения действует как социально детерминированный. Деонтическое значение формируется как идеологически нагруженное и идеологически мотивированное и не сводимо к субъективному, окказиональному использованию слова. Политизация и идеологизация языка мотивирует переосмысление слова или выражения и закрепление за ними деонтического значения. Понимание идет по течению доминирующего прочтения. Есть презумпция, что использование слов, означающих белый цвет или обозначающих расу, по определению имеет «расистское ядро», выражает негативную оценку и социально осуждаемо. Анализ показывает такие ситуации, в которых политическая корректность из практики использования языка, нацеленной на преодоление дискриминации и оскорбления социальных уязвимых групп, трансформировалась в борьбу со скрытыми смыслами и возможными импликациям и импликатурами.

¹¹ В оригинале: „Nach dem heutigen Demokratieverständnis ist der bestehende rassistische Kern des Namens belastend und schadet dem nationalen und internationalen Ansehen Berlins.“ Betont wird ein „jahrelanger Diskussionsprozess zur Umbenennung kolonialer Straßennamen zu Ehren afrikanischer beziehungsweise schwarzer Persönlichkeiten“. <https://www.welt.de/politik/deutschland/article237478001/Umbenennung-der-Mohrenstrasse-Gegner-sieht-Verfassungsbruch.html>

Список литературы

- Гладко М. А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13. № 4. С. 7–21.
- Кондакова Е. А., Принципалова О. В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. Т. 19, № 2. С. 143–156.
- Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. 1-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995; 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.
- Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220
- Майба В. В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2016. 107 с.
- Молодыхенко Е. Н. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13. № 2. С. 11–29. DOI: 10.18721/JHSS.13202
- Молодыхенко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // *Вестник С.-Петербург. ун-та. Язык и литература*. 2022. 19 (1). С. 103–124.
- Рубина Н. Б. Эфемизм и политическая корректность в современном английском языке // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2011. №4. С. 35–40.
- Степанов Б. В. Улица Советская в постсоветском городском ландшафте // *Историческая разметка пространства и времени*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. С. 19–43.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука. 1986.
- Чернявская В. Е. Социальное значение в зеркале политической корректности // *Вестник С.-Петербург. ун-та. Язык и литература*. 2021а. № 2 (18). С. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
- Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. URSS. 2021 б.
- Чернявская В. Е. «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2023. Т. 14, № 1. С. 77–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5
- Alia, V. The Politics of Naming: A Personal Reflection. *Name*. 2007, 55(4), pp. 457–464.
- Bonder, M. Political Correctness: Ein Gespenst geht um die Welt. Frankfurt am Main: Eichborn. 1995.
- Busse, D. Historische Diskurssemantik. Ein linguistischer Beitrag zur Analyse gesellschaftlichen Wissens. *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 2000, 31(86), S. 39–53.
- Dieckmann, W. Sprache in der Politik. Heidelberg. 1969.
- Diederichsen, D. Politische Korrekturen. Köln: Kiepenheuer & Witsch. 1996.
- Ely, R. J., Meyerson, D. E., Davidson, M. N. Rethinking political correctness. *Harvard Business Review*, 2006, 84 (9), P. 78–87.
- Fairclough, N. “Political correctness”: The politics of culture and language. *Discourse and Society*, 2003, 14 (1). Pp. 1–10
- Frank, K. ‘Political Correctness: Ein Stigmawort’. H. Diekmannshenke and J. Klein (eds). *Wörter in der Politik: Analysen zur Lexemverwendung in der politischen Kommunikation*, Opladen: Westdeutscher Verlag. 1996. Pp. 185–218.
- Guenther, K. The politics of names: rethinking the methodological and ethical significance of naming people, organizations, and places. *Qualitative Research*, 2009. Vol. 9, no. 4. Pp.411–421.
- Halmari, H. Political correctness, euphemism, and language change: The case of ‘people first’// *Journal of Pragmatics*. 2011. No 43. Pp. 828–840.

- Hermanns, F.** Deontische Tautologien. Ein linguistischer Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms (1959) der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Klein, J. (Ed.). Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. Pp. 69–149.
- Klein, J.** Kann man Begriffe besetzen? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen politischen Metapher. Liendke F., Wengeler M., Boke K. (Eds.). Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik. Westdeutscher Verlag, 1991, 44–69.
- Kondakova, E. A., Printsipalova, O. V.** Discourse on the Linguistic Implementation of the principles of Political Correctness in German Political Linguistics. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 2, p. 143–156.
- Lakoff, R.** The Language War. Berkeley: University of California Press. 2000.
- Liedtke, F.** Sozialismus. Ein Reizwort. In Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1989, 20, 23–38.
- Löbner, S.** Understanding Semantics. Routledge. 2002.
- Marques, J.** How Politically Correct Is Political Correctness? A SWOT Analysis of This Phenomenon. Business & Society. 2009, № 48 (2), pp. 257–266.
- Mills, S.** Caught between Sexism, anti-Sexism and Political Correctness: Feminist women's Negotiations with naming practices. Discourse and Society, 2003, 14 (1), pp. 87–100.
- Smith, G. W.** Theoretical foundations of literary onomastics. Hough, C. (ed.) The Handbook of Names and Naming. Oxford: Oxford University Press, 2016, pp. 295–309.
- Suhr, S., Johnson, S.** Re-visiting PC: Introduction to Special Issue on 'Political Correctness. Discourse and Society, 2003, 14, pp. 5–12.
- Wilson, J. K.** The Myth of Political Correctness: the Conservative Attack on Higher Education. Durham, NC: Duke University Press. 1995.
- Wimmer, R.** 'Politische Korrektheit (political correctness) – verschärfter Umgang mit Normen im Alltag. Der Deutschunterricht, 1998, 3, pp. 41–48.

References

- Alia, V.** The Politics of Naming: A Personal Reflection // Name. 2007. № 55(4), Pp. 457–464.
- Bonder, M.** Political Correctness: Ein Gespenst geht um die Welt. Frankfurt am Main: Eichborn. 1995.
- Busse, D.** Historische Diskurssemantik. Ein linguistischer Beitrag zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 2000. Vol 31, no. 86. Pp. 39–53.
- Chernyavskaya, V. E.** Social meaning in the mirror of political correctness // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura, 2021 a. Vol. 2, no.18. Pp. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
- Chernyavskaya, V. E.** Text and the social context // Sociolinguistic and discursive analysis of meaning making. Moscow: Librocom. 2021 b.
- Chernyavskaya, V. E.** "They call the main entrance a porch": social meaning in semantics and metapramatics. Slovo.ru: baltic accent. 2023. Vol. 14, no.1. P p. 72–85. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-5.
- Dieckmann, W.** Sprache in der Politik. Heidelberg. 1969.
- Diederichsen, D.** Politische Korrekturen. Köln: Kiepenheuer & Witsch. 1996.
- Ely, R. J., Meyerson, D. E., Davidson, M. N.** Rethinking political correctness // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84, no. 9. Pp. 78–87.
- Fairclough, N.** "Political correctness": The politics of culture and language. Discourse and Society. 2003. Vol. 14, no. 1.
- Frank, K.** 'Political Correctness: Ein Stigmawort'. H. Diekmannshenke and J. Klein (eds). Wörter in der Politik: Analysen zur Lexemverwendung in der politischen Kommunikation, Opladen: Westdeutscher Verlag. 1996, pp. 185–218.

- Gladko, M. A.** Linguistic representation of “new sincerity” and sensitivity in media space // *Terra Linguistica*. 2022. Vol. 13, no 4. Pp. 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.13401.
- Guenther, K.** The politics of names: rethinking the methodological and ethical significance of naming people, organizations, and places // *Qualitative Research*. 2009. Vol. 9, no. 4. Pp. 411–421.
- Halmari, H.** Political correctness, euphemism, and language change: The case of ‘people first’ // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. Pp. 828–840.
- Hermanns, F.** Deontische Tautologien. Ein linguistischer Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms (1959) der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Klein, J. (Ed.). *Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. Pp. 69–149.
- Klein, J.** Kann man Begriffe besetzen? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen politischen Metapher. Liendke F., Wengeler M., Boke K. (Eds.). *Begriffe besetzten. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik*. Westdeutscher Verlag, 1991. Pp. 44–69.
- Kupina N. A.** Totalitarnyi yazyk: slovar’ i rechevyje reaktsii [Totalitarian Language: dictionary and speech reactions]. 1st ed. Ekaterinburg, 1995; 2nd ed. Ekaterinburg, 2015.
- Lakoff, R.** *The Language War*. Berkeley: University of California Press. 2000.
- Leontovich, O. A.** The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25, no. 1. Pp. 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220
- Liedtke, F.** Sozialismus. Ein Reizwort // *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*. 1989. Vol. 20. Pp. 23–38.
- Löbner, S.** *Understanding Semantics*. Routledge. 2002.
- Majba, V.** Politicheskaja korrektnost’ kak lingvoideologicheskoe javlenie i ee recepcija v russkoj lingvokul’ture (Political correctness as a lingua-ideological phenomenon and its reception in Russian culture). Rostov-na-Donu. 2016. 107 p.
- Marques, J.** How Politically Correct Is Political Correctness? A SWOT Analysis of This Phenomenon // *Business & Society*. 2009. Vol. 48, no. 2. Pp. 257–266.
- Mills, S.** Caught between Sexism, anti-Sexism and Political Correctness: Feminist women’s Negotiations with naming practices // *Discourse and Society* 2003. Vol. 14, no. 1. Pp. 87–100.
- Molodychenko, E. N.** Identity, style, and styling: a sociolinguistic perspective // *Terra Linguistica*. 2022. Vol. 13, no. 2. Pp. 11–29.
- Molodychenko, E. N., Chernyavskaya, V. E.** Representing the Social through Language: Theory and Practice of Sociolinguistics and Discourse Analysis // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura*. 2022. Vol. 19, no. Pp. 103–124.
- Rubina, N. B.** Evfemizm i politicheskaja korrektnost’ v sovremennom anglijskom jazyke // *Vestnik RUDN. Linguistika*. 2011, Vol. 4. Pp. 35–40.
- Smith, G.W.** Theoretical foundations of literary onomastics. Hough, C. (ed.) *The Handbook of Names and Naming*. Oxford University Press, 2016. Pp. 295–309.
- Suhr, S., Johnson, S.** Re-visiting PC: Introduction to Special Issue on ‘Political Correctness’ // *Discourse and Society*. 2003. Vol. 14. Pp. 5–12.
- Stepanov, B. V.** Ulitsa Sovetskaya v postsovetkom landshafte [Sovetskaya Street in the postsoviet landscape]. *Istoricheskaya razmetka prostranstva i vremeni*. Volgograd. 2014. Pp. 19–43.
- Wilson, J. K.** *The Myth of Political Correctness: the Conservative Attack on Higher Education*. Durham, NC: Duke University Press. 1995.
- Wimmer, R.** ‘Politische Korrektheit (political correctness) – verschärfter Umgang mit Normen im Alltag’ // *Der Deutschunterricht*. 1998. Vol. 3. Pp. 41–48.

Информация об авторе

Чернявская Валерия Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Information about the Author

Valeria E. Chernyavskaya, Dr Sc. (Philology), Professor of Higher School of Applied Linguistics and Translation Studies at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 03.07.2023*

*The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 03.07.2023*

Научная статья

УДК 81'23,81-13,81-139

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-73-83

Противопоставление абстрактного конкретному: в поисках нейрокогнитивных обоснований лингвистической дихотомии

Лилия Константиновна Шамина

Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия
shamina.contact@gmail.com

Аннотация

В статье представлен подробный обзор исследований зарубежных авторов на предмет изучения нейрофизиологического субстрата абстрактных слов. Анализируются основные различия между абстрактными и конкретными знаниями, и способы их категоризации. Исследуется понятие семантической ассоциации у абстрактных концептов. Семантическая ассоциация, или ассоциированные слова, – это слова, смысл которых не трактуется в терминах синонимии, но которые часто связаны в реальном мире или в контексте. Исследование представлений в памяти, которые поддерживают использование абстрактных знаний в контексте, является существенным отходом от предыдущих традиций, сосредоточенных на лингвистической или иной обработке. В настоящее время уделяется большое внимание изучению более глубокой, контекстуально основанной обработки абстрактных слов, которая имеет центральное значение для понимания человеческого мышления и работы мозга. Обширная программа зарубежных исследований за последние два десятилетия была сосредоточена на роли модальных сенсорных, моторных и аффективных систем мозга в хранении и извлечении знаний. Статья рассматривает работы авторов, которые проводили анализ на основе методов нейровизуализации, экспериментов в свободном воспроизведении, воспроизведении по команде, парно-ассоциированном распознавании, лабораторных исследований. В ходе проведения обзора статей были сделаны выводы относительно четких критериев разграничения абстрактных и конкретных понятий.

Ключевые слова

абстрактные понятия, конкретные понятия, семантическое сходство, ассоциации, ассоциативно-вербальная гиперсеть, нейрофизиологический субстрат, когнитивные процессы, принцип семантической ассоциации, нейровизуализация, нейронная система, абстрактные и конкретные знания, нейронные связи, ментальная репрезентация

Для цитирования

Шамина Л. К. Противопоставление абстрактного конкретному: в поисках нейрокогнитивных обоснований лингвистической дихотомии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 73–83. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-73-83

© Шамина Л. К., 2023

Abstract vs Concrete: In Search for Neurocognitive Justification of the Linguistic Dichotomy

Liliya K. Shamina

Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
shamina.contact@gmail.com

Abstract

The article presents a detailed review of the studies by foreign authors on the subject of the neurophysiological substrate of abstract words. It analyses the main differences between abstract and concrete words, and the ways in which they are categorized. The article also investigates the notion of semantic association of abstract concepts. Semantic association, or associated words, are the words whose meanings are not synonymous, but which are often linked together in the real world or context. The study of memory representations that support the use of abstract knowledge in context shows significant deviation from the previous studies focusing on linguistic or other processing that occurs quickly and similarly for many different abstract concepts. Much attention is currently being paid to the research of the deeper, context-based processing of abstract words, which is central to understanding of human thought, reasoning, and decision-making processes. An extensive foreign research program over the past two decades has focused on the role of the brain's modal sensory, motor, and affective systems in the storage and retrieval of conceptual knowledge. The article considers the works by foreign authors who conducted their research based on neuroimaging methods, experiments in free reproduction, reproduction on command, pair-associated recognition, and laboratory studies. As the result, conclusions were drawn regarding clear criteria for distinguishing between abstract and concrete concepts.

Keywords

abstract concepts, concrete concepts, semantic similarity, associations, associative-verbal network, neurophysiological substrate, cognitive processes, semantic association principle, neuroimaging, neural system, abstract and concrete knowledge, neural connections

For citation

Shamina L. K. Abstract vs Concrete: In Search for Neurocognitive Justification of the Linguistic Dichotomy. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 73–83. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-73-83

Введение

Данная статья является обзорной. В статье рассматриваются работы в области нейрокогнитивных исследований различных зарубежных ученых на тему абстрактных и конкретных слов и особенностей обработки их мозгом. Целью статьи является выделение основных параметров разграничения абстрактных и конкретных понятий.

Абстрактные концепты чаще всего обсуждаются с точки зрения их общих отличий от конкретных. Классические теории репрезентации знаний представляют собой дихотомии, в которых абстрактные знания в первую очередь представлены лингвистическими символами, а конкретные – перцептивно обоснованными или производными символами [Paivio, 1991]. Эти теории стали активно обсуждаться, когда были разработаны методики нейровизуализации, способные проверять гипотезы на практике. Концептуальные знания лежат в основе интерпретации опыта и направляют действия в мире. Исследования того, как концепты развиваются и действуют, в основном сосредоточены на конкретных объектах, которые можно воспринимать напрямую: вещах, инструментах, зданиях, животных, продуктах питания, музыкальных инструментах и т. д). Несмотря на распространенность и важность репрезентации конкретных объектов, существует еще достаточно мало исследований о том, как представлены абстрактные понятия, например, описывающие когнитивные процессы (*сосредоточение*, *размышление*), эмоции (*радость*, *волнение*), социальную деятельность (*прогулка*, *встреча*) и многие другие.

Важность различия между конкретными и абстрактными понятиями уже давно признается в ряде когнитивных областей [Crutch, Warrington, 2005]. Как правило, испытуемые демон-

стрируют преимущество относительно скорости обработки конкретных слов (например, *стол, кровать, тарелка*) над абстрактными словами. Время реакций на конкретные слова намного быстрее, чем на абстрактные. Это преимущество объясняется несколькими причинами: (1) абстрактные слова не имеют прямой сенсорной привязки к конкретным объектам [Paivio, 1991]; (2) существует более высокая доступность контекстуальной информации в базе знаний носителя языка для конкретных слов [Schwanenflugel, 1991]; и (3) конкретные слова имеют более выраженные семантические особенности, чем абстрактные слова. Именно семантическое посредничество в решении задач подбора слов открывает путь для изучения области абстрактных концептуальных знаний. Действительно, одна из причин нехватки абстрактных экспериментов со словами заключается в том, что по своей природе концепты низкой конкретности имеют низкую визуальность и, следовательно, не могут быть с легкостью переданы для исследования с использованием традиционных нейropsychологических методов, таких как «описание изображения» или «идентификация изображения».

В своей статье *Abstract and concrete concepts have structurally different representational frameworks* Себастьян Кратч и Элизабет Уоррингтон рассматривают семантическую структуру абстрактных и конкретных слов [Crutch, Warrington, 2005]. Эквивалентные эффекты семантического сходства в области абстрактных слов ранее не изучались другими авторами. В своем эксперименте Кратч и Уоррингтон исследовали понимание двух классов абстрактных слов, а именно прилагательных и глаголов. В отличие от конкретных слов, где «семантические отношения» чаще всего определяются принадлежностью к общей семантической категории, среди абстрактных концептов лишь немногие могут быть классифицированы таким же образом. Из чего следует, что для изучения абстрактных понятий необходимо формировать не отдельные семантические категории, а семантически связанные кластеры концептов. Установив, что на абстрактные представления слов не влияет семантическое сходство (т. е. категория), авторы начали предпринимать попытки поиска альтернативных потенциальных принципов организации абстрактных знаний. По мнению авторов, наиболее продуктивным из них был признан *принцип семантической ассоциации*. Семантическая ассоциация, или ассоциированные слова, – это слова, смыслы которых не являются синонимами, но которые часто связаны в реальном мире или в контексте (например, *театр, сцена, актеры*). Существенное влияние семантической ассоциации на понимание абстрактных слов резко контрастирует с отсутствием семантического сходства между абстрактными синонимами. Авторами было экспериментально установлено, что нейронное соединение складывается гораздо прочнее среди ассоциативно близких, чем синонимичных абстрактных слов. Из этого следует, что представления, лежащие в основе связанных абстрактных слов, являются гораздо более близкими нейронными связями, чем представления, поддерживающие абстрактные синонимы [Crutch, Warrington, 2005. С. 622].

В области исследования конкретных слов было документально подтверждено обратное. Авторы утверждают, что отсутствие влияния семантической ассоциации на понимание конкретных слов контрастирует с сильным эффектом семантического сходства. Таким образом, эти результаты придают дополнительную силу утверждению о том, что конкретные концепты организованы по семантической категории, а абстрактные концепты – по семантической ассоциации. Именно в этом, по мнению Кратч и Уоррингтон, и заключается основное отличие конкретных понятий от абстрактных.

Если абстрактные понятия распознаются через ассоциации с другими словами, можно предположить, что центральные для языка области мозга должны быть более активными для абстрактных, чем для конкретных понятий. Согласно этой точке зрения, абстрактные слова имеют более богатые ассоциации и даже больше смысла, чем конкретные слова. В частности, значение конкретных слов (например, «куртка») имеет тенденцию быть постоянным в большинстве контекстов, в то время как абстрактные слова (например, «обращение») часто имеют родственные, но различные значения в зависимости от контекста, в котором они используются. Таким образом, мы имеем документальное подтверждение двойной диссоциации между

абстрактными словами, которые показывают эффект семантической контекстуальной ассоциации, но не семантического сходства, и конкретными словами, которые показывают эффект семантического подобия, но не семантической ассоциации. На основе этих контрастных моделей можно утверждать, что абстрактные концепты представлены в ассоциативной нейронной сети, в то время как конкретные концепты имеют категориальную организацию. Однако следует отметить, что, учитывая вероятное существование континуума между абстрактностью и конкретностью, можно предположить, что эта ассоциативная/категориальная дихотомия является очень подвижной. Например, когда мы имеем дело с элементами «средней конкретности» (например, «искусство», «творчество»), то можем наблюдать как ассоциативные, так и категориальные связи. Авторы исследования утверждают, что множество значений абстрактных слов в большей степени представлено именно при помощи ассоциативной сети, чем посредством более формальной, понятийно-категориальной структуры. Такая репрезентативная структура также обладает большей гибкостью для отражения естественной изменчивости в семантике абстрактных слов.

Что касается активации различных участков мозга при обработке абстрактных и конкретных стимулов, то недавний метаанализ ряда исследований в области нейровизуализации показал, что левая нижняя лобная, верхняя височная и средняя височная кора более активны для абстрактных, чем для конкретных понятий [Wang, Conder, Blitzer, & Shinkareva, 2010. С. 1462]. И наоборот, левая задняя поясная извилина, предклинье, веретенообразная извилина и парагиппокампальная извилина активировались в большей степени для конкретных концептов. Уонгом, Кондером и др. был сделан вывод о том, что абстрактные слова опираются на вербальные системы, тогда как конкретные слова полагаются на системы восприятия, поддерживающие ментальные образы [Wang, Conder, Blitzer, & Shinkareva, 2010. С. 1465].

Простое различие между абстрактными и конкретными концептами в широком смысле этого слова недостаточно для понимания того, как люди накапливают богатые репертуары абстрактных знаний [Wilson-Mendenhall, Simmons, Martin, Barsalou, 2013. С. 921]. Проблема в изучении абстрактных понятий заключается в том, что семантическое содержание, лежащее в основе их значений, часто является довольно сложно организованным. Относительно конкретных концептов, которые обычно классифицируют локальные элементы ситуаций (например, слово «печенье»/”cookie” может классифицировать часть события, в котором ребенок пытается убедить родителя дать ему/ей это «печенье»); абстрактные концепты обычно интегрируют эти локальные элементы в конфигурационные реляционные структуры во время концептуализации (например, глагол «убеждать» интегрирует различные части события, включая ребенка, родителя, их умственные состояния, их взаимодействие и т. д.) [Wilson-Mendenhall, Simmons, Martin, Barsalou, 2013. С. 924]. Наиболее полные иллюстрации этой сложности в настоящее время найдены в лингвистике. Многие абстрактные существительные действуют как «концептуальные ракурсы». Неотъемлемым элементом оценки семантического значения абстрактных концептов является более глубокое понимание динамической обработки, связанной с получением доступа к этим знаниям. То, что представляет собой абстрактное понятие в определенной ситуации, зависит от автоматической и стратегической обработки, связанной с доступом к информации, хранящейся в памяти (включая языковые ассоциации и обоснованные концептуальные знания), изменения в контексте экспериментальных лабораторий и в контексте реальной жизни. Многие исследования показывают, что информация, активируемая в ходе быстрой автоматической обработки, является относительно поверхностной, в то время как информация, активированная в ходе расширенной стратегической обработки, является ключевым значением [Keihl, 1999]. Во время понимания языка одним из важных элементов семантического поиска, который ведет наш мозг, является синтаксическая структура и разделение слов по различным частям речи. Недавние обзоры показывают, что модели нейронной активности, наблюдаемые для глаголов (например, «убеждать») и существительных (как «арифметика») подвижны в первую очередь семантикой (в отличие от собственно грамматического различия) [Wilson-

Mendenhall, Simmons, Martin, Barsalou, 2013. С. 930]. Абстрактные концепты представлены распределенными нейронными связями, которые отражают их семантическое содержание. Однако, как показывают эксперименты, семантическое содержание, уникальное для абстрактных слов, в полной мере раскрывается только в определенном контексте [Hoffman, 2015]. Исследование представлений в памяти, которые поддерживают использование абстрактных знаний в контексте, является существенным отходом от предыдущих исследований, сосредоточенных на лингвистической или иной обработке, которая происходит быстро и аналогично для многих различных абстрактных концептов. В настоящее время уделяется большое внимание исследованию более глубокой, контекстуально мотивированной обработки абстрактных слов, которая имеет центральное значение для понимания человеческого мышления, рассуждений и принятия решений. Многое еще предстоит узнать о разнообразии абстрактных знаний, которые люди приобретают и используют в ходе своей жизни, и о том, как эти знания поддерживают идеи и действия в сложном мире.

В своем метааналитическом исследовании итальянские ученые Бакур и Папаньо также исследуют особенности обработки мозгом конкретных и абстрактных слов [Bucur, Paragno, 2002]. Авторы выяснили, что неврологически здоровые участники лучше справляются с конкретными, чем с абстрактными словами, в свободном воспроизведении, воспроизведении по команде, парно-ассоциированном распознавании; время их реакции при визуальном лексическом решении для конкретных слов намного короче, чем для абстрактных. Этот эффект известен как «эффект конкретности». Для объяснения этого преимущества относительно скорости обработки мозгом авторы используют теорию двойного кодирования, которая постулирует, что конкретные концепты поддерживаются как перцептивными, так и вербальными представлениями, в то время как абстрактные концепты основаны исключительно на лингвистической информации [Bucur, Paragno, 2002]. С точки зрения теории двойного кодирования преимущество конкретного по сравнению с абстрактными понятиями объясняется дополнительным вкладом сенсомоторных систем, запускаемых более богатыми изображениями, предположительно с участием обоих полушарий (не только левого полушария) и большего числа единиц, активированных в семантической системе для конкретных слов. Было предложено, что абстрактные и конкретные слова различаются по способу их усвоения и по относительному весу сенсорно-перцептивных характеристик в их репрезентации. Альтернативное объяснение указывает на фундаментальное различие в архитектуре конкретных и абстрактных слов: первичная организация конкретных понятий категориальна, тогда как абстрактные понятия преимущественно представлены ассоциацией с другими предметами (что в свою очередь уже упоминалось в работе других авторов [Crutch, Warrington, 2005]). Нейропсихологические исследования также предполагают большую роль боковой префронтальной коры в обработке абстрактных слов и левой передней височной доли в обработке конкретных [Bucur, Paragno, 2002]. Данные нейровизуализации показывают, что обработка конкретных концептов плотно связана с системой восприятия, а также опирается на ментальные образы (предклинье, верхняя затылочная извилина) [Bucur, Paragno, 2002].

Обширная программа зарубежных исследований за последние два десятилетия была сосредоточена на роли модальных сенсорных, моторных и аффективных систем мозга в хранении и извлечении концептуальных знаний. Этот фокус привел в некоторых кругах к недооценке потребности в более абстрактных, супрамодалных концептуальных репрезентациях в семантическом познании. Доказательства супрамодалной обработки изложены в различных работах в области нейровизуализации, где показано, что при реагировании на значимые стимулы затрагивается большая часть коры головного мозга независимо от модального содержания [Binder, 2016]. Узлы в этой сети соответствуют высокоуровневым зонам конвергенции, которые получают широкий межмодальный ввод и предположительно обрабатывают межмодальные соединения. Биндер предполагает, что высококонъюнктивные представления необходимы для нескольких критических функций, в том числе для фиксации структуры концептуального

сходства, обеспечения тематических ассоциативных отношений, независимых от концептуального подобия, и обеспечения эффективного группирования концептуальных представлений для ряда задач более высокого порядка, требующих конфигурирования знаний. Согласно мнению атора, эти гипотетические функции учитывают широкий спектр результатов нейровизуализации, показывающих модуляцию сети супрамодалных зон конвергенции за счет ассоциативной силы, узнаваемости, визуализации, частоты и семантической композиционности [Binder, 2016]. Свидетельства подтверждают иерархическую модель представления абстрактных знаний, в которой модалные системы обеспечивают механизм для приобретения знаний и служат для представления отдельных концептов во внешней реальности. Конъюнктивные супрамодалные представления играют важную роль в ассоциативной структуре концептов и формировании знаний.

Концепты – это обобщения, полученные из сенсорных, моторных и аффективных переживаний, и принцип, согласно которому модалные системы мозга, ответственные за эти переживания, участвуют в извлечении знаний, дает своеобразный отчет о приобретении и хранении знаний [Barsalou, 1999; Damasio, 1989]. Необходимо, конечно, провести гораздо больше исследований, чтобы прояснить, в какой степени различные уровни сенсорных, моторных, аффективных и других иерархических систем обработки вовлечены в представление концептов, роль бимодалных и мультимодалных областей, участие этих систем в представлении концептов временных и пространственных событий, а также их роль в формировании абстрактных понятий. Распределенные модалные представления концептуальных знаний способны к контекстно-зависимым вариациям в паттернах и относительной силе активации компонентных модалных функций, обеспечивая динамически гибкое концептуальное представление [Barsalou, 1999]. Но какова точная природа информации, представленной в этих зонах конвергенции высокого уровня, и какую роль эти представления могут играть в семантическом познании? Стандартные модели когнитивной обработки, безусловно, зависят от модалных символических представлений, но необходимы ли эти абстрактные представления для фактической концептуальной обработки в мозге или просто для удобства создания вычислительных моделей? Свидетельства того, что сенсорные, моторные и аффективные системы играют роль в концептуальной обработке, все труднее отрицать, а принцип представления знаний, зависящий от модалности, дает подробный отчет о приобретении и обосновании концептов. Если концептуальное содержание реального человеческого сознания может быть полностью определено активацией сенсомоторной аффективной информации, то в чем именно заключается потребность в исключительно абстрактных представлениях? [Barsalou, 1999; Gallese, Lacoff, 2005].

Абстрактные представления в мозгу возникают в результате процесса иерархического конъюнктивного (сочетающего в себе несколько разнородных аспектов: два и более) кодирования, и важна их комбинаторная природа, а не их абстрактность как таковая. Конъюнктивное представление происходит, когда нейрон или нейронный ансамбль преимущественно реагирует на определенную комбинацию входных сигналов. Существенная функция нейронов – собирать и комбинировать информацию, а конъюнктивное представление, по-видимому, является повсеместной особенностью систем восприятия в головном мозге [Barlow, 1991]. Абстракция происходит на уровне конъюнктивного представления, потому что представление кодирует одновременное появление двух или более входов [Damasio, 1989].

В своем исследовании Биндер предлагает использовать термин *межмодалное конъюнктивное представление* (далее МКП; CCR – *crossmodal conjunctive representation*), чтобы подчеркнуть существенную комбинаторную функцию этих представлений и их происхождение в нейробиологических системах [Binder, 2016. С. 1098]. Конъюнктивные представления организованы иерархически в системах восприятия и действия с множеством уровней сложности представления. Степень, в которой информация более низкого уровня (например, информация, кодирующая конкретную форму, цвет или действие) сохраняется на более высоких уровнях представления, предположительно, варьируется в зависимости от значимости информации

и уровня представления. На очень высоких уровнях этой конвергентной иерархии МКП могут сохранять настолько слабое представление о фактической экспериментальной информации, что они функционально напоминают произвольные символы. Ключевой момент, однако, заключается в том, что МКП не являются теоретическими конструкциями; они возникают в результате нейробиологической конвергенции информации. Они настолько абстрактны, насколько и должны быть для представления комбинации входных данных. С этой точки зрения не существует абсолютного разграничения между воплощенным/перцептивным и абстрактным/концептуальным представлением в мозгу.

В области семантического познания Роджерс и Паттерсон утверждали, что широко конвергентные, супрамодалные концептуальные представления позволяют мозгу распознавать основную структуру сходства объектов перед лицом различных перекрывающихся и конфликтующих характеристик [Rogers, 2004; Patterson, 2007]. Например, люди знают, что яблоки, апельсины, бананы, виноград и лимоны – все это фрукты, несмотря на существенные различия в их внешнем виде, вкусе, связанных действиях и названиях. В компьютерном моделировании, в котором нейронные сети были обучены отображать сенсорные, моторные и вербальные характеристики объектов, только сети, содержащие сильно конвергентные представления, могли фиксировать отношения семантического сходства между объектами [Rogers, 2004. С. 216]. Таким образом, МКП, которые фиксируют мультимодальные конвергенции, по-видимому, необходимы для изучения взаимосвязей таксономических категорий. Связанное и столь же повсеместное явление, которым МКП дают столь необходимое объяснение, – это тематическая ассоциация. Рассмотрим утверждение: «Мальчик гулял со своей собакой в парке». Заключение о том, что собака, вероятно, носит поводок, не может быть сделано исключительно на основании сенсомоторных особенностей собаки, прогулки, парка или поводка. Скорее, поводок – это тематическая или зависящая от ситуации ассоциация, основанная на совместном опыте. Тематические ассоциации такого рода (собачья кость, кофейная чашка, карандаш, шнурки для обуви и т. д.) широко распространены в повседневном опыте и составляют большую часть основы наших прагматических знаний. Какой нейронный механизм поддерживает такие ассоциации? Механизм, который чувствителен только к сходству сенсомоторных функций, сочтет это сложной проблемой. Любая ассоциация между кофе и чашкой, основанная на содержании характеристик, вряд ли будет распространена на другие ассоциации с кофе (например, сливки, сахар, кафе, бариста) [Rogers, 2004]. Проблема в том, что тематические ассоциации в первую очередь отражают ситуативное совпадение, а не структуру содержания признаков, и огромное разнообразие таких ассоциаций, казалось бы, делают невозможными связи, основанные исключительно на линейной функции перекрывающихся признаков. МКП решают эту проблему, предоставляя высоко абстрактные концептуальные репрезентации, активируемые соединением функций, которые затем могут соединяться вместе с другими высоко абстрактными концептуальными представлениями, с которыми они совместно возникают. То есть активация «концептуального поводка» в контексте «прогулки», «собаки» и «парка» является результатом прямой активации МКП независимо от наложения сенсомоторных функций между этими концептами. Сопоставление понятий, которые имеют незначительное или совсем не совпадают по систематическим признакам, например, «собака» и «поводок», концептуально аналогично другим задачам произвольного сопоставления, таким как сопоставление орфографических или фонологических словоформ и значения. В таких случаях выходные данные не являются простой линейной комбинацией характеристик входных данных, и для обеспечения нелинейных преобразований необходимы промежуточные представления, объединяющие информацию по нескольким функциям [Rogers, 2004].

Другая функция МКП высокого уровня состоит в обеспечении нейронного механизма для активации области тематически связанных понятий независимо от какой-либо общей структуры сенсомоторных функций. Однако изучение и поиск таксономических и тематических ассоциаций не является самоцелью. Способность изучать и извлекать ассоциации между

концептами делает возможным ряд других способностей. Среди них выделяется способность мысленно восстанавливать типичную ситуацию или определенный контекст. Таким образом, тематические ассоциации можно рассматривать как форму предсказания, которая позволяет предвидеть будущие события и делать обширные выводы о текущих ситуациях. Определяющая черта человеческой мысли – ее плодородность и творческая способность. Эта способность к воспроизводству зависит от способности вычислять ментальные репрезентации ситуаций (т. е. события, состояния и др.). Ситуацию в самом общем смысле можно рассматривать как простую конфигурацию понятий, обычно включающую сущности, действия, свойства и отношения.

Барслоу предположил, что концепты кажутся абстрактными, потому что их содержание распределено по множеству компонентов ситуаций [Barsalou, 2005]. Согласно этой точке зрения, способность создавать ментальные представления ситуаций посредством реляционной конфигурации МКП высокого уровня является центральной для представления многих абстрактных концептов. Часто отмечаемым ограничением символических представлений является их статический характер, который исключает контекстную гибкость при поиске концептов. Однако важно понимать, что эта проблема возникает только в моделях, полностью состоящих из статических символов. Иерархические модели зоны конвергенции содержат смесь (субсимволических) распределенных модальных представлений и более абстрактных конъюнктивных кодов и разрешают взаимодействие между уровнями и внутри них. Эффекты контекста могут возникать в этих структурах с помощью двух механизмов. Во-первых, взаимодействия на высоких уровнях между МКП, представляющими контекст и МКП, представляющими концепты темы, могут модулировать активацию других МКП высокого уровня, связанных с темой [Shebani and Pulvermüller, 2013]. Важный вывод заключается в том, что активация концептуальных узловых областей известными словами сильнее, когда требуется решение задачи семантического поиска, нежели несемантического (например, фонологическое или орфографическое решение). Еще одна особенность, объясняемая общим принципом ассоциации, – это активация концептуальных узлов, в частности угловой извилины, вентральной височной доли и задней поясной части при обработке конкретных понятий. Конкретные слова демонстрируют множество преимуществ поведенческой обработки по сравнению с абстрактными словами, включая более быстрое время отклика в лексических и семантических задачах принятия решений и лучшее вспоминание в задачах эпизодической памяти [Bedny and Caramazza, 2011].

И, наконец, еще одна функция МКП высокого уровня – это способность создавать ментальные репрезентации ситуаций. Важность этого процесса для человеческого познания трудно переоценить, поскольку он обеспечивает семантическое содержание для нашей эпизодической памяти, воображения будущих событий, оценки предложений на предмет истинности, моральных суждений, постановки целей и решения проблем, мечтаний и блуждания разума и все другие мыслительные процессы, которые включают формирование реляционных конфигураций понятий. Одна часто обсуждаемая проблема, для которой такие конфигурации могут обеспечить общее решение, – это представление очень абстрактных понятий, таких как «справедливость», «зло», «правда», «верность», «идея» и др. Многие из таких концептов, кажется, усваиваются на опыте сложных социальных и интроспективных ситуаций, которые разворачиваются с течением времени и включают множество агентов, физических и ментальных событий [Barsalou, 2005].

Выводы

На основе анализа работ упомянутых выше зарубежных исследователей, можно выделить несколько основных параметров разграничения абстрактных и конкретных понятий.

(1) Конкретные слова организованы по семантической категории, а абстрактные – по семантической ассоциации. Абстрактные понятия (знания) представлены через ассоциации с другими словами.

(2) Центральные для языка области мозга являются более активными для абстрактных, чем для конкретных понятий.

(3) Абстрактные слова имеют более богатые ассоциации и даже несут больше смысла, чем конкретные слова.

(4) Значения конкретных слов имеют тенденцию быть постоянными в большинстве контекстов, в то время как абстрактные слова часто имеют родственные, но различные значения в зависимости от контекста, в котором они используются.

(5) Значения абстрактных слов контекстуально варьируемы. Абстрактные слова имеют родственные, но различные значения в зависимости от контекста, в котором они используются. Таким образом, в отношении абстрактных слов мы можем говорить об эффекте семантической контекстуальной ассоциативности, но не семантического сходства. Что же касается конкретных понятий, здесь мы наблюдаем обратное – эффект семантического подобию, но не семантической ассоциации.

(6) Абстрактные концепты представлены в ассоциативной нейронной сети и воплощаются в более тесные нейронные соединения, чем конкретные. Было экспериментально установлено, что нейронное соединение складывается гораздо прочнее среди ассоциативно близких абстрактных слов, чем конкретных. Представления, лежащие в основе связанных абстрактных слов, являются гораздо более близкими нейронными связями, чем представления, выраженные конкретными словами.

(7) При прохождении экспериментов неврологически здоровые участники лучше справляются с конкретными, чем с абстрактными словами (в свободном воспроизведении, воспроизведении по команде, парно-ассоциированном распознавании); время их реакции при визуальном лексическом решении для конкретных слов намного короче, чем для абстрактных. Этот эффект известен как «эффект конкретности».

(8) Абстрактные слова в большей мере опираются на вербальные смысловые системы, тогда как конкретные слова полагаются на системы восприятия, поддерживающие ментальные образы. Абстрактные слова не имеют прямой сенсорной привязки к конкретным объектам.

(9) Конкретные концепты поддерживаются как перцептивными, так и вербальными представлениями, в то время как абстрактные концепты основаны исключительно на вербальной информации. С точки зрения теории двойного кодирования характерное отличие конкретных понятий от абстрактных заключается в дополнительном вкладе сенсомоторных систем, запускаемых более богатыми изображениями, предположительно с участием обоих полушарий (не только левого полушария) и большего числа единиц, активированных в семантической системе для конкретных слов. Было предложено, что абстрактные и конкретные слова различаются по способу их усвоения и по относительному весу сенсорно-перцептивных характеристик в их репрезентации.

(10) Нейропсихологические исследования также предполагают большую роль боковой префронтальной коры в обработке абстрактных слов и левой передней височной доли в обработке конкретных. Данные нейровизуализации показывают, что обработка конкретных концептов плотно связана с системой восприятия, а также опирается на ментальные образы (предклинье, верхняя затылочная извилина).

(11) В отличие от конкретных слов, где «семантические отношения» чаще всего определяются принадлежностью к общей семантической категории, среди абстрактных концептов лишь немногие могут быть классифицированы таким же образом. Из чего следует, что для изучения абстрактных понятий необходимо формировать не отдельные семантические категории, а семантически связанные кластеры концептов.

(12) Проблема в изучении абстрактных понятий заключается в том, что смысловое содержание, лежащее в основе их значений, часто является довольно сложно организованным. Относительно конкретных концептов, которые обычно классифицируют локальные элементы ситуаций, абстрактные концепты обычно интегрируют эти локальные элементы в конфигурационные реляционные структуры во время концептуализации. Наиболее полные иллюстрации этой сложности в настоящее время найдены в лингвистике. Многие абстрактные слова дей-

ствуют как «концептуальные ракурсы». Крайне важным элементом оценки смыслового наполнения абстрактных концептов является более глубокое понимание динамической обработки, связанной с получением доступа к этим знаниям.

Список литературы / References

- Barlow, H.** The neuron doctrine in perception. In M. S. Gazzaniga (Ed.), *The cognitive neurosciences*. Cambridge: MIT Press. 1995, pp. 415–435.
- Barsalou, L. W.** Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*, 22. 1999, pp. 577–660.
- Bedny, M., and Thompson-Schill, S. L.** Neuroanatomically separable effects of imageability and grammatical class during single-word comprehension. *Brain*, 98. 2006, pp. 127–139.
- Binder, J. R.** In defense of abstract conceptual representations. *Psychonomic Bulletin and Review*, 23 (4). 2016, pp. 1096–1108.
- Binder, J. R., Conant, L. L., Humphries, C. J., Fernandino, L., Simons, S. B., Aguilar, M., Desai, R. H.** Toward a brain-based componential semantic representation. *Cognitive Neuropsychology*, 33 (3-4). 2016, pp. 130–174.
- Binder, J. R., Westbury, C. F., McKiernan, K. A., Possing, E. T., Medler, D. A.** Distinct brain systems for processing concrete and abstract concepts. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 17 (6). 2005, pp. 905–917.
- Bird, H., Howard, D., and Franklin, S.** Why is a verb like an inanimate object. Grammatical category and semantic category deficits. *Brain*, 72. 2000, pp. 246–309.
- Bird, H., Howard, D., and Franklin, S.** Verbs and nouns: the importance of being imageable. *Neurolinguistics* 16. 2003, pp. 113–149.
- Borghesani, V., Piazza, M.** The neuro-cognitive representations of symbols: the case of concrete words. *Neuropsychologia*, 105. 2017, pp. 4–17.
- Bucur M., Papagno C.** An ALE meta-analytical review of the neural correlates of abstract and concrete words. *Center for Mind/Brain Sciences (CIMEC), University of Trento, Italy*, 11(1). 2021, pp. 156–167.
- Cousins, K. A. Q., York, C., Bauer, L., Grossman, M.** Cognitive and anatomic double dissociation in the representation of concrete and abstract words in semantic variant and behavioral variant frontotemporal degeneration. *Neuropsychologia*, 84. 2016, pp. 244–251.
- Crepaldi, D., Berlingeri, M., Cattinelli, I., Borghese, N.A., Luzzatti, C., Paulesu, E.** Clustering the lexicon in the brain: A meta-analysis of the neurofunctional evidence on noun and verb processing. *Frontiers in Human Neuroscience*, 26. 2013, pp. 512–524.
- Crutch, S. J., Warrington, E. K.** Abstract and concrete concepts have structurally different representational frameworks. *Brain*, 128 (3). 2005, pp. 615–627.
- Damasio, A. R.** Time-locked multiregional retroactivation: A systems-level proposal for the neural substrates of recall and recognition. *Cognition*, 33. 1989, pp. 25–62.
- Gallese, V., & Lakoff, G.** The brain's concepts: The role of the sensory-motor system in conceptual knowledge. *Cognitive Neuropsychology*, 22. 2005, pp. 455–479.
- Hauk, O., Johnsrude, I., and Pulvermüller, F.** Somatotopic representation of action words in human motor and premotor cortex. *Neuron* 41. 2004, pp. 301–307.
- Hoffman, P., Binney, R. J., Lambon Ralph, M. A.** Differing contributions of inferior prefrontal and anterior temporal cortex to concrete and abstract conceptual knowledge. *Cortex*, 63. 2015, pp. 250–266.
- Kiehl, K. A., Liddle, P. F., Smith, A. M., Mendrek, A., Forster, B. B., Hare, R. D.** Neural pathways involved in the processing of concrete and abstract words. *Human Brain Mapping*, 7 (4). 1999, pp. 225–233.
- Loiselle, M., Rouleau, I., Nguyen, D. K., Dubeau, F., Macoir, J., Whatmough, C., Lepore, F., Joubert, S.** Comprehension of concrete and abstract words in patients with selective

- anterior temporal lobe resection and in patients with selective amygdalo-hippocampectomy. *Neuropsychologia*, 50 (5). 2012, pp. 630–639
- Orena, E. F., Caldiroli, D., Acerbi, F., Barazzetta, I., Papagno, C.** Investigating the functional neuroanatomy of concrete and abstract word processing through direct electric stimulation (DES) during awake surgery. *Cognitive Neuropsychology*, 36 (3-4). 2019, pp. 167–177.
- Paivio, A.** Dual coding theory: Retrospect and current status. *Canadian Journal of Psychology*, 45. 1991, pp. 255–287
- Rogers, T. T., Garrard, P., McClelland, J. L., Lambon Ralph, M. A., Bozeat, S., Hodges, J. R., & Patterson, K.** Structure and deterioration of semantic memory: A neuropsychological and computational investigation. *Psychological Review*, 111. 2004, pp. 205–235.
- Patterson, K., Nestor, P. J., & Rogers, T. T.** Where do you know what you know? The representation of semantic knowledge in the human brain. *National Review of Neuroscience*, 8. 2007, pp. 976–987.
- Reilly, J., Peelle, J. E., Garcia, A., Crutch, S. J.** Linking somatic and symbolic representation in semantic memory: the dynamic multilevel reactivation framework. *Psychonomic Bulletin and Review*, 23. 2016, pp. 1002–1014
- Shebani, Z., and Pulvermüller, F.** Moving the hands and feet specifically impairs working memory for arm- and leg-related action words. *Cortex* 49. 2013, pp. 222–231.
- Schwartz, M. F., Kimberg, D. Y., Walker, G. M., Brecher, A., Faseyitan, O. K., Dell, G. S., Mirman, D., Coslett, H. B.** Neuroanatomical dissociation for taxonomic and thematic knowledge in the human brain. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 108 (20). 2011, pp. 8520–8524
- Tyler, L. K., Moss, H. E., Jennings, F.** Abstract word deficits in aphasia: Evidence from semantic priming. *Neuropsychology*, 9 (3). 1995, pp. 354–363.
- Vigliocco, G., Kousta, S.-T., Della Rosa, P. A., Vinson, D. P., Tettamanti, M., Devlin, J. T., & Cappa, S. F.** The neural representation of abstract words: The role of emotion. *Cerebral Cortex*, 24. 2014, pp. 1767–1777.
- Wang, J., Conder, J. A., Blitzer, D. N., & Shinkareva, S. V.** Neural representation of abstract and concrete concepts: A meta-analysis of neuroimaging studies. *Human Brain Mapping*, 31, 2010, pp. 1459–1468.
- Wilson-Mendenhall, C. D., Simmons, W. K., Martin, A., Barsalou, L. W.** Contextual processing of abstract concepts reveals neural representations of nonlinguistic semantic content. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 25 (6). 2013, pp. 920–935.

Информация об авторе

Шамина Лилия Константиновна, аспирант второго курса Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Liliya K. Shamina, 2-nd year postgraduate student, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редакцию 27.02.2023;
одобрена после рецензирования 23.04.2023; принята к публикации 05.07.2023*
*The article was submitted 27.02.2023;
approved after reviewing 23.04.2023; accepted for publication 05.07.2023*

Научная статья

УДК 811.111'42:811.111'38

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-84-94

Структурная динамика сетевых фреймов в контексте кризиса легитимности власти в Ливийской Джамахирии (на материале интернет-комментариев)

Дмитрий Владимирович Девятяров¹

Наталья Владимировна Мельник²

¹Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Новосибирск, Россия

²Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹d.devyatiarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9405-5691>

²saikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9390-5842>

Аннотация

В статье рассматриваются тексты англоязычных интернет-комментариев, представляющие собой непрофессиональный политический дискурс сферы обыденного сетевого общения. В данных комментариях обсуждаются видеоролики, посвященные кризису легитимности власти в Ливии в начале 2010-х годов. Рассматривая массив текстов-комментариев как концептуальную систему, мы исследуем непрофессиональный политический дискурс ливийского кризиса с позиции фреймового анализа. Поскольку последствия этого кризиса ощущаются в мировой политике по сегодняшний день, пользователи не прекращают оставлять свои отзывы, что дает нам возможность изучить динамику функционирующих в дискурсе концептуальных структур. В качестве таких структур мы выбрали фреймы как ментальные модели, позволяющие изучать языковое сознание путем деления текстов на фрагменты, в которых отражены аккумулированные знания и опыт человека о стереотипных ситуациях. Моделирование фреймов осуществляется с опорой на базу фреймов FrameNet. Варианты моделей фреймов, полученные через анализ конкретного сетевого дискурсивного материала, мы называем сетевыми. Изучение комментариев, относящихся к разным периодам времени, позволяет нам выявить динамику изменений в структуре и содержании ключевых фреймов, описывающих кризис легитимности власти в Ливии.

Ключевые слова

непрофессиональный политический дискурс, интернет-комментарии, сетевые фреймы, динамический аспект, фреймовый анализ, Арабская весна

Для цитирования

Девятяров Д. В., Мельник Н. В. Структурная динамика сетевых фреймов в контексте кризиса легитимности власти в Ливийской Джамахирии (на материале интернет-комментариев) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 84–94. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-84-94

© Девятяров Д. В., Мельник Н. В., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 3

Structural Dynamics of Network Frames in the Context of the Legitimacy Crisis in Libyan Jamahiriya (based on the Internet comments)

Dmitriy V. Devyatiyarov¹, Natalya V. Melnik²

¹Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Novosibirsk, Russian Federation

²Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

¹d.devyatiyarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9405-5691>

²saikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9390-5842>

Abstract

The article deals with the English Internet comments viewed as non-professional political discourse of everyday network communication. In these comments the videos on the legitimacy crisis in Libya in the early 2010s are discussed. Considering the array of commentary texts as a conceptual system, we study the non-professional political discourse related to the Libyan crisis in terms of frame analysis. Since the consequences of this crisis are felt in the world politics to this day, the users keep commenting on it regularly, it makes it possible to study the dynamics of the conceptual discursive structures. For the purpose we chose frames as mental models that allow us to study linguistic consciousness by dividing texts into fragments reflecting the accumulated knowledge and experience of a person about stereotypical situations. Frame modeling is carried out with the help of the FrameNet frame base. Variants of frame models constructed through the analysis of the network discursive material, are called network frames. The study of comments relating to different periods of time allows us to identify the dynamics of the changes in the structure and content of the key frames that describe the legitimacy crisis in Libya.

Keywords

non-professional political discourse, Internet comments, network frames, dynamic aspect, frame analysis, Arab spring

For citation

Devyatiyarov D. V., Melnik N. V. Structural Dynamics of Network Frames in the Context of the Legitimacy Crisis in Libyan Jamahiriya (based on the Internet comments). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 84–94. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-84-94

Введение

Мировая сеть способна хранить информацию в течение длительного периода времени, что позволяет ее пользователям не прекращать сетевого обсуждения интересующих их материалов. Это во многом характерно для политических видеороликов, посвященных событиям, которые имеют тенденцию к циклическому воспроизведению в разных частях земного шара и стимулируют пользователей к просмотру и комментированию более старых материалов. К таким событиям можно отнести кризисы легитимности власти, ярким сигналом которых могут служить массовые антиправительственные протесты, принимающие в некоторых условиях форму «цветных революций».

Рассматривая дискурс интернет-комментариев как концептуальную систему в рамках исследования непрофессионального политического дискурса кризисов легитимности, мы можем изучить его с позиции фреймового анализа. Поскольку подобные кризисы могут быть продолжительными по времени, массивы рассматриваемых нами комментариев отличаются тем, что текстовый материал может копиться в них на протяжении десяти и более лет, что позволяет нам выявить динамику в структуре и содержании основных фреймов, описывающих кризисы легитимности власти.

Так, например, ситуация в Ливии, которую коснулась череда антиправительственных восстаний, объединенных под названием «Арабская весна», продолжает оставаться напряженной. Начиная с 2011 года эта страна пережила волну протестов против М. Каддафи, убийство ее

лидера и крах созданной им Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии, период двоевластия и гражданскую войну, а путь к восстановлению единой Ливии по-прежнему крайне сложен и зависит от множества факторов как внутри страны, так и вовне [Демиденко, 2018; Малащенко, 2021].

В качестве основы моделирования фреймов мы использовали электронный ресурс FrameNet, созданный основателем теории фреймовой семантики Чарльзом Филлмором, который содержит обширную базу фреймов с их подробным описанием. Поскольку наше исследование структурной динамики фреймов основывается на материале дискурса сетевого непрофессионального политического общения, мы предлагаем использовать термин «сетевой фрейм», который позволяет отразить тот факт, что мы имеем дело с сетевыми вариантами фреймов, предложенных на ресурсе FrameNet.

Выбор англоязычных комментариев в качестве материала исследования обусловлен интересом к реконструкции фрагментов языкового сознания членов западного интернет-сообщества, в которых фиксируется «обобщенное отражение отношения» пользователей к кризисам легитимности власти в разных странах [Яковлев, 2018. С. 62].

В предыдущих работах мы фокусировали наше внимание на рассмотрении отдельных фреймов. В частности, изучался сетевой фрейм HOSTILE ENCOUNTER (враждебное столкновение) в контексте кризиса легитимности власти на Украине [Девятияров, 2022]. В данном исследовании мы рассмотрим уже несколько ключевых фреймов, описывающих конфликт в Ливии.

Исследование концептуальных структур в непрофессиональном политическом дискурсе в контексте кризисов легитимности власти может внести вклад в изучение политического феномена постправды, для которого характерна «реабилитация дилетантства и дилетантов» (так называемая death of expertise) [Фефелов, 2023. С. 91]. Легкость доступа к массивам интернет-комментариев в кризисные времена превращает их в площадку, отражающую как истинную, так и заведомо ложную информацию на концептуальном уровне.

Исходя из всего вышесказанного следует, что **объектом** нашего исследования является англоязычный непрофессиональный политический дискурс интернет-комментариев, а **предметом** – сетевые фреймы как динамические структуры англоязычного непрофессионального политического дискурса.

Методы и материалы исследования

Под непрофессиональным политическим дискурсом мы понимаем, вслед за И. В. Савельевой, совокупность политических интернет-комментариев, оставляемых рядовыми носителями языка на различных интернет-платформах [Савельева, 2022]. Как отмечает автор, рост его значимости в современных исследованиях обусловлен рядом факторов, среди которых бóльшая открытость институциональных дискурсов; растущая активность адресата политического дискурса; большое количество медийных каналов, предоставляющих площадку для обсуждения политических тем [Там же].

Политические интернет-комментарии активно изучаются сегодня в лингвоперсонологическом ключе с позиций стратегий и тактик текстопорождения и текстовосприятия [Савельева, 2013; Ергалиева, 2018; Мельник, 2020; Вульфович, 2022], изучения различных типов языковой личности [Бец, 2013; Болотнов, 2015], аксиологии [Бец, 2013; Богачанова, 2021]. Однако область лингвокогнитивного исследования текстов политических интернет-комментариев в контексте содержащихся в них концептуальных структур, в частности фреймов, является весьма малоизученной.

Вопрос о специфичности понятия «фрейм» и его соотношении со смежными понятиями, такими как «концепт», «гештальт», «образ» и другими, в современной лингвистике также до сих пор является открытым. В данной работе мы придерживаемся постулата, выдвинуто-

го в исследовании Ван Чжицяна и П. П. Дашинимаевой, согласно которому термин «фрейм» является гипонимом по отношению к термину «концепт» [Ван, Дашинимаева, 2022]. Многие отечественные и зарубежные лингвисты высказывали мнение о том, что тексты могут быть проанализированы путем их деления на эпизоды, в которых отражаются разные ситуации, которые, в свою очередь, необходимо анализировать с привлечением особых ментальных моделей, содержащих аккумулированные знания и опыт человека. Этими ментальными моделями и являются фреймы [Ван, Дашинимаева, 2022; Кибрик, 2003; Леонтьева, 2006; Fillmore, 1985; Andor, 1985]. Таким образом, под фреймами мы понимаем особые концепты, содержащие аккумулированные знания человека о какой-либо стереотипной ситуации. При моделировании фреймов в нашей работе мы во многом опираемся на филлморовское понимание фрейма, согласно которому они являются когнитивными структурами, стереотипизирующими языковое сознание, а также на ресурсы базы FrameNet [Fillmore, 1985].

Мы полагаем, что в понятии «сетевой фрейм» находят отражение три ключевых взаимосвязанных аспекта, обуславливающих целесообразность его использования в нашем исследовании. Первый аспект – это особенности источника лексического материала, т. е. сетевого пространства. Его анонимность, определенная вседозволенность и в то же время возможность цензуры в виде модерации накладывают отпечаток на содержание исследуемых структур. Во-вторых, это вариантность. При анализе массивов текстов интернет-комментариев мы имеем дело с реальным воплощением в сетевом пространстве филлморовского понятия фрейм, т. е. их сетевыми вариантами. И третий аспект – динамический. Пространство Всемирной сети – постоянно изменяющаяся и развивающаяся система, соответственно, и содержание фреймов, являющихся ее составными частями, не может этого не отражать.

В качестве материала исследования выступили комментарии к следующим англоязычным видеороликам, размещенным на видеохостинге YouTube: *Libyan protesters prepare for «day of anger»* (от 17 февраля 2011 г.), *What you don't know about the libyan crisis* (от 23 апреля 2011 г.), *Libya's Leader Speaks Out* (от 1 марта 2011 г.), *How Western Propaganda Destroyed Libya (and Got Away with it)* (от 2 февраля 2022 г.).

Поскольку мы ставим задачу отразить динамический аспект функционирования сетевых фреймов, массив комментариев был разделен на три подгруппы по 150 комментариев: старые (11 лет назад), медианные (3–5 лет назад) и новые (от месяца до года). Наполнение данных массивов комментариев осуществлялось методом сплошной выборки.

На первом этапе поиск и анализ основных сетевых фреймов заключался в определении ключевых лексических единиц, являющихся ядром соответствующего фрейма. Затем рассматривался контекст функционирования ключевого слова, т. е. предложение, в которое оно было помещено с целью определения структурных компонентов каждого фрейма (субфреймов), располагающихся на ближней, средней и/или дальней периферии, которые, в свою очередь, необходимы для наиболее полного раскрытия описываемой фреймом стереотипной ситуации.

Результаты

В процессе анализа комментариев удалось установить, что, согласно классификации ресурса FrameNet, основными фреймами кризиса легитимности власти в Ливии, являются, в порядке убывания объективирующих их лексических единиц, следующие: HOSTILE ENCOUNTER (враждебное столкновение) – 106 лексических единиц (ЛЕ), LEADERSHIP (лидерство) – 79 ЛЕ, TAKING SIDES (размежевание сторон) – 32 ЛЕ, CHANGE OF LEADERSHIP – 23 ЛЕ (смена лидерства), REJECT LEADERSHIP (непринятие лидерства) – 17 ЛЕ.

Ясно, что в исследуемых комментариях присутствуют и другие фреймы, однако перечисленные выше наиболее репрезентативны в контексте выбранной проблемы, поскольку отличаются наибольшей частотой употребления.

Далее мы рассмотрим структуру и содержание каждого из выделенных сетевых фреймов, а также кратко опишем те изменения, которые в них произошли в указанные периоды времени.

Наиболее распространенным в сети является фрейм HOSTILE ENCOUNTER. Характерными примерами его ключевых лексических единиц могут послужить следующие лексемы: *war* (война) – 27 ЛЕ, *to destroy* (уничтожать) – 24 ЛЕ, *to kill* (убивать) – 16 ЛЕ, *to invade/invasion* (вторгаться/вторжение) – 11 ЛЕ, *fight/to fight* (сражение/сражаться) – 7 ЛЕ, *attack/to attack* (нападать/нападение) – 5 ЛЕ, *to bomb* (бомбить) – 4 ЛЕ, *conflict* (конфликт) – 3 ЛЕ и ряд других (9 ЛЕ).

Данный фрейм отличается наибольшей структурной стабильностью во всех трех подгруппах комментариев по сравнению с другими сетевыми фреймами. Субфреймами, составляющими его ближнюю периферию, являются компоненты **Side 1** и **Side 2**, которые, соответственно, обозначают стороны конфликта. В содержательном плане наблюдается некоторое смещение акцентов относительно пострадавшей стороны. Безусловно, во всех трех группах чаще всего в роли таковой выступает Ливия и ливийский народ, а агрессором выступает коллективный западный мир. Однако если в первой группе комментариев в качестве агрессора мог выступать бывший ливийский лидер Муамар Каддафи, а пострадавшей стороной – гражданское население Ливии, то в более поздних комментариях такая дифференциация уже почти не встречается.

Что касается средней и дальней периферии, то здесь находятся следующие субфреймы: **Place** (Место), **Time** (Время), **Purpose** (Цель), **Depictive** (Описание), **Issue** (Спорный вопрос), **Result** (Результат) и **Manner** (Образ действия). Некоторые из них (**Place**, **Purpose**, **Depictive**, **Result**) стабильно занимают свое место в средней периферии на протяжении всего периода времени. Другие со временем переходят из средней в дальнюю периферию (**Issue**), из дальней в среднюю (**Time**), либо стабильно занимают место на дальней периферии (**Manner**).

В качестве примера реализации в дискурсе фрейма HOSTILE ENCOUNTER приведем следующий комментарий с его анализом:

*Libya was destroyed by America and its demonic Allies for personal gain. –
Ливия была разрушена Америкой и ее демоническими союзниками ради личной выгоды.*

Ключевой лексической единицей в данном случае является конструкция *was destroyed* (была разрушена). Также здесь присутствуют компоненты **Сторона 1** (*America and its demonic Allies*), **Сторона 2** (*Libya*) и **Цель** (*for personal gain*).

Следующим по распространенности сетевым фреймом является LEADERSHIP (лидерство). Его ядерными лексическими единицами являются следующие: *leader* (лидер) – 23 ЛЕ, *government* (правительство) – 16 ЛЕ, *dictator* (диктатор) – 14 ЛЕ, *president* (президент) – 11 ЛЕ, *ruler/to rule* (правитель/править) – 9 ЛЕ и некоторые другие, являющиеся менее частотными (6 ЛЕ). Данный фрейм, как и HOSTILE ENCOUNTER, структурно является достаточно стабильным. Компонентами, составляющими его ближнюю периферию в трех рассмотренных группах комментариев, являются **Leader** (Лидер) и **Depictive** (Описание). Выявление факта использования фреймовой структуры ЛИДЕРСТВО для наименования лидеров, а также описания присущих им характеристик, пожалуй, является достаточно ожидаемым результатом. В плане содержания мы наблюдаем наличие двух основных объектов описания посредством фрейма LEADERSHIP. Это бывший ливийский лидер Муамар Каддафи и его правительство (как с положительной, так и с отрицательной стороны) и коллективный Запад, персонализированный в лице 44-го президента США Барака Обамы либо обезличенных правительств других западных государств (преимущественно с отрицательной стороны). Говоря о субфреймах, составляющих среднюю и дальнюю периферии, можно отметить, что в группе самых старых комментариев их лексическое наполнение является весьма скудным, соответственно их стоит отнести скорее к дальней периферии. В этой группе выявляются следующие субфреймы: **Manner** (Образ действия), **Place** (Место), **Role** (Роль), **Duration** (Продолжительность), **Governed** (Управляемые). Во второй группе комментариев большая часть этих субфреймов (за исключением **Duration**) переместилась на среднюю периферию. В дальней периферии также

возникает субфрейм **Degree** (Степень). В группе самых новых комментариев снова происходит сокращение числа субфреймов средней периферии (остается только **Governed**). Остальные возвращаются на дальнюю периферию, а субфрейм **Place** исчезает вовсе. В качестве примера сетевого фрейма LEADERSHIP приведем типовой комментарий, характеризующий М. Каддафи с положительной стороны:

*Gaddafi was a fantastic **leader** that sought to protect his country's resources from the imperialist powers. – Каддафи был фантастическим лидером, стремившимся защитить ресурсы своей страны от империалистических держав.*

Ключевая лексическая единица в этом фрейме – *leader* (лидер). Также здесь можно выделить компоненты **Лидер** (*Gaddafi*), **Описание** (*fantastic*), и **Роль** (*sought to protect his country's resources from the imperialist powers*).

В комментариях, характеризующих М. Каддафи с отрицательной стороны, ключевой лексической единицей чаще всего служит лексема *dictator* (диктатор):

*Gaddafi was one of the worst **dictators** on the planet. – Каддафи был одним из самых ужасных диктаторов на планете.*

Далее мы рассмотрим сетевой фрейм TAKING SIDES (размежевание сторон). В ядро данного фрейма, входят следующие ключевые лексические единицы: *to support* (поддерживать) – 17 ЛЕ, *to be against* (быть против) – 7 ЛЕ, *supporter* (сторонник) – 3 ЛЕ и ряд других (5 ЛЕ). В отличие от двух предыдущих фреймов концентрация лексических единиц, объективирующих сетевой фрейм TAKING SIDES в комментариях, значительно ниже (с 23 ЛЕ в первой группе до 3 ЛЕ в третьей). Это же можно сказать и о компонентах, составляющих периферию фрейма. В группе наиболее старых комментариев ярко выражена ближняя периферия, включающая два субфрейма: **Cognizer** (Сторонник) и **Side** (Сторона). Дальнюю периферию составляют субфреймы **Depictive** (Описание), **Place** (Место), **Time** (Время) и **Manner** (Образ действия). В медианной группе комментариев обнаружен также компонент **Result** (Результат). В группе новых комментариев периферию составляют всего три субфрейма: **Cognizer** (Сторонник), **Side** (Сторона) и **Place** (Место).

Исходя из полученных результатов, можно сделать предположение, что структурная разветвленность данного фрейма в группе «старых» комментариев связана с общей неразберихой и неопределенностью начального этапа кризиса в Ливии, которая вызвала желание пользователей разобраться в происходящем в контексте расстановки сил. Проиллюстрируем фрейм TAKING SIDES следующим комментарием из этой группы, в котором один из пользователей критикует методы США:

*Don't **support** the fascist methods of the US! – Не **поддерживайте** фашистские методы США!*

Ключевой лексической единицей является *to support* (поддерживать). Также можно выделить субфрейм **Сторона** (*the fascist methods of the US*).

Достаточно много в группе старых комментариев текстов в поддержку мятежников:

*The majority of Germans **are with** the freedom fighters. only some communists, nazis, islamists and peaceniks **are against** NATO. – Большинство немцев **поддерживают** борцов за свободу, только некоторые коммунисты, нацисты, исламисты и пацифисты **выступают против** НАТО.*

Ключевыми лексическими единицами здесь являются *to be with/against* (быть за/против). Также в составе фрейма представлены субфреймы **Сторонник** (*The majority of Germans; some communists, nazis, islamists and peaceniks*) и **Сторона** (*the freedom fighters, NATO*).

Следующим по важности сетевым фреймом является CHANGE OF LEADERSHIP (смена лидерства). Объективирующие его лексические единицы равномерно представлены во всех трех группах комментариев (по 7–8 ЛЕ на группу). К ключевым среди них можно отнести следующие: *revolution* (революция) – 6 ЛЕ, *to overthrow* (свергнуть) – 6 ЛЕ, *coup* (переворот) – 3 ЛЕ, *to remove* (сместить) – 3 ЛЕ, *to change* (поменять) – 2 ЛЕ, *to get rid of* (избавиться) – 1 ЛЕ, *to bring down* (низвергнуть) – 1 ЛЕ, *to topple* (обрушить) – 1 ЛЕ.

В данном фрейме четко определяется ближняя периферия. К ней относится субфрейм **Old Leader** (Прежний лидер). Что касается дальней периферии, то постоянства компонентного состава здесь не наблюдается. В целом, в старом медианном и новом периодах были выявлены следующие субфреймы: **New Leader** (Новый лидер), **Issue** (Спорный вопрос), **Manner** (Образ действия), **Purpose** (Цель), **Result** (Результат), **Place** (Место), **Time** (Время), **Depictive** (Описание), **Agent** (Агент). Их динамика характеризуется сокращением количества субфреймов на дальней периферии с 9 до 4 (остались **Depictive**, **Agent**, **Issue**, **Manner**). В содержательном плане прослеживается растущее сожаление пользователей по поводу смены власти в стране (в группе медианных комментариев – в 20 % текстов, в группе новых комментариев – уже в 40 %).

Проиллюстрируем фрейм CHANGE OF LEADERSHIP следующим комментарием:

*Removing Gaddafi in Libya is a big mistake of Libyan people. –
Устранение Каддафи в Ливии – большая ошибка ливийского народа.*

Ключевая лексическая единица в данном случае – *removing* (устранение). Периферию фрейма составляют компоненты **Прежний лидер** (*Gaddafi*), **Место** (*in Libya*) и **Результат** (*a big mistake of Libyan people*).

Последним из выделенных нами сетевых фреймов является REJECT LEADERSHIP (непринятие лидерства). Из всех фреймов он обладает наименьшей стабильностью. Другими словами, концентрация объективирующих его ключевых слов со временем радикально снижается (с 13 до 1). Он практически полностью отсутствует в группе новых комментариев. Его ключевыми лексическими единицами являются *rebel/to rebel* (мятежник / поднимать восстание) – 7 ЛЕ, *to protest* (протестовать) – 5 ЛЕ, *protester* (протестующий) – 3 ЛЕ, *insurgent* (повстанец) – 2 ЛЕ.

Нестабильность данного фрейма проявляется также в невозможности однозначно определить ближнюю и дальнюю периферии во всех трех группах. Ближняя периферия определяется с приемлемой точностью только в группе самых старых комментариев – это субфрейм **Depictive** (Описание). Другими компонентами, составляющими периферию фрейма, являются **Old Leader** (Прежний лидер), **Manner** (Образ действия), **Purpose** (Цель), **Agent** (Агент), **Place** (Место), **Issue** (Спорный вопрос).

Практически полное исчезновение фрейма REJECT LEADERSHIP (непринятие лидерства) в третьей группе комментариев, на наш взгляд, логично, поскольку данный фрейм аккумулирует только единицы, описывающие стремление людей к смене текущей власти (протест, восстание). Непосредственно смена власти находит отражение в содержании фрейма CHANGE OF LEADERSHIP (революция, переворот).

В качестве иллюстрации приведем следующий комментарий:

*All those protests were orchestrated and paid for exactly this: change of power in oil-rich nations. –
Все эти протесты были организованы и оплачены именно ради этого –
смены власти в богатых нефтью странах.*

Ключевое слово здесь – *protests* (протесты). Периферию составляют следующие компоненты: **Описание** (*orchestrated and paid for*), **Цель** (*change of power in oil-rich nations*).

Выводы и заключение

Проведенный анализ позволяет нам сделать ряд выводов относительно содержательного наполнения сетевых фреймов каждой из трех групп, описывающих кризис легитимности власти в Ливии в непрофессиональном политическом дискурсе и их динамику.

1. Лидирующие позиции по частоте употребления во всех трех группах занимают фреймы HOSTILE ENCOUNTER (враждебное столкновение) и LEADERSHIP (лидерство). По суммарному количеству лексических единиц (106 ЛЕ) за три рассмотренных периода самым распространенным фреймом является HOSTILE ENCOUNTER (враждебное столкновение);

2. Для указанной пары фреймов также характерна стабильность компонентов (субфреймов), составляющих их ближнюю периферию. Они оставались неизменными на протяжении всего периода обсуждения (с февраля 2011 года по сегодняшний день), в то время как в ряде других фреймов (CHANGE OF LEADERSHIP, REJECT LEADERSHIP) не было возможности разграничить статистически уровни периферии (ближнюю, среднюю или дальнюю) из-за неопределенности позиций комментаторов;

3. Наибольшей наполненностью фреймового состава отличается группа самых старых комментариев. Рассматривая событие «Кризис легитимности власти в Ливии» как концептуальную структуру, мы отмечаем, что для некоторых фреймов, являющихся ее основой, была характерна широкая выборка ключевых единиц и также разветвленная структура. Однако со временем они уходят на периферию этой структуры, что говорит о сужении с течением времени спектра обсуждаемых пользователями вопросов. В данном случае примерами могут служить фреймы TAKING SIDES (принятие сторон) и REJECT LEADERSHIP (непринятие лидерства), которые полностью исчезают в группе самых новых комментариев;

4. Развивая мысль о событии «Кризис легитимности власти в Ливии» как о концептуальной структуре, можно отметить, что ее постоянными ядерными компонентами являются фреймы HOSTILE ENCOUNTER (враждебное столкновение) и LEADERSHIP (лидерство), а постоянным компонентом ближней периферии – фрейм CHANGE OF LEADERSHIP (смена лидерства). Все остальные фреймы демонстрируют с течением времени тенденцию к переходу из ядра в периферию (ближнюю, среднюю или дальнюю);

5. Все рассмотренные сетевые фреймы имеют очень схожий состав средней и/или дальней периферии. Так, например, в структуре всех фреймов встречаются следующие субфреймы: **Place** (Место), **Depictive** (Описание), **Time** (Время) и **Manner** (Образ действия);

6. В содержательном плане также ожидаемо наблюдается временная динамика по ряду позиций. Наряду с отмеченным выше сужением спектра обсуждаемых вопросов наблюдается также рост числа пользователей, выражающих сожаление по поводу смены власти в Ливии, а также более ясное смещение акцента на осуждение западного мира, который обвиняется пользователями в организации внутригосударственного конфликта в Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии.

Перспектива дальнейшего исследования в данном направлении заключается в проведении фреймового анализа на материале англоязычных комментариев к видеороликам, посвященным другим аналогичным кризисам легитимности власти (в Сирии, на Украине) с целью выявления общих тенденций и сопоставительных закономерностей в структуре, содержании и динамике их сетевых фреймовых структур.

Список литературы

- Бец М. В. Аксиологическая соотнесенность текста информационно-аналитической статьи и комментария в виртуальном пространстве Рунета: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 189 с.
- Богачанова Т. Д. Метаязыковые факторы формирования оценочности (на материале интернет-комментариев политического характера) // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2021. № 9 (162). С. 122–130.

- Болотнов А. В.** Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: Дис. ... д-ра. филол. наук. Томск, 2015. 405 с.
- Ван Чжицян, Дашинимаева П. П.** Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 29–40. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40
- Вульфович Б. Г.** Лингвопрагматический потенциал политического интернет-дискурса: общий обзор применения стратегий и тактик в контексте комментариев // Язык и социум: динамика взаимоотношений: Моногр. / Под ред. В. В. Катерминой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2022. С. 5–31.
- Девятяров Д. В.** Репрезентация сетевого фрейма “Hostile encounter” / «Враждебное столкновение» в англоязычных интернет-комментариях // Политическая лингвистика. 2022. № 3(93). С. 20–26.
- Демиденко С. В.** Джамахирия как средство от всех болезней. Неудачный опыт прямой демократии в Ливии // PolitBook. 2018. № 1. С. 183–194.
- Ергалиева С. Ж.** Политический дискурс в текстодериватологическом аспекте: на материале российских и казахстанских интернет-сайтов: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово. 2018. 274 с.
- Кибрик А. А.** Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН. 2003. 90 с.
- Леонтьева Н. Н.** Автоматическое понимание текстов. Системы, модели, ресурсы. М.: Академия. 2006. 304 с.
- Малашенко А.** Ближневосточные конфликты: вероятность обострения в контексте общей нестабильности в регионе в 2020-е годы // Пути к миру и безопасности. 2021. № 1(60). С. 120–132. DOI 10.20542/2307-1494-2021-1-120-132
- Мельник Н. В.** Текстодериватологический анализ политического интернет-комментария: лингвоперсонологический аспект // Язык-текст-коммуникация: Материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. Материалы XIV Всероссийской науч.-практ. конф. (Нижний Тагил, 24–27 апреля 2019 года) / Отв. редактор Ю. А. Фомина. Нижний Тагил: ООО «Изд-во «Мир науки»». 2020. С. 20–23.
- Савельева И. В.** Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово. 2013. 251 с.
- Савельева И. В.** Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования: Дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово. 2022. 496 с.
- Фефелов А. Ф.** Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды // Вестник НГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 83–101. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101
- Яковлев А. А.** «Языковое сознание» и «языковая картина мира»: совместимость понятий // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 57–69. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-2-57-69>
- Andor J.** On the psychological relevance of frames // Quaderni di semantica, 1985. Vol. VI, No. 2. P. 212–221.
- Fillmore Ch.** Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semantica, 1985. Vol. VI, No. 2. P. 222–254.

Список источников

<https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/> (дата обращения: 03.05.2023).

Libyan protesters prepare for “day of anger”. <https://www.youtube.com/watch?v=c3aG63v7zic&list=PLQi2M04148FrT2-eI5f8m81aUPkWqSOzv&index=31> (дата обращения: 15.05.2023).

- What you don't know about the Libyan crisis. <https://www.youtube.com/watch?v=9hlOhymEY7c&list=PLQi2M04148FrT2-eI5f8m81aUPkWqSOzv&index=34> (дата обращения: 17.05.2023).
- Libya's Leader Speaks Out. <https://www.youtube.com/watch?v=Y1rpzUD3vgE&list=PLQi2M04148FrT2-eI5f8m81aUPkWqSOzv&index=35> (дата обращения: 20.05.2023).
- How Western Propaganda Destroyed Libya. https://www.youtube.com/watch?v=K_qpiujkqhU&list=PLQi2M04148FrT2-eI5f8m81aUPkWqSOzv&index=30 (дата обращения: 23.05.2023).

References

- Andor, J.** On the psychological relevance of frames. *Quaderni di semantica*, 1985, Vol. VI, No. 2, pp. 212–221.
- Bets, M. V.** Axiological correlation of the text of an information-analytical article and commentary in the virtual space of the Runet. *Cand. of Philol. Sci. Thesis*. Kemerovo, 2013, 189 p. (in Russ.)
- Bogachanova, T. D.** Metalinguistic factors in the formation of appraisal (on the material of Internet comments of a political nature). *Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, No. 9 (162), pp. 122–130. (in Russ.)
- Bolotnov, A. V.** Idiostyle of the information-media linguistic personality: communicative and cognitive aspects of the study. *Dr. of Philol. Sci. Thesis*. Tomsk, 2015, 405 p. (in Russ.)
- Demidenko, S. V.** Jamahiriya as a remedy for all diseases. *Unsuccessful experience of direct democracy in Libya*. *PolitBook*, 2018. No. 1. pp. 183–194. (in Russ.)
- Devyatyarov, D. V.** Representation of the network frame “Hostile encounter” in English-language Internet comments. *Political Linguistics*, 2022, No. 3(93), pp. 20–26. (in Russ.)
- Ergalieva, S. Zh.** Political discourse in the text-derivative aspect: on the material of Russian and Kazakhstani Internet sites: *Cand. of Philol. Sci. Thesis*. Kemerovo, 2018. 274 p. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Lexico-semantic field of POST-TRUTH through the Prism of its Russian Correspondences *Istina and Pravda*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 83–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101
- Fillmore, Ch.** Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di semantica*, 1985, Vol. VI, No. 2, pp. 222–254.
- Kibrik, A. A.** Discourse analysis in a cognitive perspective. *Dr. of Philol. Sci. Thesis*. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2003, 90 p. (in Russ.)
- Leontyeva, N. N.** Automatic understanding of texts. *Systems, models, resources*. Moscow, Academy, 2006, 304 p. (in Russ.)
- Malashenko, A.** Middle East conflicts: the likelihood of exacerbation in the context of general instability in the region in the 2020s. *Ways to peace and security*, 2021, No. 1(60), pp. 120–132. DOI 10.20542/2307-1494-2021-1-120-132 (in Russ.)
- Melnik, N. V.** Text-derivatological analysis of political Internet commentary: linguopersonological aspect. In: *Language-text-communication: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Materials of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference (Nizhny Tagil, April 24–27, 2019)*. Ed. by Yu. A. Fomin. Nizhny Tagil, LLC “Publishing House” World of Science”, 2020, pp. 20–23. (in Russ.)
- Savelieva, I. V.** Unprofessional political discourse as a new communicative phenomenon: linguopragmatic and linguopersonological aspects of modeling. *Dr. of Philol. Sci. Thesis*. Kemerovo, 2022, 496 p. (in Russ.)
- Savelieva, I. V.** Variability of text perception and text generation strategies: linguo-personological aspect (based on the texts of political Internet comments). *Cand. of Philol. Sci. Thesis*. Kemerovo, 2013, 251 p. (in Russ.)
- Vulfovich, B. G.** Linguistic and pragmatic potential of political Internet discourse: a general overview of the use of strategies and tactics in the context of comments. *Language and society: relationship*

dynamics. Monograph. Ed. By V. V. Katermina. Krasnodar, Kuban State University, 2022, pp. 5–31. (in Russ.)

Wang Zhiqiang, Dashinimaeva, P. P. Frame, Gestalt and Image: Equivalence or Contiguity of Categorization? Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 29–40. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40

Yakovlev, A. A. Compatibility of the Terms “Linguistic Consciousness” and “Language Worldview”. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 57–69. (in Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-2-57-69>.

List of Sources

<https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/> (accessed on 03.05.2023).

Libyan protesters prepare for “day of anger”. <https://www.youtube.com/watch?v=c3aG63v7zic&list=PLQi2M04148FrT2-eI5f8m81aUPkWqSOzv&index=31> (accessed on 15.05.2023).

What you don’t know about the Libyan crisis. <https://www.youtube.com/watch?v=9hIOhymEY7c&list=PLQi2M04148FrT2-eI5f8m81aUPkWqSOzv&index=34> (accessed on 17.05.2023).

Libya’s Leader Speaks Out. <https://www.youtube.com/watch?v=Y1rpzUD3vgE&list=PLQi2M04148FrT2-eI5f8m81aUPkWqSOzv&index=35> (accessed on 20.05.2023).

How Western Propaganda Destroyed Libya. https://www.youtube.com/watch?v=K_qpiujkqhU&list=PLQi2M04148FrT2-eI5f8m81aUPkWqSOzv&index=30 (accessed on 23.05.2023).

Информация об авторах

Девятяров Дмитрий Владимирович, преподаватель кафедры иностранных языков Новосибирского военного ордена Жукова института им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Мельник Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета

Information about the Authors

Dmitriy V. Devyatiyarov, Lecturer, Department of Foreign Languages, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops

Natalya V. Melnik, D.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University

*Статья поступила в редакцию 02.05.2023;
одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 05.07.2023*

*The article was submitted 02.05.2023;
approved after reviewing 03.07.2023; accepted for publication 05.07.2023*

Научная статья

УДК 81'373

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-95-105

Интенциональность и ее репрезентация в агитационных речах монологического характера в рамках предвыборного дискурса США 2020 года

Павел Андреевич Ковалев

Московский государственный институт международных отношений МИД России
Москва, Россия

kovalevpavel94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0898-8434>

Аннотация

Современная лингвистика все больше внимания уделяет проблемам политического дискурса как коммуникативной деятельности. Агитационные речи политиков, над которыми работают специалисты по связям с общественностью, являются одним из эффективных инструментов продвижения идей и повсеместно используются в рамках предвыборных кампаний и мероприятий. Особенно распространен такой подход в Соединенных Штатах Америки, где баллотирующиеся на тот или иной пост политические деятели часто выступают с агитационными речами монологического характера на национальном телевидении и непосредственно перед избирателями. С лингвистической точки зрения представляется наиболее интересным то, как в рамках предвыборных агитационных речей видных политических деятелей США реализуются различные языковые средства выражения интенциональной направленности. Целью данной статьи является рассмотрение коммуникативной интенции в контексте агитационных выступлений монологического характера таких политических деятелей США, как Дональд Трамп и Камала Харрис, а также выявление интенциональных паттернов при построении ими публичной речи. Объектом исследования стала интенция речевого поведения политических деятелей как важнейший фактор, обеспечивающий речевое взаимодействие с аудиторией. В качестве материалов для исследования были избраны некоторые агитационные речи монологического характера, произнесенные политическими деятелями в ходе избирательной кампании, прошедшей в 2020 году. Одной из основных задач исследования стало выявление особенностей использования политическими деятелями США в своих агитационных речах интенциональной лексики, различных грамматических и стилистических средств, способствующих выражению интенционального компонента. Автор статьи полагает, что интенциональность речевого поведения американских политических деятелей направлена на речевое воздействие, обращенное к массовому реципиенту. При этом адресату, будь он простым избирателем или специалистом, занимающимся научной деятельностью в области языкознания, необходимо уметь декодировать намерения адресанта, реализуемые им посредством интенционального речевого поведения.

Ключевые слова

интенциональность, предвыборный дискурс, агитация, монологическая речь, речевое поведение

Для цитирования

Ковалев П. А. Интенциональность и ее репрезентация в агитационных речах монологического характера в рамках предвыборного дискурса США 2020 года // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 95–105. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-95-105

© Ковалев П. А., 2023

Intentionality and Its Representation in Monologue Campaign Speeches within the Framework of the US 2020 Election Discourse

Pavel A. Kovalev

Moscow State Institute of International Relations
Moscow, Russian Federation

kovalevpavel94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0898-8434>

Abstract

Modern linguistics pays more and more attention to the issues of political discourse as a communicative activity that attracts a large amount of public attention. Politicians' campaign speeches, widely studied by public relations specialists, are an effective tool for promoting certain ideas during election campaigns and events. This approach is especially common in the United States of America where political figures running for a particular post often make monologue campaign speeches on the national television and/or directly in front of the voters. From a linguistic point of view, the question how various linguistic means of expressing an intentional orientation are implemented in pre-election campaign speeches of prominent US politicians seems to be a most interesting one. The purpose of this article is to consider the phenomenon of speech intention in the context of monological campaign speeches in the discourse of Donald Trump and Kamala Harris, as well as to identify intentional patterns in their public speech construction. The object of the study is the intentionality of the political figures' speech behavior as the most important factor in their speech interaction with the audience. A selection of monologue speeches by politicians during the 2020 election campaigns were used as material for the study. One of our objectives is to identify the specificity of the use of intentional vocabulary, grammatical and stylistic means that contribute to the expression of the intentional component by the chosen US politicians in their campaign monologues. The author of the article believes that the intentionality of the American politicians' speech behavior presupposes a pragmatic effect on the mass recipient. At the same time, the addressee, whether s/he is an ordinary voter or a linguist, must be able to decode the intentions of the addressor, realized by him/her through the intentional speech behavior.

Keywords

intentionality, pre-election discourse, campaigning, monologue speech, speech behavior

For citation

Kovalev P. A. Intentionality and Its Representation in Monologue Campaign Speeches within the Framework of the US 2020 Election Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 95–105. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-95-105

Введение

Актуальность исследования выразительных средств со значением «интенция» в монологических агитационных речах предвыборного дискурса США

Политический дискурс в современной лингвистике представляет собой широкое поле для исследований, так как может характеризоваться большим количеством речевых тактик и приемов, реализуемых в рамках речевого поведения при помощи различных стилистических и лексико-грамматических средств. Будучи составной частью медиадискурса, политический дискурс использует лингвистические приемы для воздействия на реципиента [Шмелева, 2020. С. 84], но в отличие от некоторых форм медиадискурса, где информационная функция также важна, как и функция воздействия [Сырина, 2021. С. 94], а иногда последняя может быть и вовсе опциональна [Мальцева, 2022. С. 185], политический дискурс характеризуется агитационностью [Бенуа, 2006]. К избирательным кампаниям приковано внимание большого количества людей: как специалистов из сфер PR (public relations), средств массовой информации, политологии, так и обычных слушателей и зрителей. При этом речь политика в широком смысле слова интенциональна и полна авторских намерений побудить широкую аудиторию реципиентов к каким-либо действиям или выводам. Интенциональность, считают исследователи, позволяет уточнить прагматическую коннотацию в структуре лексического значения, а значит, и более точно определить иллюкутивную функцию в целом [Шакирова, 2003. С. 74]. Подобная ха-

рактика является ключевой в определении актуальности исследования монологических агитационных речей предвыборного дискурса на предмет интенциональных единиц, определяющих способность участия языковых значений в реализации намерений говорящего.

Рассматривая интенциональность с точки зрения процесса интеграции данного понятия из философско-психологической сферы в лингвистику, дополнительно следует отметить наличие потенциальной возможности более глубокого осмысления коммуникативных намерений говорящего, его когнитивных интенций и способов их вербального выражения [Rotenstreich, 1977. С. 33].

***Материалы, цель, задачи и методы исследования выразительных средств
со значением «интенция» в монологических агитационных речах
предвыборного дискурса США***

Материалом исследования стали предвыборные речи кандидата в президенты США Дональда Трампа и кандидата в вице-президенты страны Камалы Хариис, произнесенные ими в четвертом квартале 2020 года, накануне дня голосования в рамках своих избирательных кампаний как непосредственно перед их избирателями, так и в эфире национальных телеканалов. Выбранные материалы имеют монологический характер и содержат информацию о ключевых вопросах избирательной кампании обоих кандидатов.

Целью данной статьи является рассмотрение явления речевой интенции в контексте отобранных агитационных выступлений монологического характера и выявление интенциональных паттернов при построении вышеуказанными политиками публичной речи. Объектом исследования стала интенция речевого поведения политических деятелей как важнейший фактор, обеспечивающий речевое взаимодействие с аудиторией.

Задачи исследования:

1. Обозначить теоретические подходы к исследованию интенциональности в лингвистическом дискурсе;
2. Выделить интенциональный аспект предвыборных публичных выступлений политиков, установить особенности использования интенциональной лексики в данных выступлениях.

В качестве основного метода исследования был выбран интен-анализ, позволяющий выявить контекстуальные и выраженные напрямую в тексте намерения говорящего. Также были использованы методы интерпретационного и сравнительного анализа текстов предвыборных выступлений. При изучении единиц, характеризующихся интенциональностью, применялся метод сплошной выборки, позволивший выделить всю их совокупность. Частотный анализ, в свою очередь, позволил определить частоту употребления в предвыборных речах тех или иных единиц, реализующих интенциональную функцию.

Изучение способов языковой репрезентации интенциональности в предвыборном дискурсе США было основано на теоретических положениях, содержащихся в трудах ряда зарубежных исследователей. В частности, Дж. Серля, чьи научные работы считаются одними из фундаментальных в данной области научного знания, и Н. Ротенштрайха, установившего некоторые условия успешности иллокутивных речевых актов. Также в качестве источника теоретических сведений были использованы работы отечественных исследователей, например, труды Э. Шакировой, выявившей связь между инстанционными намерениями и коммуникативно-целевой семантикой, Л. Р. Безуглой и С. Е. Мощевой, определивших место интенционального подхода к изучению текстов в современной лингвистике.

Интенциональность: подходы к определению понятия и свойств

Рассматривая интенциональность как дискурсивную практику, можно констатировать, что это система ситуационно обусловленных дискурсивных элементов, обеспечивающих во-

площение коммуникативного намерения говорящих, включающая мотивы, которые отвечают потребностям человека, направляют и поощряют его деятельность. Мотивы превращаются в план, представляющий собой общую структурно-содержательную схему того, что должно быть воплощено в высказывании. Следующий элемент – целеполагание, подразумевающее, что любая деятельность определяется конкретной целью. Цель функционирует только после того, как говорящий осознает мотивы вступления в коммуникативный контакт, и направлена на прогнозирование результата речевого акта [Мощева, 2011. С. 225].

О том, что цель, потребность и мотив формируют сообщение, которое может быть реализовано только в рамках речевой коммуникации, говорит и Л. Р. Безуглая, подчеркивая при этом, что следует различать репрезентационную и коммуникативную интенцию. В первом случае у коммуниканта формируется характерная для его психологии пропозициональная установка, а во втором – она преобразовывается в желание донести до оппонента тот или иной смысл, чтобы получить реакцию [Безуглая, 2009. С. 152].

В свою очередь концепция «интенциональной стратегии», разработанная американским философом и когнитивистом Д. Дэннетом (D. Dennett), предполагает тесную связь интенциональности с психологией говорящего. Таким образом, речевое поведение во многом обуславливается способом мышления коммуниканта, у которого имеется определенная установка на интерпретацию чего-либо. Следовательно, интенциональность – это не свойство объекта, а характеристика самого говорящего [Dennett, 1997, С. 384].

Современными отечественными лингвистами интенция определяется как некое побуждение к высказыванию. Именно фокусирование сознания коммуниканта на каком-либо объекте лежит в основе высказывания – без этого невозможно представить мотив, а значит не будет и непосредственно речи [Орзалинова, 2012. С. 83].

Фундаментальными в данной области считаются исследования Дж. Серла (J. Searle), продолжившего разработку ранее упомянутой нами теории речевых актов, разработанную Дж. Остином. Выводы и предположения исследователя весьма обширны, поэтому в рамках данного исследования следует выделить лишь несколько ключевых суждений. В частности, интенция всегда характеризуется направленностью, нацеленностью на объект коммуникации или на объекты внешнего мира. Она конкретна и даже предметна, так как нельзя быть нацеленным на то, что невозможно осознать или осмыслить. Направленность интенции обусловлена раздражителем, субъектом интенции: намерениями что-либо сделать, опасениями о чем-либо, желанием чего-либо. Субъекту интенции часто придаются оценочные, смысловые и эмоциональные оттенки [Searle, 1976].

В ходе работы с материалами исследования мы опирались на следующие теоретические положения:

– В речи говорящего интенциональность может быть представлена ядерной и периферийной лексикой. Первый тип лексических единиц содержит интенциональный компонент в своей семантике – намерение коммуниканта осуществить действие в отношении объекта. Второй тип лексических единиц лишь способствует усилению интенционального компонента в ядерной лексике [Ковалев, 2022], так как контекстуально и синтаксически связан с ней и необходим для усиления ее интенционального компонента [Priest, 2005. С. 48];

– Перлокутивный эффект высказывания также достигается благодаря различным стилистическим и грамматическим конструкциям в речи субъекта, которые, как и периферийная лексика, усиливают интенциональный компонент [Nunes, 1972. С. 285].

Авторское определение интенциональности и интенции в лингвистике

Лексическая интенциональность в широком смысле представляет собой феномен отражения коммуникативных намерений говорящего, в том числе и не выражаемых напрямую,

в текстовой модальности при помощи различных языковых значений, что составляет основу текстовой интенции. Под интенциональной лексикой понимается «лексика, которая содержит семантический компонент – намерение объекта осуществить действие в отношении объекта, при этом намерение может быть эмоционально окрашенным» [Ковалев, 2021. С. 2477].

Репрезентация интенциональности в агитационных монологических речах предвыборного дискурса США 2020 года

В ходе анализа публичных выступлений К. Харрис и Д. Трампа было выявлено, что усиление интенционального компонента, обусловленное увеличением количества ядерных и периферийных лексических единиц, структурно относится не к началу речи, а к части, произнесенной после небольшого вступления (200–300 слов), необходимого для введения слушателей в контекст. Начальный фрагмент текста с точки зрения интенциональности речи политиков необходим не только для введения в курс дела, но и с целью усиления перлокуции последующих структурных частей.

Подобное речевое поведение, характеризующееся то снижением, то резким увеличением интенциональности, характерно для речей политиков в целом. Мы наблюдаем, как спикер в начале какой-либо структурной части своей речи сосредоточивается на описании того или иного факта, фокусируясь затем на намерении и увеличивая количество ядерных лексических единиц с интенциональным компонентом и периферийных лексем, усиливающих его. Подобная тактика с точки зрения воздействия на слушателей является достаточно эффективной и приводит к возникновению у слушателей чувства общности с говорящим, солидарности с его выводами и сосредоточенности на объекте, который важен для спикера [Демьянков, 2002. С. 38].

Рассматривая в качестве примеров фрагменты предвыборной речи Д. Трампа, можно констатировать, что политик вначале описывает контекст ситуации, указывает на свое отношение к ней, и уже после выражает свое намерение. В качестве структурного фрагмента мы понимаем часть текста, посвященную определенной контекстной теме, со смысловой точки зрения имеющую законченный характер. Так, в начале очередного структурного фрагмента своей речи Д. Трамп говорит о том, как штат Флорида выглядит в опросах, публикуемых в средствах массовой информации США, и независимых опросах, подчеркивая разницу между итоговыми данными: «It's Florida. We are looking good. We're really looking good all over in the real polls, not the Fox polls». Тем самым политик обозначает контекст ситуации, вводит слушателей в курс дела. Затем он выражает свое негативное отношение к столь заметной разнице и дает оценку ситуации: «They do horribly. Look at what they did last...». И лишь в последней трети фрагмента политик описывает свои успехи «won», используя интенциональную лексику этапа успешной реализации интенции, противопоставляя этому ожидания оппонентов, применяя лексику этапа неудачной реализации интенции «lose» для создания контраста в описании результатов одного из этапов предвыборной кампании, что тоже является одним из примеров речевого воздействия на аудиторию [Юрьева, 2018. С. 211]: «I was going to lose all night. And the polls said decisively, "I was going to lose all night." And that was the day before and I won all night. No, I won them all». Он использует лексические повторы «going to» для усиления авторской интенции и интенциональную лексику «won», компонент которой подчеркнут лексическим повтором, что мы наблюдаем лишь в предпоследнем и последнем предложениях. Он также противопоставляет собственным целям цели своих противников, что усиливает интенциональный компонент. Перлокутивный эффект в данном случае заключается в том, что, констатируя свое прошлое намерение, Д. Трамп обозначает и интенцию будущего, как бы утверждая: если я смог выиграть в девяти штатах тогда, то смогу и сейчас.

Аналогичных примеров достаточно много и в выступлениях К. Харрис. В следующем примере мы наблюдаем возрастание интенсивности интенции, обусловленную в том числе и лексическим повтором к концу речевого фрагмента (I want to talk):

So I get there, and it's a big place, the United States Capital, our nation's capital. It's a big place. And I'm walking through the halls and then there's this big area where all the Senators meet. And everybody has their own desk, and they all sit there and they're all very important. And I sat at my desk and guess who the person was over to my right, my seatmate? Gary Peters. Gary Peters, who from day one was like I'm Gary, how are you doing? And showed me the ropes. Every day was just so full of advice and friendship and support. And talking to me. He said I want to talk to you always about Michigan. I want to talk to you about jobs in Michigan. I want to talk to you about the auto industry.

У Д. Трампа наблюдается похожий паттерн, где используется интенциональная единица «win», относящаяся к этапу успешного завершения интенции, вместе с конструкцией «going to» и лексическим повтором:

We're going to win anyway. We're going to shove it. We're going to win anyway.

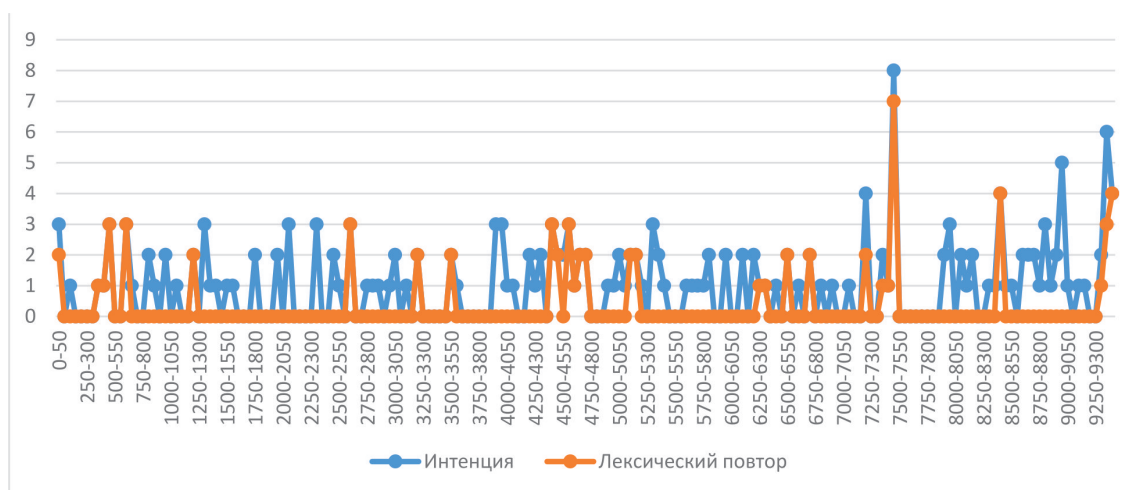

Рис. 1. Интенциональность и лексический повтор в речи Д. Трампа

Fig. 1. Intentionality and lexical repetition in D. Trump's speech

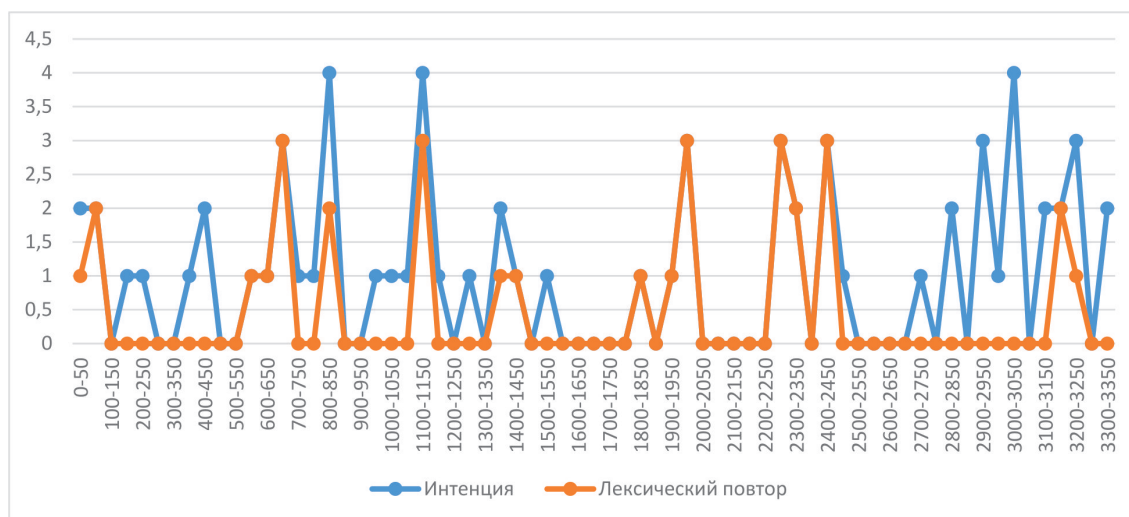

Рис. 2. Интенциональность и лексический повтор в речи К. Харрис

Fig. 2. Intentionality and lexical repetition in the speech of K. Harris's speech

Таким образом, наглядно представив распределение интенциональной лексики в предвыборных речах политиков, мы наблюдаем чередование пиков и спадов кривой (рис. 1, 2),

что позволяет характеризовать описанный выше паттерн речевого поведения как постоянный и используемый намеренно, так как он является частью стратегии усиления перлокутивной функции текста, где усиление влияния на слушателей волнообразно и может зависеть от эмоционального настроя адресанта и обстоятельств, в которых находятся избиратели [Мальцева, 2022. С. 185].

Обращая внимание на диаграммы, можно констатировать, что лексический повтор применяется говорящим на протяжении всего выступления, а частота его употребления прямо пропорциональна количеству интенциональной лексики в исследуемых фрагментах: чем ее больше, тем чаще мы наблюдаем данную стилистическую фигуру. Такая взаимосвязь, на наш взгляд, обусловлена спецификой рассматриваемого жанра: предвыборная агитационная речь, где лексический повтор оказался наиболее эффективным инструментом для усиления перлокутивного акта и достижения высокого уровня экспрессии без ущерба для смысловой составляющей.

В контексте вышеописанного предположения рассмотрим следующий фрагмент предвыборной речи Д. Трампа: «I've never seen anything like it. I've never seen spirit like this. <...> Get out. Get out to vote Mike. Get them out». Мы видим, что интенциональная лексика в данном случае усилена большим количеством лексических повторов: «I've never seen», «Get out». Последнее с морфологической точки зрения является глаголом в повелительном наклонении, используемым с целью вовлечения слушателей в диалог и их мотивации к действию, что можно отнести к перлокутивному уровню высказывания. Таким образом, перлокуция высказывания кандидата в президенты «Get out to vote» выносится в пресуппозицию: «Раз вы участвуете в выборах, вы должны проголосовать за меня».

Еще один пример из речи Д. Трампа, где лексический повтор употребляется и в отношении периферийной лексики «always», также необходимой для усиления интенционального компонента: «They always like to blame it on the right. Do you ever notice? ». Следует отметить, что в данном отрывке еще одной стилистической фигурой, усиливающей перлокуцию высказывания, является риторический вопрос «Do you ever notice?», который необходим для того, чтобы дополнительно сосредоточить внимание аудитории на характеристике постоянства и регулярности явления, описываемого с помощью наречия «always».

Лексические повторы характерны и для речевого поведения К. Харрис. Так, в одном из фрагментов речи кандидат в вице-президенты добивается усиления интенции за счет повторения «we're going to», обозначающего будущее намерение, с направленностью на конкретные ожидаемые ею результаты:

He says well, tell me how are working people doing? How are working families doing? That's why Joe says we're not passing any taxes on anybody making less than \$400,000 a year. Joe says we're going to bring down middle class taxes. Joe says we're going to pass legislation and put in place rules and laws that say that working families shouldn't pay more than 7 % of their income in childcare. That we're going to have a tax credit of \$15,000 for first time home buyers, understanding how that can help with down payments and closing costs to buy a home.

Рассмотрев способы репрезентации интенциональности в агитационных предвыборных монологах Д. Трампа и К. Харрис, мы пришли к выводу, что иллокутивную функцию оба политика реализуют преимущественно при помощи интенциональной лексики, в частности, ее экспликаторами чаще всего выступают модальные глаголы. Для выражения настоящих и будущих намерений К. Харрис использует их следующим образом: «We have to bring down the cost of drug prices», «We should bring eligibility for Medicare down to age 60». Аналогичные результаты были получены и в ходе анализа предвыборного выступления Д. Трампа: «With your vote, we will continue to cut your taxes», «I've always said we will never be a socialist nation and that's what they're trying» для описания концепции и будущих намерений.

Проанализировав интенциональную лексику, мы также делаем вывод о большом количестве глаголов, относящихся к фазе желания, посредством которых в речах политиков репрезен-

тирована интенция. Суждение наиболее справедливо в отношении Д. Трампа, который часто использует глагол «want» для обозначения своих или чужих объектов желания: «But the people that wanted to stop it, even though they knew full well, it worked. Remember they said, “No, no, we don’t want a wall. Walls are obsolete. We want drones.” Okay, good. Drones flying to watch the people pour into our country. They want drones, let’s have drones».

По итогам анализа предвыборных выступлений обоих политиков мы можем выделить несколько интенциональных глаголов, встречающихся в их речах с различной периодичностью. В частности, глагол «try», который является маркером этапа попытки. Например, Д. Трамп, описывая действия своих противников при помощи интенциональной лексики, указывает на их стремление ему помешать: «And say it any way you want to do it. But we took the brunt, then we caught him spying in my campaign and trying to overthrow a duly elected president of the United States». Сосредоточивая внимание на действиях оппонентов, а также описывая свою реакцию на событие, Д. Трамп достигает коммуникативной цели: дать понять избирателям, что он умеет преодолевать трудности. Иллокутивное намерение в данном случае можно описать фразой: «я надежный и честный кандидат, который всегда следует букве закона».

В анализируемой предвыборной речи Д. Трамп редко употребляет интенциональные глаголы, относящиеся к этапу попытки и решения. Тем не менее, можно привести следующий пример использования политиком лексемы «decide», характеризующей этап решения: «Now, of course they impeached before they found out, before I decided to release the phone call». Интенциональный глагол «attempt», характерный для актуализации в речи этапа попытки, использован в другом фрагменте речи: «The kinds of attempts that are being made to make it difficult for folks to vote, to make it confusing».

Для К. Харрис более характерно частое употребление такого интенционального глагола, как «need». В следующем примере мы видим актуализацию интенции, относящуюся к этапу желания, с выделением ее субъекта (we): «We need to deal with racial disparities. Yes, in our criminal justice system. <...> And we need to address that. We need to address black maternal mortality. Brenda Lawrence has been working on that». Таким образом, благодаря выделению себя как субъекта интенции, политик «работает» со своей аудиторией, подкрепляя ощущение общности желаний и устремлений, реализуя прагматический компонент смысла приведенных выше высказываний.

Таким образом, установлено, что интенциональный глагол «want», относящийся к фазе желания, часто используется в речи Д. Трампом, однако в речи политика слабо представлена фаза попытки и решения. Аналогичное умозаключение относительно широкой представленности фазы желания можно сделать и на основе анализа речевого поведения К. Харрис. В рассматриваемом контексте кандидат в вице-президенты чаще всего использует глаголы «want» и «need», последний при этом направляет интенцию от говорящего коммуниканта к слушателям.

Мы также можем констатировать употребление обоими политиками, но в особенности К. Харрис, конструкции «let’s», которая в ее речи выражает побуждение слушателей к действию: «Let’s get rid of cash bail because people are sitting in jail for days, weeks, months just because they can’t afford to get out», «Let’s honor the ancestors. Let’s honor the fact that we just celebrated the 100th anniversary of the 19th Amendment, which gave women the right to vote».

Выводы

1. Определены некоторые закономерности репрезентации интенциональности в предвыборных монологах политических деятелей США. В частности, был описан намеренно используемый паттерн речевого поведения, характеризующийся то снижением или отсутствием интенциональности, то ее резким увеличением. Спикер в начале какой-либо структурной части своей речи сосредоточивается на описании того или иного факта, затем фокусируется на намерении и увеличивает количество ядерных лексических единиц с интенциональным компонен-

том и периферийных лексем, усиливающих его. Такой подход позволяет усилить перлокутивную функцию речи в целом.

2. Установлено, что лексический повтор является одним из наиболее удобных и употребительных для жанра предвыборной речи средств усиления интенционального компонента. В частности, выявлена прямая зависимость показателей частоты использования интенциональной лексики от частоты употребления лексического повтора.

3. Выявлено, что модальные глаголы и глаголы, относящиеся к фазе желания, также являются экспликаторами иллокутивной функции в речи политиков. Например, интенциональный глагол «want» можно назвать одним из наиболее употребительных в речи как Д. Трампа, так и К. Харрис. Фаза желания в речи Харрис, однако, выражается с помощью глагола «need», интенция при этом направлена от себя. Оба политика, а в особенности К. Харрис, прибегают к использованию конструкции «let's», которая становится выразителем побуждения слушателей к действию.

Список литературы

- Безуглая Л. Р. Прагмалингвистическая концепция И. П. Сусова // Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Кныга, 2009. С. 249–260.
- Бенуа В. Л., Чудинов А. П. Функциональная теория дискурса политической кампании // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С. 92–119.
- Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 3. Политический дискурс: история и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 32–43.
- Ковалев П. А. Интенциональная лексика и ее роль в описании образа Уилла Фримана, персонажа романа Ника Хорнби «Мой мальчик» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 8. С. 2475–2482.
- Ковалев П. А. Актуализация интенциональности в речи Камалы Харрис в рамках предвыборной кампании // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 9. С. 142–145.
- Мальцева И. А. Манипулятивные способы воздействия на аудиторию в контексте спортивного медиадискурса (на примере федерального телеканала «Матч-ТВ») // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 177–187.
- Мощева С. Е. Речевая интенция: теоретические подходы к исследованию // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. 2011. Т. 2. Вып. 3. С. 223–226.
- Оразалинова К. А. Коммуникативные смыслы согласия и способы их вербализации в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 62. № 2 (256). С. 81–85.
- Стырина Е. В., Мартиросян А. А. Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 92–105.
- Шакирова Э. Р. Интенция говорящего и аспекты ее реализации: На материале английского языка : Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 166 с.
- Шмелева Е. С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78–86.
- Юрьева Е. В. Стратегии и тактики речевого воздействия в дискурсе социальной рекламы // Восточнославянская филология. Языкознание. 2018. № 7(33). С. 208–222.
- Dennet D. Intentionality // The Oxford Companion to the Mind / ed. by R. L. Gregory. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 383–386.

- Hymes D.** On communicative competence / Sociolinguistics / ed. by J. B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth, 1972. P. 269–293.
- Priest G.** Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality. Oxford: Clarendon press, 2005. 190 c.
- Rotenstreich N.** Theory and practice: An essay in human intentionalities. The Hague: Nijhoff, 1977. 239 c.
- Searle J. R.** Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1976. 184 c.

References

- Bezuglaya, L. R.** Pragmalingvisticheskaya kontseptsiya I. P. Susova [The I. P. Susov Pragmatic Concept] // Susov I. P. Lingvisticheskaya pragmatika. Vinnitsa, Nova Knyga Publ., 2009. Pp. 249–260. (in Russ.)
- Benua, V. L.** Funktsional'naya teoriya diskursa politicheskoi kampanii [Functional theory of political campaign discourse] // Sovremennaya politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg. 2006. Pp. 92–119. (in Russ.)
- Dem'yankov, V. Z.** Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii [Political discourse as a subject of political science] // Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya. 2002. no. 3. Pp. 32–43. (in Russ.)
- Kovalev, P. A.** Intentsional'naya leksika i ee rol' v opisani obraza Uilla Frimana, personazha romana Nika Khornbi "Moi mal'chik" [Intentional vocabulary and its role in describing the image of Will Freeman of Nick Hornby's «About a boy»] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. Vol. 14, no. 8. Pp. 2475–2482. (in Russ.)
- Kovalev, P. A.** Aktualizatsiya intentsional'nosti v rechi Kamaly Kharris v ramkakh predvybornoi kampanii [Actualisation of intentionality in Kamala Harris' Campaign Speech] // Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2022. no. 9. Pp. 142–145. (in Russ.)
- Mal'tseva, I. A.** Manipulyativnye sposoby vozdеistviya na auditoriyu v kontekste sportivnogo mediadiskursa (na primere federal'nogo telekanala «Match-TV») [Manipulative ways of influence on the audience in the context of sports media (on the example of the federal TV channel «Match-TV»)] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2022. Vol. 8 (74). no. 1. Pp. 177–187. (in Russ.)
- Moshcheva, S. E.** Rechevaya intentsiya: teoreticheskie podkhody k issledovaniyu [Speech intention: theoretical approaches to research] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Gumanitarnye nauki. 2011. Vol. 2. no. 3. Pp. 223–226. (in Russ.)
- Orazalinova, K. A.** Kommunikativnye smysly soglasiya i sposoby ikh verbalizatsii v russkom yazyke [Communicative meanings of consent and ways of their verbalization in Russian] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2012. Vol. 62. no. 2 (256). Pp. 81–85. (in Russ.)
- Styrina, E. V., Martirosyan, A. A.** Elementy fiktsional'nosti v mediatekstakh: stolknovenie real'nogo i vymyshlennogo [Elements of fictionality in mediatexts: collision of real and fictional] // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2021. Vol. 19, no. 1. Pp. 92–105. (in Russ.)
- Shakirova, E. R.** Intentsiya govoryashchego i aspekty ee realizatsii: Na materiale angliiskogo yazyka [Speaking intention and implementation aspects: in English language material]. Cand. Sci. (Philol.) Dissertation. 2003. 166 p. (in Russ.)
- Shmeleva, E. S.** Kognitivnye mekhanizmy i pragmaticheskii potentsial lingvokreativnosti (na materiale The Economist) [Cognitive mechanisms and the pragmatic potential of linguisticity (on The Economist)] // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2020. Vol. 18, no. 3. Pp. 78–86. (in Russ.)

- Yur'eva, E. V.** Strategii i taktiki rechevogo vozdeistviya v diskurse sotsial'noi reklamy [Strategies and tactics of speech influence in the discourse of social advertising] // Vostochnoslavjanskaya filologiya. Yazykoznanie. 2018. no. 7(33). Pp. 208–222. (in Russ.)
- Dennet, D.** Intentionality // The Oxford Companion to the Mind / ed. by R. L. Gregory. Oxford: Oxford University Press, 1997. Pp. 383–386.
- Hymes, D.** On communicative competence / Sociolinguistics / ed. by J.B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth. 1972. Pp. 269–293.
- Priest, G.** Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality. – Oxford: Clarendon press. 2005. 190 p.
- Rotenstreich, N.** Theory and practice: An essay in human intentionalities. – The Hague: Nijhoff. 1977. 239 p.
- Searle, J. R.** Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge. 1976. 184 p.

Информация об авторе

Ковалев Павел Андреевич, преподаватель кафедры английского языка № 3 Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации

Information about the Author

Pavel A. Kovalev, Lecturer, English Language Department № 3, Moscow State Institute of International Relations

Статья поступила в редакцию 30.01.2023;

одобрена после рецензирования 04.06.2023; принята к публикации 14.06.2023

The article was submitted 30.01.2023;

approved after reviewing 04.06.2023; accepted for publication 14.06.2023

Научная статья

УДК 811.512.157 '37:398.2

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-106-117

Концепт «луна» в якутской языковой картине мира

Ангелина Афанасьевна Кузьмина

Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)
Якутск, Россия

aa.kuzmina@nlrs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4256-0893>

Аннотация

Статья посвящена раскрытию концепта луна в традиционной картине мира на уровне языка, мифа и ритуала. Как известно, якуты являются самыми северными тюрками, которые в значительной мере сохранили ментальные репрезентации этнокультурного наследия тюрков Южной Сибири. Установлены национальные особенности видения мира в семантике номинаций концепта *луна* в пространственно-временной и культурной парадигме, символизирующие мифопоэтическую картину мира. Анализируются архаичные признаки указанного концепта, рассматриваются устойчивые словосочетания, устное народное творчество. Актуальность настоящего исследования заключается в концептуализации вербальной культуры народа саха. *Целью статьи является* выявление лингвокультурологических признаков концепта *луна* в якутской языковой картине мира. В статье применен когнитивный подход, контекстологический метод, синтагматический анализ связи слов и метод концептуального анализа.

Космологическое представление Вселенной у якутов передается через архаическую метафору кожного сосуда с числовой и пространственной символикой. Луна проецируется в паре с солнцем как след ранней формы поклонения божествам. Имеет амбивалентную функцию, влияющую на судьбу, порождающую рождение/смерть. В связи с таким пониманием возникли различные вербальные и невербальные ритуальные действия. Пространственно-временная парадигма в устной традиции породила различные названия исчисления времени. При анализе номинативного поля концепта *луна* выявлены его универсальные и национальные компоненты. Среди метафорических выражений, формирующих концепт *луна* в языке саха, можно выделить загадки, подчеркивающие округлость ее формы, которые символизируют цикличность жизни – идею вечного рождения. Концепт *луна* имеет такие основные признаки как большое/бледное/белое/движущееся, соматический код которого проявляется в использовании символики глаза. При сравнении сказок выявляются схожие и отличительные мотивы, связанные с образом девушки на луне на материале фольклора.

Ключевые слова

мировоззрение, мифология, фольклор, языковая картина мира народа саха, концепты, лингвокультурология

Для цитирования

Кузьмина А. А. Концепт «луна» в якутской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 106–117. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-106-117

© Кузьмина А. А., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 3

Concept of the Moon in the Yakut Language World View

Angelina A. Kuzmina

National Library of the Republic Sakha (Yakutia)
Yakutsk, Russian Federation

aa.kuzmina@nlrs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4256-0893>

Abstract

The article defines the concept of the moon in the traditional Yakut world view at the levels of language, myth and ritual. It is common knowledge that the Yakuts are the northernmost Turks who have largely preserved the mental representations of the Southern Siberia Turks' ethnocultural heritage. National world view features in the nominations of the concept *moon* related to space and time cultural paradigm, representing the mythopoetic picture of the world, have been established. The archaic features of this concept, set phrases, and oral folk art have been considered. The relevance of this research lies in the conceptualization of the verbal culture of the Sakha people. The purpose of the article is to identify linguistic and cultural features of the concept *moon* in the Yakut language world view. The article uses a cognitive approach, contextual and syntagmatic analysis of word connection as well as the method of conceptual analysis. The cosmological representation of the Universe among the Yakuts is given through the archaic metaphor of a leather vessel with numerical and spatial symbols. The moon is projected in conjunction with the sun as a trace of an early form of deity worship. It has an ambivalent function that affects the fate that generates birth/death. In connection with this understanding, various verbal and non-verbal ritual actions have arisen. The space and time paradigm in the oral tradition has given rise to various names for the calculus of time. In analyzing the nominative field of the concept moon, its universal and national components have been revealed. Among the lexical units that form the concept *moon* in the Sakha language, one can distinguish riddles that emphasize the roundness of its shape, symbolizing the cyclicity of life – the idea of eternal birth. It has such basic signs as large/pale/white/moving, the somatic code of which is manifested in the symbolic use of the eye. When comparing fairy tales, similar and distinctive motifs associated with the image of the girl on the moon have been revealed.

Keywords

worldview, mythology, folklore, language worldview of the Sakha people, concepts, linguoculturology

For citation

Kuzmina A. A. Concept of the Moon in the Yakut Language World View. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 106–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-106-117

Введение

При изучении языка с точки зрения специфики интерпретации сущности мира важно рассмотреть знаковые и лексико-семантические признаки концептов в их совокупности в различных фольклорных и языковых текстах.

Исследование языковой картины мира позволяет выявить трансформации традиционного мировоззрения, фольклора и культуры в целом. Выявление актуализации культурных концептов в различные формы фольклорных и языковых текстов в лингвокультурологическом аспекте – новое направление исследования. Язык является своеобразным отражением картины мира, где запечатлен антропоцентрический опыт народа, его представления, элементы культуры. Человек фиксирует в слове результаты познания. Поэтому языковая картина мира носит яркую национальную специфику.

Так, В. А. Маслова отмечает основные направления развития лингвокультурологического анализа, описывает специфику взаимодействия языка и культуры следующим образом: «В сфере особого внимания лингвокультурологов <...> единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках и т. д.» [Маслова, 2014. С. 79].

В научной литературе предложены различные типологии языковых картин мира и концептов. Е. С. Яковлева языковую картину мира определяет как «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности... языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка» [Яковлева, 1996. С. 47].

Н. П. Сидоровой в лингвокультурологическом аспекте проанализированы составляющие концепта *луна*, которые представлены в виде религиозных и символических признаков в русской языковой картине мира [Сидорова, 2008]. В якутском языке Л. Л. Габышевой рассмотрен информационно-семиотический аспект взаимодействия языка и культуры в условиях бесписьменного общества в контексте языковой и мифопоэтической картины мира [Габышева, 2009].

Исследование концептуальной системы языка и культуры сближает ряд таких гуманитарных наук, как лингвистика, этнография, фольклористика, которые способствуют более глубокому пониманию языковой картины мира любого народа.

Архаичные признаки концепта “луна”

В тюркских языках луна *ый* ~ *ај* имеет основные значения: др.-тюрк. *aj* (орх., др.-уйг.) ‘луна, месяц’ [EDAL, 2003. Р. 303]. Выявлены следующие особенности концепта *луна* в якутском языке, который выявляется путем когнитивного описания национально-культурных моделей экспликации анализируемого концепта:

1. Синтагматические связи слов представляют когнитивные признаки в концептуальном исследовании. При этом анализируются синонимы, антонимы, ассоциаты, отношения с глаголами, прилагательными, существительными, а также дериватологические свойства. Но перед этим приведем основные значения универсума *ый*: 1. Святящееся ночью (отраженным солнечным светом) небесное тело, луна. 2. Мера времени: одна двенадцатая часть года, месяц. 3. Круглое, плоское металлическое изображение луны, пришитое над левой грудью на одежде шамана (это личная Луна шамана, используемая для освещения дороги при возвращении из Нижнего мира). 4. Полный период беременности у женщины (девять календарных месяцев) [БТСЯЯ, 2017. С. 357].

В мифологической картине мира с символом луны обязательно упоминается ее пара – солнце. Так космологическое представление Вселенной у якутов передается через архаическую метафору кожного сосуда с числовой и пространственной символикой: *сири иһит*¹ *сиксиктээх, абыс курдуулаах, ньаалбаан хаппахтаах, алтан айахтаах, бар чуоһур үрүттээх үһү* ‘говорят, кожаный сосуд с боков прошит, восемью обручами схвачен, жестяной крышкой покрыт, медное горлышко имеет, а сверху весь крапинками усеян’. Здесь жестяная крышка – луна, медное горлышко – солнце, крапинки – звезды. Схваченный восемью обручами сосуд проецирует восьмистороннюю горизонтальную модель мира. Образ небосвода (солнце и луна, земля и сумерки) манифестируется символом мирового яйца: *көмүс уйа көнкөйдөөх, алтан уйа айахтаах, сири уйа сиксиктээх, хара уйа хаппахтаах үһү* ‘говорят золотое гнездо с дуплом, медное гнездо с горлышком, кожаное гнездо с прошивкой, черное гнездо с крышкой’.

Контекстуальным оппозитом в некоторых случаях к слову *ый* ‘луна’ является лексема *күн* ‘солнце’, которая выражается во фразеологической единице: *ый-күн курдук алтыһахпыт* ‘сойдёмся с тобой, как солнце с луной (т. е. новая встреча будет для нас более опасной – говорится врагу)’ [БТСЯЯ, 2017. С. 373], так говорили, потому что, по наблюдениям людей, луна и солнце почти никогда не сходились на небосводе. Адресатом такого выражения был заклятый враг, при угрозе, что следующая встреча будет еще опасней, семантическую связь с этой единицей имеет ФЕ *атырдьах маһы анаардаһан араһсыахпыт (салаалаах оту)* ‘мы расстанемся

¹ *Сири иһит* – огромная посуда, сшитая из широких полос кожи – сири, особым способом обработанная непромокаемая кожа из шкуры рогатого скота; в высушенном виде очень тверда. Сири иһит, сири чабычах – большая посуда (мешок), для кумыса, воды и молочных продуктов емкостью до 30 ведер [Якутские сказки, 1975. С. 50].

с тобой, разорвав на две части вилообразную ветку (или двуствольную траву)’, при разрыве дружеских отношений. Происхождение этой единицы обусловлено ритуальными действиями [Саха өһүн хоһоонноро, 2017. С. 122; Романова, 1999. С. 57–80].

Существует также выражение *күн-ый быатын тут* ‘I молить, умолять кого-л. о помощи в страхе перед неминуемым, в отчаянии’, букв. ухватиться за закрепы солнца и луны. В этой фразеологической единице присутствует символ веревки *быа* ‘свитая из лошадиной гривы веревка или кожаный ремень, шнур, тесемка’, которая воспринимается как символ связи/пути с божествами. Имеет амбивалентную семантику как символ жизни и смерти. Известно, что если на дороге находили веревку из кожи, то не брали: считалось, что она могла причинить вред. А вот брошенную на дороге веревку, сплетенную из гривы конского волоса, забирали с собой, так как с ней приходило счастье [Романова, 1999. С. 148]. Итак, символ луны, солнца и веревки как меры протяженности обозначает жизненный путь, связанный с со светлой и темной стороной жизни и имеющий прямое продолжение во фразеологической единице *өлөр быатыгар* ‘к несчастью (букв. к смерти)’, либо *дьол быатыгар* ‘к счастью (на счастье)’, *сор дуу, дьол дуу быатыгар* ‘к несчастью или к счастью’.

Следует подчеркнуть, что различные нити, волосяные веревки использовались в магических действиях (*быа тэһитиитэ*) и обрядах жизненного цикла и были соотнесены с символикой судьбы. Пестрые волосяные нити с привязанными к ней разноцветными лоскутками (салама) выполняли сакральную функцию в календарной обрядности как дороги к божествам.

Луна в паре с солнцем как жизненный путь очень хорошо представлена в шаманском фольклоре: если умирал шаман, рвалась нить солнца и луны.

Анализ именной синтагматики выявляет признак луны излучать свет, отражать тень: *ый сырдыга* ‘свет луны’, *ый сардангата* ‘лучи луны’, *ый толбоно* ‘отблеск луны’, *ый күлүгэ* ‘тень луны’. Также существуют сложные имена существительные, состоящие из самостоятельных слов, образованные при помощи категории принадлежности: *ый аргыһа* ‘спутник луны’ и т. д. [Сахалыы тыл ситимин тылдьыта, 2009. С. 8]. Также следы архаичного лунного календаря сохранены в следующих словосочетаниях: «Дни от 11 до 20-го обозначались по степени полноты лунной фазы, для которых имелись свои образные определения ... 18-й день – *бойом борото* (щедрость), 19-й – *куобах куртаба* (заячий желудок), 20-й день Луны – *кыптый буута* (режущая кромка)» [Гоголев, 2002. С. 44–45].

Анализ глагольной синтагматики показывает, что луна выступает в качестве субъекта действия: *ый кыыһар* (краснеет), *туналыһар* (сияет), *устар* (плывет), *былыкка саһар* (спряталась в облака), *ойоһолоон сүүрэр* (скачет сбоку). Слово-репрезентант *ый* в якутской поэтической традиции используется с прилагательным белый и отождествляется с понятиями *большое/бледное/белое/движущееся*, что отображает проявление признаков ее соматического кода, а также переход из фольклора в современные художественные произведения: *ый мичээрдиһир, күлэр, тонолуппакка одуулаһар* ‘луна улыбается, смеется, пристально смотрит’/*дьэллик манан ыйынан* ‘бледной луной ослепительной’:

Сэттэ тиһиктээх
Дьэллик манан ыйынан
Ситэрэн тэһииннэнэн...

Семью поводьями
Бледной луной бродячей
Крепко связали

[Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011. С. 14].

В рассказах якутских писателей можно найти такие выражения, как *ый, төгүүрүннүү-төгүүрүннүү күл да күл* ‘луна, округляясь, безутешно смеялась’, *ый лынкыначчы күллэ* ‘луна звонко рассмеялась’ (Николай Габышев “Ый күлэр”).

Соматический код луны проявляется в использовании символики глаза. Так, в якутской лингвокультуре *луна* отождествляется с бычьим глазом: *тыаба обус хараба күлтэйэн турар* ‘в лесу бычий глаз смотрит, уставился’. Эти словосочетания показывают, что луна персонифицируется как живое явление. Это говорит о существовавшей традиции поклонения, обожествления как следствия образного мышления древнего человека, который описывает мир через уподобление себя, в основе такой мыслительной деятельности лежит возникновение мифологического мышления.

Дериватологические свойства. От вторичного значения слова *ый* ‘месяц’ образовались прилагательные, имена существительные и глаголы. Прилагательное *ыйдаабы* ‘получаемый за месяц, производимый в течение одного месяца, месячный’ имеет следующую модель образования: *ый-* + *-таабы*, где аффикс *-таабы* является аффиксом образования имен прилагательных, обозначающих признак по времени. Считается, что этот аффикс соответствует «тюркским аффиксам: (узб.), (хак.), (шор.) и т. д., где элемент *-да* окончание местного падежа» [Грамматика, 1982. С. 163]. Э. В. Севортян полагает, образование *ыйдана* ‘лунный, освещенный луной, озаренный лунным светом’ от глагола *айды-*, где *-н* является суффиксом, обозначающим носителя процесса, объекта [ЭСТЯ, 1974. С. 108]. Прилагательное *ыйдаах* ‘освещенный месяцем, луной, лунный (о небе, ночи)’ образовалось при помощи аффикса обладания *-лаах*. Модель образования неразложимой основы прилагательного *ыйдам* ‘как лунный свет, как лунное свечение’ следующая: *ый-* + глаголообразующий аффикс *-лаа* + непродуктивный имяобразующий аффикс *-м*. Образование глаголов произошло с помощью аффикса возвратного залога к основе *ыйдан* ‘быть освещенным луной (о небе, ночи)’ и аффикса повелительного наклонения в слове *ыйданар* ‘просвечивать, виднеться сквозь что-л.’. Эвфемизм *ыйдананы* ‘менструация’ образовалось присоединением продуктивного аффикса *-ыы*, которое обозначает имя действия. Строго говоря, это слово образовано от *ый* во временном значении ‘месяц’ и с луной связано опосредованно. Есть еще переносное значение *ыйданарт* ‘догадываться о чем-л., представлять что-л. приблизительно’, образованное при помощи побудительного залога (каузатив). Связано со значением *ыйдана* ‘лунный, освещенный луной, озаренный лунным светом’. Анализ дериватологических свойств дает возможность выявить признаки концепта, составить представление о его содержании в сознании народа саха, при котором моделирование осуществляется в совокупности всех языковых средств выражения.

Важными признаками концепта *луна* является наличие признака времени, световых качеств.

2. В составе номинативного поля концепта выделяем его универсальные и национальные компоненты. Универсальными являются следующие понятийные признаки: ‘светящееся ночью отраженным солнечным светом небесное тело, луна’, ‘мера времени: одна двенадцатая часть года, месяц’. Этническая специфика этого слова представляется следующим образом: ‘круглое, плоское металлическое изображение луны, пришитое над левой грудью на одежде шамана’. Изображения солнца и луны являются важными составляющими шаманского костюма, символизирующими модель Вселенной. Свет луны помогал шаману найти путь в Срединный мир, а лучи солнца отпугивали обитателей Нижнего мира. В картине мира тюркских народов Сибири луна, как и солнце, связана со Срединным миром, миром живых. Срединный мир у народа саха обозначается как мир *аламай манган куннээх* ‘ясного белого солнца’ и *ойоһолоон сүүрэр тэргэн ыйдаах* ‘бегущего сбоку большою луной’.

3. Слово-репрезентант концепта *ый* ‘луна’ полисемантически и входит в устойчивые словосочетания, в которых отображаются символические признаки мифопоэтической картины мира народа саха:

Рождение/смерть. Луна представляет раннее мировоззрение древнего саха, являвшейся божеством, поклонение которой, вероятно, отражается в выражении: *ый-кун ыйһаба* ‘празд-

ник в честь солнца и луны» [История, 2020. С. 150]; *ый-кун буол* ‘спасать, защищать кого-л., заслонить от какой-л. опасности; отвести беду, вызволить из беды’ [Нелунов, 2002. С. 377]. Последний фразеологизм связан с божественностью светил для жизни человека (стать для кого-л. солнцем и луной). Есть вариант, где на первом месте солнце: *кун-ый буол* – букв. ‘*стань солнцем и луной*’. Исследователями отмечено об этом следующее: «В якутских сказках встречается такой персонаж, как Ый Тойон ‘Господин Месяц’, который живет на небе со своей дочерью (ср. божество Кюн Тойон ‘Господин Солнце’). А вилюйские якуты, например, вообще считали, «что луна – это круглое отверстие в небе, через которое проходит свет. Фазы луны объясняли действием духа, прикрывающего отверстие (луну) в определенные промежутки времени». Более того, равноправное положение двух светил нашло отражение в эпических сказаниях якутов» [История, 2020. Там же]. Ранее А. Е. Кулаковским выдвинуто предположение о существовавшем ритуальном празднестве в честь обоих светил: «На весенних празднествах, устраиваемых в честь небесных божеств, якуты брызгали молочными продуктами вокруг места играллищ. Меньшинство популярных стариков думает, что брызгалось в честь небесных светил, а большинство склонно видеть в этом почитание духа земли *аан дайды иччитэ* (‘дух земли’) и ее детей от-мас *иччитэ* (‘дух растительности’). Как бы то ни было, но следов почитания якутами небесных светил, кроме этой пословицы, нигде не сохранилось» [Кулаковский, 1979. С. 200]. Однако в современном мире получила отрицательную окраску ФЕ *ый-кун ыйыаба онор* ‘раздавать все съестные припасы без расчёта и экономии; промотать все имущество и деньги’. Букв. ‘*делать так, как это делается на празднике в честь Солнца и Луны*’.

Антропоцентрическая сущность мышления древнего человека выражается в описании мира через собственное тело: «*Түөһүгэр куннээх, сүүһүгэр чолбонноох, кэтэбэр кэбэлээх, төбөтүн оройугар үргэллээх, көхсүгэр ыйдаах, дылбэгэ дьизэрэң кыыллаах Түөнэ Дохсун Бухатыыр*. – С солнцем на груди, с Чолбоном на лбу, с кукушкой на затылке, с Плеядами на темени, с месяцем на спине, с бекасом на коленях Тюеня Дохсун богатырь» [Худяков, 1969. С. 280]. «*Арбаһыгар алта ыйдаах, түөһүгэр үс куннээх Аналдьыма-Мэнэлдьимэ Куо*. – Имеющая на спине шесть месяцев, на груди три солнца Аналдьыма-Мэнэлдьимэ Куо» [Емельянов, 2000. С. 63]. Л. Л. Габышевой отмечено следующее: «Согласно визуальным наблюдениям, если солнце всходит на востоке и заходит на западе, то «новорожденный» месяц появляется на западном горизонте слева от заходящего солнца и, пройдя все лунные фазы, исчезает (в мифологических терминах «умирает») на восточном небосклоне справа от восходящего дневного светила. Таким образом, в портретах богатыря, девы, изображении коня, основанных на оппозициях луна/солнце, левый/правый, спина/грудь, задний/передний, запад/восток, присутствует образ «молодого» месяца, символа рождения, роста и витальной силы. «Стареющий» месяц, как и соответствующая лунная фаза, связаны в культурах народов мира с представлением о смерти и множеством запретов» [Габышева, 2022. С. 100].

Луна является определенным мерилем временной парадигмы, которая отражается в названиях месяцев: от *ыйа* ‘месяц сенозаготовки’, *атырдьах ыйа* букв. ‘месяц вил, стогования сена’, *балабан ыйа* букв. ‘месяц юрты’, ‘время перекочевки в зимовье’ и т. д. Кроме общенациональных, зафиксировано 70 диалектных наименований. О названиях якутских месяцев согласно хозяйственному календарю существует ряд научных работ. Эти названия возникли с необходимостью «ведения скотоводческого хозяйства и связанных с ним сеноуборочных и других работ, занятия охотничьим промыслом и рыболовством заставляли якутов постоянно следить за атмосферными и другими природными явлениями» [Иванов, 2016. С. 72].

Временная парадигма концепта *луна* проявляется также во вторичном временном значении «месяц» в выражениях *ый сангата* ‘начало месяца’, *ый баһыгар-атабар*, *ыйга биирдэ эмэтэ* ‘очень редко, один-два раза в месяц (букв. у головы-ног месяца)’, *ый туолуута* (полнолуние), *ый эргэтэ* ‘последние дни месяца’, *ый өлүүтэ* ‘лунное затмение’, которые связаны с визуальными наблюдениями свойств Луны как небесного тела периодически менять вид в зависимости

от фаз и освещения Солнцем. О возникновении использования луны в качестве первой меры времени отмечено следующее: «Возникновение и исчезновение Луны на небосклоне, ее меняющиеся фазы: все это считалось убедительным символом «умирания и рождения» этого небесного светила. Древнегреческая богиня лунного света, преисподней и всего мистического и таинственного Геката (др.-греч. Ἑκάτη) имела эпитет Триодитис (Трехликая), связанный с тремя основными фазами Луны (молодая Луна – новолуние, полнолуние, темная Луна – на ущербе) и тремя жизненными фазами женщины (девичество, материнство, старость). Именно поэтому луну использовали в качестве первой меры времени» [Балашова, 2015. С. 108].

Пространственно-временная парадигма концепта *луна* маркирует полный период беременности: *ыйыгар (ыйыгар-күнүгэр) тиийбит* ‘находится на последнем месяце беременности (букв. достигла месяца)’. Древние женщины по фазам луны считывали сроки родов: «Беременность длится, как известно, около 280 дней, или 10 лунных месяцев. Ровно на середину этого срока приходится первое движение ребенка во чреве матери. Женщине предстояло отсчитать от этого волнующего момента еще 5 раз наступление замеченной фазы луны до начала родов. Отсюда могли дойти любопытные явления и в фольклоре нганасан, где рассказывается, что месяц на небе был только для того и создан, чтобы люди могли рождаться, а женщины высчитывать по нему сроки родов» [Кузьмин, 2015. С. 650]. Выражения о менструации у женщин, которые употребляются в качестве эвфемизма, свидетельствуют о связи с верованием *ыйын көрбүт (танаһыгар көрбүт)* ‘месячные женщины’ (либо *ыйданы* ‘менструация’) букв. *увидела месяц*.

Любопытные сведения о луне зафиксированы И. А. Худяковым в труде «Краткое описание Верхоянского округа»: «Беременная женщина кланяется луне, когда исполняется последний месяц беременности, говоря: «Дух луны, помилуй меня! (*Ый иччитэ, абыраа миигин!*)» или «Дух луны, в месяц твоего рождения и меня разреши ты счастливо от бремени! (“*Эн төрөөбүт ыйгар миигин эмиэ үчүгэйдик төрөт, ый иччитэ!*”)». В старину молились также при первом новолунии (вечером). При полнолунии некоторые мужчины выходили и кланялись месяцу, не крестясь. Перегребающие покойника не показываются людям до рождения нового месяца» [Худяков, 1969. С. 182, 278–279]. Как мы видим, Луна манифестируется как светило, влияющее на судьбу. В период новолуния отражает благоприятные знаки, защищает от нечисти, как ночной глаз божества, а в период убывания эта сила сокращается и наступает время, когда абаасы из нижнего мира могут обретать могущество в Среднем мире. «Свадьбу, по якутским обычаям, следовало играть с наступлением нового месяца. Отметим еще обычай, по которому нельзя было выполнять ряд работ в доме умершего до рождения нового месяца: кузнец не ковал, нельзя было ловить рыбу в соседнем озере». Подтверждение этому мы находим в исследовании Е. Н. Романовой: «По якутским воззрениям, луна – как женское божество, выступая как покровительница времени, была тесно связана с судьбой: параллелизм между человеческой долей и луной прочитывается в обрядах неблагополучия («ущербное»/«целое»))» [Романова, 1999. С. 210].

Образная составляющая описаний луны придается понятием, противоположным яркости *ый быыһа хараһа* ‘непроглядная темень, тьма крошечная, темная ночь без луны’; признаком присутствия венца *ый дьылэммит* ‘светлый круг вокруг луны (возникает к изменению погоды, обычно к осадкам – букв. у месяца дом появился)’. Выявленные в текстах загадок, фразеологизмов, сказок ассоциаты: *кольцо, чабычах, бычий глаз, лунная девушка*. Среди лексических единиц, формирующих концепт луна в языке саха, можно выделить загадки, подчеркивающие круглость ее формы, которые символизируют цикличность жизни – идею вечного рождения: *харыйа үрдүгэр көмүс биһилэх ыйаанан турар* ‘серебряное кольцо на ели висит’, *халдьаайыга хампарыйбыт чабычах баар үһү* ‘говорят, на горе-горушке лежит помятый чабычах’². В тради-

² Чабычах – невысокий берестяной сосуд округлой формы для хранения продуктов питания (напр., муки, масла, молока) (БТСЯЯ. Т. 14. С. 82–83).

ционном мировоззрении саха круг «символизировал собой Круговорот жизни – идею вечного рождения» [Романова, 1999]. С мотивом иного мира связано наличие мифопоэтического образа, представляемого с похищением или добровольным уходом из Срединного мира сироты, которую это светило пожалело и забрало к себе, присутствием которой на Луне объясняются видимые на ее диске пятна. Такое представление отражено в сказках коренных народов Севера (эвенах, негидальцах, коряках, нанайцах, юкагирах, русскоязычных марковцах, в состав которых вошел юкагирский (чуванский) субстрат). О широком ареале распространения указанного образа на луне в Евразии от Балтики до Охотского моря исследователем Ю. Е. Березкиным отмечено следующее: «Для многих сибирских текстов (хакасы, тофалары, буряты, кеты, селькупы, ханты, якуты, юго-восточные эвенки) характерна следующая подробность: поднятая на Луну девушка-водоноша пытается удержаться за куст и видна теперь на Луне вместе с кустом и ведрами. Та же деталь есть у ваханцев и коряков. У последних про ведра не сказано, но весь эпизод с пришедшей к реке гонимой злой матерью девушкой похож на якутские и эвенкийские варианты. В Южной Сибири у телеутов, алтайцев, хакасов данный мотив встречается и без связи с мотивом водоноши – за куст пытается ухватиться утянутый на Луну людоед. Таким образом, мотив девочки или молодой женщины, пошедшей за водой и оказавшейся на Луне, представлен в Евразии от Балтики до Охотского моря и за пределами Сибири. За границами ареала, но примыкая к нему, встречаются варианты, в которых либо утрачен мотив воды, за которой отправляется персонаж, либо в рассказах фигурируют не девушка, а мальчик, мужчина, двое детей» [Березкин, 2009. С. 107]. А. В. Терещенко высказана следующая мысль: «Сказка как уникальный жанр народного творчества обладает способностью не только воспроизводить те или иные реалии, но и по-своему трансформировать их. Сказки, как и другие жанры фольклора, передавались от одного народа к другому, тем самым обогащая его язык. Эти процессы взаимодействия и взаимовлияния принимали и носили тем более интенсивный характер, чем активнее сказочники переосмыслили фольклорные сюжеты соседних народов» [Терещенко, 2017. С. 56].

Например, в корякской сказке рассказывается о девушке-красавице Ваняван, которая любила луну, выходила работать только при луне. И в один день ее небесное светило забирает к себе. Описывается ожидание девушки того, кто вернет ее на землю. А в якутской мифологии рассказывается о девочке или мальчике сироте, который испытывает все тяготы жизни на земле и просит забрать луну к себе [Якутские мифы, 2004. С. 85; Худяков, 1969. С. 372–373]. Близкой по сюжету является чувашская сказка, где падчерица спасается от гнета мачехи-колдуньи и нападения ведьм мольбой месяцу, тот поднимает девушку с коромыслом на своих лучах. А в бурятской сказке «Девочка-луна» рассказывается о девочке-сироте, которая убегает от злого шамана и спасает доброго друга медведя при помощи живой лунной воды. Помогая, луна забирает ее, так она проверяет любовь к другу, но жизнь девочки на земле заканчивается. Оттуда девочка ищет своих друзей зверей и радуется, что у них все хорошо. В этих сказках раскрывается противоречивый образ луны как доброго, так и иного ущербного мира, т. е. именно это светило ассоциируется с потусторонним Верхним миром, где человек может уйти со Срединного мира навсегда.

Заключение

По материалам исследования реконструированы космогонические воззрения древних саха, где в якутской лингвокультуре луна отождествляет национальную картину мира. Выступает как светило, воздействующее на сознание как иной мир, отраженное в знаковых текстах культуры и языка, которое отождествляет: 1. Космологические представления, связанные с темой творения. 2. Светило, ассоциирующееся как ночной/бычий глаз. Проецируется в паре с солнцем в виде ранних божеств. Имеет амбивалентную функцию, влияющую на судьбу, порождающую рождение/смерть. В связи с таким пониманием возникли различные вербальные

и невербальные ритуальные действия, исходя от лунных фаз. 3. Пространственно-временная парадигма этого светила служило ориентиром древнего человека. В устной традиции сохранились различные названия исчисления времени, в том числе архаичный календарь. 4. При концептуальном анализе языковой картины мира реконструируется связь символов культуры и языка. Анализ синтагматических связей, семантики слов-репрезентантов, раскрывающиеся с помощью сказок, загадок, закрепили мифопоэтические воззрения, что расшифровывается при их лингвокультурологическом исследовании. У народа саха луна имеет такие основные признаки, как *большое/бледное/белое/движущееся*, соматический код которой проявляется в использовании символики глаза, в поэзии персонифицируется в качестве антропоморфного явления. При анализе номинативного поля концепта *луна* выявлены его универсальные и национальные компоненты. Описание глагольной синтагматики показывает, что луна выступает в качестве субъекта действия. От корневой морфемы *ый* образовались прилагательные, имена существительные и глаголы. Выявлен переход мифопоэтического воззрения луны из фольклора в современные художественные произведения.

Раскрывается, что специфика социально-бытовых условий, мифологические воззрения способствовали распространению схожих мифов и сказок при контактах с другими этносами, где отражается своеобразная ментальная особенность каждого. При этом выявлено, что существуют чисто этноспецифические концепты, раскрывающие ценностные приоритеты культуры и схожие мотивы, видимо, это след общекультурной памяти человечества, однако при передаче из поколения в поколение, от народа к народу каждый представитель этноса обогащал и переосмысливал их в соответствии со своей национальной картиной мира.

Таким образом, концепт *луна* обладает пространственно-временной символикой, отражает национальную языковую картину мира народа саха, сохранившую архетипические образы, возникновение которых обусловлено традиционным укладом жизни и образным синкретическим представлением о явлениях природы. Как отмечает Н. П. Сидорова: «Особенностью концепта *луна* является наличие культурологического компонента, изучив который можно составить представление об этнической специфике этого небесного явления» [Сидорова, 2008. С. 173]. Язык и культура – тесно взаимосвязанная система, переданная с помощью языковых мифологических единиц в устной коллективной памяти.

Список литературы

- Алексеев Н. А.** Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 242 с.
- Балашова Н. П.** Антропоморфизация небесных объектов как способ концептуализации луны // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. Т. 1. № 3 (63). С. 134–138.
- Березкин Ю. Е.** Плеяды-отверстия, Млечный Путь как Дорога Птиц, девочка на луне: североевразийские этнокультурные связи в зеркале космонимии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. Т. 4. № 40. С. 100–113.
- Бравина Р. И.** Погребальный обряд у якутов (XIX – начало XX века). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 232 с.
- Васильевич Г. М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Габышева Л. Л.** Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Габышева Л. Л.** Мотив чудесной внешности героя: миф и реальность (на материале фольклора якутов и других тюркских народов) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022, № 1 (38). С. 100–109.
- Гоголев А. И.** Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск, 2002. 104 с.
- Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 495 с.

- Емельянов Н. В.** Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск, 2000. 188 с.
- Иванов С. А.** Названия месяцев в якутском языке и их диалектные варианты // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 2(15). С. 72.
- История Якутии [Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова]. Новосибирск: Наука, 2020, в 3 т. Т. I. 536 с.
- Кузьмин А. В.** Ранние «открытия» и «модели» Космоса // Философия и культура. 2015. 5(89). С. 647–657. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.5.11543
- Кулаковский А. Е.** Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Маслова В. А.** Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 16. Владикавказ. 2014. С. 78–90.
- Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири [Отв. ред. В. Н. Давыдов, В. В. Симонова, Т. Ю. Сем, Д. Брандишаускас]. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.
- Попов А. А.** Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии. 1928. Т. XI. С. 255–323.
- Романова Е. Н.** Мифология и ритуал в якутской традиции: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07. М., 1999. 388 с.
- Романова Е. Н., Добжанская О. Э.** Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 260–261.
- Сидорова Н. П.** Мифологический портрет луны в русской концептосфере // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 170–174.
- Терещенко А. В.** Особенности репрезентации мотива «магическое бегство» в русском и селькупском прозаическом фольклоре // Вестник ТГПУ. 2017. №3 (180). С. 56–62.
- Топоров В. Н.** О числовых моделях в архаичных традициях // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 3–59.
- Худяков И. А.** Описание Верхоянского округа [Под ред. В. Г. Базанова]. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 437 с.
- Эргис Г. У.** Очерки по якутскому фольклору [Отв. ред. В. Е. Гусев; отв. за переизд. В. М. Никифоров]. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.
- Ядрихинский П. П.** Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта: олонхо. Якутск: Сайдам, 2011. 445 с.
- Яковлева Е. С.** К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 47–56.
- Якутские загадки [Сост. С. П. Ойунская]. Якутск: Якутское книжное издательство, 1975. 376 с.
- Якутские мифы [Сост. Н.А. Алексеев]. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с.
- Якутские пословицы [Сост. Н. В. Емельянов]. Якутск: Бичик, 2017. 256 с.

Словари

- БТСЯЯ 2007 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 4: К [Под ред. П. А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
- Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Т. 2: Л-Э. 2002. 420 с.
- Сахалы тыл ситимин тылдьыта: аат тыл (Словарь сочетаемости якутского языка: имена существительные). Якутск: Издательство ЯГУ, 2009. С. 8.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь [Под ред. Н. И. Толстого]: в 5 т. Т. I. М.: Международные отношения. 1995. 578 с.

- ТМС 1 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю: в 2 т. Т. I [Отв. ред. В.И. Цинциус]. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- ЭСТЯ 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.
- EDAL – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003. 1556 p.

References

- Alekseev, N. A.** Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia. Novosibirsk, Science Publ., Sib. otd-nie, 1992, 242 p. (in Russ.)
- Balashova, N. P.** Antromorphization of celestial objects as a way to conceptualize the moon. Bulletin of Kemerovo State University. 2015. Volume 1. № 3 (63), pp. 134–138. (in Russ.)
- Berezkin, Yu. E.** Pleiades-holes, the Milky Way as a Road of Birds, a girl on the moon: North Eurasian ethno-cultural connections in the mirror of cosmonymy. Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. 2009. Volume 4. № 40. 100–113 p. (in Russ.)
- Bravina, R. I.** Funeral rite among the Yakuts (XIX – early XX century). Yakutsk, Publ. house of YSU, 1996. 232 p. (in Russ.)
- Gabysheva, L. L.** Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, Science Publ., 2009. 143 p. (in Russ.)
- Gabysheva, L. L.** The motive of the wonderful appearance of the hero: myth and reality (based on the folklore of the Yakuts and other Turkic peoples). North-Eastern Humanitarian Bulletin, 2022, № 1 (38), pp. 100–109 (in Russ.)
- Grammar of the modern Yakut literary language. Vol. 1: Phonetics and morphology. Moscow, Science Publ., 1982. 495 p. (in Russ.)
- Gogolev A. I.** The origins of mythology and the traditional Yakut calendar. Yakutsk, 2002, 104 p. (in Russ.)
- Hudjakov, I. A.** Description of the Verkhoyansk District. Edited by V.G. Bazanova. Leningrad: Science Publ, Leningrad Branch, 1969. 437 p. (in Russ.)
- History of Yakutia. Edited by R.I. Bravina, E.N. Romanova; under the general ed. A.N. Alekseev. Novosibirsk, Science Publ., 2020. Volume I. 536 p. (in Russ.)
- Ivanov, S. A.** Names of months in the Yakut language and their dialect variants. North-Eastern journal of humanities. 2016. № 2(15). 72 p. (in Russ.)
- Yadrikhinskiy, P. P.** Girl bogatyr Dzhyrybyna Dzhyrylyatta: olonkho. Yakutsk: Saidam. 2011. 445 p. (in Yakut)
- Yemel'yanov, N. V.** Plots of olonkho about the defenders of the tribe. Novosibirsk, Science Publ., 2000. 188 p. (in Russ.)
- Jakovleva, E. S.** To the description of the Russian language picture of the world. Russian language abroad. 1996. № 1–3, pp. 47–56. (in Russ.)
- Yakut myths. Compiled by N.A. Alekseev. Novosibirsk, Science Publ, 2004. 451 p. (in Yakut)
- Yakut proverbs. Compiled by N.V. Yemelyanov. Yakutsk, Bichik, 2017. 256 p. (in Yakut)
- Yakut Riddles. Compiled by S.P. Oyunskeya. Yakutsk, Yakut Book Publ., 1975. 376 p. (in Yakut)
- Jergis, G. U.** Essays on Yakut folklore. Edited by V.E. Gusev ; edited for moving. V.M. Nikiforov. Yakutsk, Bichik Publ., 2008. 400 p. (in Russ.)
- Kulakovskiy, A. E.** Scientific works. Yakutsk, Publ. house, 1979. 484 p. (in Russ.)
- Kuzmin, A. V.** Philosophy and Culture. 2015. 5(89), pp. 647–657. (in Russ.)
- Maslova, V. A.** Linguoculturology as the science of the most culturally relevant linguistic entities. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. Issue 16. Vladikavkaz, 2014, pp. 78–90. (in Russ.)
- Nelunov, A. G.** Yakut-Russian phraseological dictionary. Novosibirsk, Publ. of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Volume 2. Л – Э. 2002, 420 p. (in Russ.)

- Fire, water, wind and stone in Evenk landscapes. The relationship between man and nature in Baikal Siberia. Edited by V.N. Davydov, V.V. Simonova, T.Ju. Sem, D. Brandishauskas. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. 196 p. (in Russ.)
- Pimenova, M. V.** Soul and spirit: features of conceptualization. Kemerovo: "Graphics". Issue 3. 2004. 386 p. (in Russ.)
- Popov, A. A.** Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district. In: Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. 1928. Volume XI, pp. 255–323. (in Russ.)
- Romanova, E. N.** Mythology and ritual in the Yakut tradition: Dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Moscow: 1999. 388 p. (in Russ.)
- Romanova, E. N., Dobzhanskaja, O. E.** Anthropology of cold: methodology, concepts, images (on the example of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic). Bulletin of Tomsk State University Cultural Studies and Art Criticism. 2019. №. 35, pp. 260–261. (in Russ.)
- Sidorova, N. P.** Mythological portrait of the moon in the Russian conceptual sphere. Bulletin of the Volgogr. State University. Series 2. Linguistics. 2008. №. 2(8), pp. 170–174. (in Russ.)
- Tereshhenko, A. V.** Features of the representation of the motif "magical escape" in Russian and Selkup prose folklore. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2017. №3 (180), pp. 56–62. (in Russ.)
- Toporov, V. N.** On numerical models in archaic traditions. Text structure. Moscow: Science Publ., 1980, pp. 3–59. (in Russ.)
- Vasilievich, G. M.** Evenki. Historical and ethnographic essays. Leningrad: Science Publ., 1969. 304 p. (in Russ.)

List of Dictionaries

- A large explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Sleptsov. Novosibirsk: Science Publ., 2007. 672 p. (in Yakut)
- Dictionary of compatibility of the Yakut language: nouns. Yakutsk: Publ. House of YSU, 2009. 8 p. (in Yakut)
- Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic bases on vowels. Moscow, Science Publ., 1974. 767 p. (in Russ.)
- Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for an etymological dictionary. Leningrad: Science Publ., 1975. 672 p. (in Russ.)
- Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. Edited by N.I. Tolstoy. Moscow: International Relations, 1995, in 5 vols. T. I. 578 p. (in Russ.)
- Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003. 1556 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Кузьмина Ангелина Афанасьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института чтения

Information about the Author

Angelina Aю Kuzmina, PhD, National Library of the Republic Sakha (Yakutia), senior researcher at the Research Institute of Reading, Russia

Статья поступила в редакцию 01.03.2023;

одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 02.06.2023

The article was submitted 01.03.2023;

approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 02.06.2023

Научная статья

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-118-131

**Потенциал ассоциативного эксперимента
с ключевыми словами-стимулами
для экспликации коммуникативной установки врачей**

**Наталья Вадимовна Потапова^{1*}, Александра Александровна Румянцева²
Вероника Александровна Каменева³**

¹Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

²Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний
Кемерово, Россия

³Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹nv_potapowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7593-1713>

²aleksandra_1505@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1352-2591>

³russia_science@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Аннотация

Новизна исследования обусловлена тем, что на сегодня комплексный психолингвистический анализ коммуникативных установок врачей по отношению к субъекту, объекту, месту коммуникации и самому коммуникативному событию не проводился. За рамками научных исследований также оставался вопрос о потенциале ассоциативного эксперимента с набором ключевых слов-стимулов для экспликации коммуникативной установки врачей. В данной работе поднимается вопрос о релевантности ассоциативных полей ключевых понятий, характеризующих условия типичной коммуникативной ситуации в рамках профессионального дискурса, для выявления коммуникативных установок работников, занятых в сферах с повышенной значимостью общения. Детально изучены ассоциативные поля ключевых понятий, обуславливающих коммуникативную установку врачей, работающих в сфере детской кардиологии. В качестве стимулов ассоциативного эксперимента выступили слова и словосочетания: *пациент, врач, кардиология, отделение кардиохирургии, врожденный порок сердца (ВПС), операция*. Данные слова и словосочетания описывают: 1) агентов медицинской коммуникации (пациент, врач); 2) место коммуникации (отделение кардиохирургии); 3) предметную область (кардиология); 4) предмет коммуникации (ВПС, операция). Генеральная выборка исследования составила 300 ассоциатов на предложенные стимулы.

Как показало проведенное исследование, при моделировании типичной коммуникативной ситуации в рамках профессионального дискурса врачей-кардиологов важными оказываются задействованные лица (субъект и объект); качества; инструменты / предметы, используемые в ситуации коммуникации; действия, совершаемые коммуникантами; а также оценка коммуникативной ситуации. Кроме того, наличие оценочных реакций (положительных или отрицательных) позволяет исключить синдром эмоционального выгорания (эмоциональной отстраненности) врача, характеризующийся приглушением эмоций, сглаживанием остроты чувств и переживаний, отсутствием эмоционального отклика. Базовый метод составления генеральной совокупности данного исследования – цепочечный ассоциативный эксперимент с регистрацией всех ассоциатов респондентов. Полученные данные проинтерпретированы при помощи метода семантического гештальта Ю. Н. Караулова. Подтверждена гипотеза об эффективности применения ассоциативного эксперимента как по выявлению коммуникативных установок врачей, так и по проведению мониторинга оценочной составляющей данных установок в профессиональной медицинской коммуникации.

© Потапова Н. В., Румянцева А. А., Каменева В. А., 2023

Ключевые слова

медицинская коммуникация; коммуникативная установка; языковое сознание; ассоциативное поле; ассоциативный эксперимент; ассоциат

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00002 «Проблема когнитивно-дискурсивной параметризации медицинского дискурса пациентов с ВПС (врожденным пороком сердца) в кардиохирургическом стационаре».

Для цитирования

Потапова Н. В., Румянцева А. А., Каменева В. А. Потенциал ассоциативного эксперимента с ключевыми словами-стимулами для экспликации коммуникативной установки врачей // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 118–131. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-118-131

The Capacity of the Associative Experiment with Keyword Stimuli to Explicate the Doctors' Communicative Intentions in the Doctor-Patient Relationship

Natalia V. Potapova¹, Alexandra A. Rumyantseva²
Veronika A. Kameneva³

¹Kemerovo State University
Kemerovo, Russia

²Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases
Kemerovo, Russia

³Kemerovo State University
Kemerovo, Russia

¹nv_potapowa@mail.ru, orcid.org/0000-0001-7593-1713

²aleksandra_1505@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1352-2591>

³russia_science@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Abstract

The novelty of the research is stipulated by the fact that at present no comprehensive psycholinguistic analysis of doctors' communicative approach in relation to the subject, object, place of communication and the communicative event itself has been conducted. The issue of applying the associative experiment to explicate doctors' communicative intentions has also remained beyond the scope of scientific research. This paper addresses the question of the relevance of key concepts' associative fields representing a typical communicative situation in professional discourse to identify the communicative intentions of workers engaged in the doctor-patient relationship. The associative fields of key concepts conditioning the doctors' communicative intentions in the field of pediatric cardiology have been studied in thorough detail. The associative experiment stimuli included: patient, doctor, cardiology, cardiac surgery department, congenital heart disease (CHD), surgery. These words and word combinations describe: 1) agents of medical communication (patient, doctor); 2) place of communication (cardiac surgery department); 3) subject area (cardiology); 4) subject of communication (CHD, surgery). The general sampling of the research comprised 300 associations to the proposed stimuli. As the study indicated, when modeling a typical communicative situation in cardiologist professional discourse important are: the persons involved (subject and object); qualities; tools / objects used in a communication situation; actions performed by communicants; as well as the evaluation of the communicative situation. Among other things, the presence of evaluative reactions (positive or negative) makes it possible to exclude the emotional burnout syndrome (emotional detachment) of the doctor which is characterized by muffled emotions, smoothing out the sharpness of feelings and experiences, and the absence of an emotional response. The basic method of this research is a chained association experiment with the registration of all associations of the respondents. The obtained data were interpreted with the help of Y. N. Karaulov's semantic gestalt method. The hypothesis about the effectiveness of the associative experiment in identifying the doctors' communicative intentions as well as in monitoring the evaluative component of these in professional medical communication has been confirmed.

Keywords

medical communication; communicative intention; linguistic consciousness; associative field; associative experiment; association

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00002 “Problem of cognitive and discursive parameterization of medical discourse of patients with CHD (congenital heart disease) in a cardiac surgical hospital”).

For citation

Potapova N. V., Rumyantseva A. A., Kameneva V. A. The Capacity of the Associative Experiment with Keyword Stimuli to Explicate the Doctors' Communicative Intentions in the Doctor-Patient Relationship. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 118–131. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-118-131

Введение

Коммуникативная установка – один из социально-психологических аспектов процесса коммуникации, детерминирующих коммуникативное поведение человека, его отношение к субъекту, объекту коммуникации или самому коммуникативному событию. Как пишет М. В. Галакова, «коммуникативная установка предполагает также некоторую готовность, активность определенной направленности в процессе коммуникативного взаимодействия, соединяя в систему элементы ситуации общения с прошлым опытом человека, инициируя при этом определенный ход рассуждения и действий» [Галакова, 2013]. Отметим, что коммуникативные установки не формируются раз и навсегда, это «динамические, пересматриваемые убеждения или мнения» [Nickles, Fischer, Weiss, 2006. P. 95] (здесь и далее перевод наш. – Н. П., А. Р., В. К.), подвергающиеся пересмотру и корректировке человеком под влиянием различных факторов. Как указывают М. Никлс, Ф. Фишер и Г. Вайс, «коммуникативные установки сильно зависят от контекста, и когда социальный контекст меняется (например, когда коммуникант сталкивается с другим партнером по общению), его коммуникативные установки также могут измениться» [Nickles, Fischer, Weiss, 2006. P. 98].

Подобная динамичность коммуникативных установок, детерминирующая как обыденную коммуникацию, так и профессиональную, определяет необходимость мониторинга оценочной составляющей данных установок, особенно в профессиональной коммуникации, для эффективного решения профессиональных задач в той или иной области, для своевременного выявления профессионального выгорания. Невозможно переоценить значимость коммуникативных установок в профессиональной коммуникации, «поскольку они могут повлиять на удовлетворенность работой (job satisfaction) и производительность сотрудников» [Agustini, Amanah, Harahap, 2022. P. 391]. Термин «удовлетворенность работой» (job satisfaction) можно определить как «положительное отношение к своей работе, которое является результатом оценки ее характеристик. Человек с высоким уровнем удовлетворенности работой испытывает положительные чувства по поводу работы, в то время как тот, кто недоволен, испытывает негативные чувства по поводу работы» [Agustini, Amanah, Harahap, 2022. P. 391].

Профессиональную коммуникацию можно разделить на два вида: направленную на удовлетворение потребностей участников коммуникативных процессов (needs-oriented communication); ориентированную на привлечение внимания к объекту информирования (information-focused communication) [Hampel, Sassenberg, 2021].

По нашему мнению, эффективность профессиональной коммуникации, нацеленной на удовлетворение потребностей коммуникантов в рамках решения профессиональных задач, детерминирована оценочностью установок коммуникантов к субъекту, объекту, месту коммуникации и самому коммуникативному событию. Эффективность информационно-ориентированной коммуникации обусловлена объемом информации об объекте коммуникации. В медицинской коммуникации данный вопрос особенно важен, так как от коммуникативного поведения и коммуникативных установок врача зависит жизнь и здоровье пациентов. «Установки влияют на поведение. Развитие и поддержание надлежащего отношения у студентов-медиков может

повлиять на качество медицинской помощи, оказываемой их пациентам» [Woloschuk, Narasym, Temple, 2004. P. 522].

Материал, методы, обзор

Как показал обзор научной литературы, коммуникативные установки врачей в основном исследуются с точки зрения методики преподавания в рамках подготовки медицинского персонала в учебных заведениях и во время практической работы с пациентами. Коммуникативные установки врачей описываются как значимый аспект коммуникативных компетенций врача в рамках профессиональной подготовки.

Коммуникативные установки могут быть позитивными и негативными. Как пишут Х. Махбуби, Т. Хоргои, К. А. Джаханшахи и Н. Шариф, «Врач с хорошими коммуникативными навыками, но негативным отношением к донорству крови может оказать не очень хорошее влияние» [Mahboobi, Khorgoei, Jahanshahi, Sharif, 2011. P. 190].

Отметим, что на сегодня комплексный анализ коммуникативных установок врачей по отношению к субъекту, объекту, месту коммуникации и самому коммуникативному событию не проводился. В основном в центр внимания ученых попадали установки врачей по отношению к пациентам и факторы, которые могут влиять на них. Например, М. Вальквист, Р. К. Гуннарссон, Г. Дальгрэн и С. Нордгрэн изучили зависимость между гендером студентов-медиков и их коммуникативными установками по отношению к пациентам. Дополнительно было рассмотрено влияние опыта работы у студентов на их отношение к пациентам [Wahlqvist, Gunnarsson, Dahlgren, Nordgren, 2010]. Х. Исикава, Д. Сын, М. Это, К. Китакура и Т. Киучи также отметили взаимосвязь гендерной принадлежности врачей и их коммуникативных установок по отношению к пациентам [Ishikawa, Son, Eto, Kitamura, Kiuchi, 2018]. О. Р. Гроен, М. Эрхардт и К. Бергельт подробно рассмотрели коммуникативные установки студентов-медиков к пациентам [Groene, Ehrhardt, Bergelt, 2022], уделив внимание отличиям в установках будущих врачей в зависимости от их гендера.

Ряд работ содержит результаты исследований взаимосвязи коммуникативных установок врачей или студентов-медиков и их этнической принадлежности [Ahmad, Krupat, Asma, Fatima, Attique, Mahmood, Waqas, 2015; Hurley, Doumbia, Kennedy, Winch, Roter, Murray, Harvey, 2018; Ribeiro, Krupat, Amaral, 2007; Yeom, Kim, Choi, Yoo, 2022].

К. Драйв, В. О. Хааланд, Т. Месель и Л. Танум доказали, что положительные коммуникативные установки у врачей значимы и способствуют привлечению пациентов к принятию решений о своем лечении, что позитивно сказывается на результатах лечения [Drivenes, Haaland, Mesel, Tanum, 2019]. К подобным выводам пришли Д. Ван, К. Лю и Х. Чжан [Wang, Liu, Zhang, 2020]. При этом подчеркивается, что существует проблема не только формирования данных коммуникативных установок, но и их оценки. Как отмечают Дж. Мартин, М. Ллойд, С. Сингх, «Медицинская профессия попадает под все более пристальное внимание в связи с негативными коммуникативными установками и поведением некоторых ее представителей. Несмотря на постановку задач по формированию профессиональных установок, остается неясным, как им можно обучать и оценивать» [Martin, Lloyd, Singh, 2002. P. 217].

Все вышеупомянутое позволяет говорить об актуальности и новизне предлагаемого исследования.

Использование в психолингвистическом эксперименте стимулов, представляющих ключевые аспекты типичной коммуникативной ситуации в рамках, например, медицинской коммуникации, предположительно позволяет, во-первых, по отсутствию реакций отслеживать утрату внимания в контексте профессиональной деятельности медиков, во-вторых, по оценочной составляющей реакций судить об эмоциональном состоянии врачей, влияющем на профессиональную коммуникацию с пациентами.

Представляется, что именно оценочная составляющая – важный фактор, свидетельствующий о наличии или отсутствии признаков эмоционального и профессионального выгорания медиков. Притупление эмоций, как положительных, так и отрицательных, является ярким признаком эмоционального истощения.

Цель данного исследования – комплексный анализ коммуникативных установок врачей кардиологического центра и их оценочной составляющей, на основе выявления ассоциативных полей ключевых слов-стимулов *пациент, врач, кардиология, отделение кардиохирургии, ВПС* (врожденный порок сердца), *операция*. В список стимулов вошли слова и словосочетания, описывающие: 1) агентов медицинской коммуникации (пациент, врач); 2) место коммуникации (отделение кардиохирургии); 3) предметную область (кардиология); 4) предмет коммуникации (ВПС, операция). Данные стимулы охватывают типичную коммуникативную ситуацию между участниками медицинской коммуникации в условиях стационара.

В качестве основного метода составления генеральной совокупности выступил цепочечный ассоциативный эксперимент с регистрацией всех ассоциатов респондентов. Обращение к данному методу обусловлено тем, что ассоциативный эксперимент позволяет выявить ассоциации, сложившиеся у индивида в его предшествующем опыте [Архипова, 2011], что особенно значимо для выявления коммуникативных установок. Испытуемым предлагалось в письменной форме записать в течение 1–3 минут все пришедшие на ум слова, которые вызывают у них слова и словосочетания: *пациент, врач, кардиология, отделение кардиохирургии, ВПС, операция*.

Исследование выполнено с привлечением понятийно-терминологического аппарата и методов психолингвистики и общенаучных методов: синтеза, анализа, сравнения. Полученные данные проинтерпретированы при помощи метода семантического гештальта Ю. Н. Караулова [Караулов, 2000].

Генеральная выборка составила 300 ассоциатов на предложенные стимулы. В цепочечном ассоциативном эксперименте приняли участие 34 врача-кардиолога хирургических отделений Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (НИИ КПССЗ) г. Кемерово Кемеровской области – Кузбасса. Респонденты обладают следующими характеристиками: 1) являются носителями русского языка, русский язык для всех участников эксперимента – родной; 2) являются городскими жителями, проживают в г. Кемерово; 3) относятся к возрастной группе 30–50 лет (средний возраст составил 39,5 года); 4) имеют первую или высшую врачебную категорию; 5) распределяются по гендерному признаку: 18 женщин, 16 мужчин. Большинство респондентов имеют достаточный профессиональный опыт работы, что значимо для исследования сформированных коммуникативных установок.

Методика анализа коммуникативных установок врачей кардиологического центра на основе ассоциативных полей ключевых слов-стимулов включала следующие процедуры: 1) определение ключевых слов-стимулов для проведения ассоциативного эксперимента; 2) выбор типа ассоциативного эксперимента; 3) проведение цепочечного ассоциативного эксперимента с регистрацией всех ассоциатов респондентов; 4) описание ассоциативных полей стимулов *пациент, врач, кардиология, отделение кардиохирургии, ВПС, операция*; 5) выстраивание корреляций между полученными ассоциативными полями; 6) анализ оценочности коммуникативных установок врачей.

Результаты и обсуждение

Ассоциативное поле стимула «пациент»

На стимул *пациент* получено 50 реакций: (*больной*) *человек/люди* (10), *ребенок/дети* (8), (*нужна*) *помощь* (6), *работа* (6), *внимание* (3), (*белый*) *халат* (3), *профессия* (2), *бинты, болезнь, друг, забота, клиент, лекарства, нуждающийся в помощи, ответственность, очередь, поддержка, прием, спасение*. Среди всех реакций зафиксированы 7 повторяющихся и 12 еди-

ничных. В структуре ассоциативного поля выделяется ядро с повторяющимися реакциями: *человек/люди, ребенок/дети, работа, (нужна) помощь, внимание, (белый) халат, профессия*. Единичные реакции составляют периферию поля.

В ассоциативном поле между словами-реакциями и словом-стимулом возникают различные типы отношений. Так, при установлении отношения предикации отношения приписывания признака говорят о синтагматических отношениях [Караулов, 2000]. При установлении между стимулом и реакцией отношения номинации говорят о парадигматических отношениях, которые обеспечивают выбор лексем и словоформ [Овчинникова, 2006. С. 87]. В ассоциативном поле стимула *пациент* основу составляют парадигматические связи – слова-реакции того же грамматического класса, что и слово-стимул (существительные): *клиент, лекарства, помощь, работа, ребенок, человек, халат* и т. п. Синтагматические связи, обеспечивающие развертывание и структурирование высказывания, в исследуемом ассоциативном поле не зафиксированы. Примерами синтагматико-парадигматических отношений служат реакции *нужна помощь, нуждающийся в помощи, больной человек, белый халат*.

Кроме указанных типов отношений, выделяются и тематические типы. Так, все полученные реакции на стимул *пациент* можно отнести к следующим тематическим группам: кто (лицо, ассоциируемое со словом-стимулом); что (предмет/понятие, ассоциируемое со словом-стимулом); где (место, ассоциируемое со словом-стимулом); какой (признак, ассоциируемый со словом-стимулом); делать (действие, ассоциируемое со словом-стимулом); морально-этические категории; оценка коммуникативной ситуации (табл. 1).

Таблица 1

Тематические группы ассоциатов на стимул *пациент*

Table 1

Thematic Groups of Associations with the Stimulus *Patient*

Тематическая группа	Полученные ассоциаты
Лицо	человек / люди, ребенок / дети, друг, клиент
Предмет	профессия, (белый) халат, бинты, болезнь, лекарства, очередь
Место	прием
Признак	больной, нуждающийся в помощи
Действие	работа, спасение, помощь
Морально-этические категории	внимание, забота, ответственность, поддержка
Оценка:	
Положительная	друг, спасение
Отрицательная	болезнь, больной человек

По данным эксперимента, при моделировании типичной коммуникативной ситуации в рамках профессиональной коммуникации врачей-кардиологов актуализируются представления о *пациенте* как больном человеке, часто ребенке, нуждающемся в помощи. Это работа, требующая внимания и связанная с таким неотъемлемым атрибутом униформы, как (белый) халат.

Приведенные типы связей/отношений свидетельствуют не только о понятийном, но и эмоционально-оценочном компоненте ассоциативного поля стимула *пациент*. Так, среди зафиксированных реакций отмечены единичные с положительной эмоционально-оценочной конно-

тацией – *друг и спасение*, а также реакции с отрицательной коннотацией – *болезнь, больной человек*.

Ассоциативное поле стимула «врач»

На стимул *врач* было получено 50 реакций: *работа* (5), *лечение* (4), *ответственность* (4), *помощь* (3), *призвание* (3), *спасение* (3), *специалист* (3), *(умный) человек* (3), *лекарства* (2), *работник* (2), *сотрудник* (2), *труд* (2), *(белый) халат* (2), *внимание, гордость, забота, лекарь, медицина, профессия, спасатель, способность лечить, талант, тело и душа, уколы, этика*. Среди всех реакций зафиксированы 13 повторяющихся и 12 единичных. Ассоциативное ядро составили реакции: *работа, лечение, ответственность, помощь, призвание, спасение, (умный) человек, специалист, лекарства, работник, сотрудник, труд, (белый) халат*. Единичные реакции составляют периферию поля.

В ассоциативном поле стимула *врач* преобладает парадигматический тип связей между реакцией и словом-стимулом; единичны примеры синтагматико-парадигматических отношений (*белый халат, умный человек*). Тематический тип связей представлен в табл. 2.

Таблица 2

Тематические группы ассоциатов на стимул *врач*

Table 2

Thematic Groups of Associations with the Stimulus *Physician*

Тематическая группа	Полученные ассоциаты
Лицо	(умный) человек, специалист, работник, сотрудник, спасатель, лекарь
Предмет	халат, лекарства, тело и душа, уколы, медицина, профессия
Место	–
Признак	умный человек
Действие	работа, лечение, помощь, спасение, труд, способность лечить
Морально-этические категории	внимание, гордость, забота, ответственность, призвание, этика
Оценка:	
Положительная	гордость, спасатель, спасение, талант, умный человек
Отрицательная	–

Согласно полученным данным, для врача-кардиолога слово *врач* ассоциируется прежде всего с работой, направленной на лечение, а нередко и спасение. Это профессия, требующая ответственности и призвания от грамотных специалистов, оказывающих помощь. Часто врач является сотрудником или работником, что говорит о его принадлежности тому или иному медицинскому учреждению. Быть врачом означает труд, а его атрибуты – (*белый*) халат и лекарства.

Эмоционально-оценочный компонент ассоциативного поля стимула *врач* изобилует реакциями с положительной оценочной семантикой (*гордость, спасатель, спасение, талант, умный человек*). Кроме того, в данном ассоциативном поле присутствует и образная составляющая – врач представляется спасателем.

Ассоциативное поле стимула «кардиология»

На стимул *кардиология* получено 50 реакций: *сердце/сердечко* (13), (*сложная*) *наука (о сердце)* (8), *направление/раздел/область/сфера/сердце в медицине* (7), (*область*) *значе-*

ний (4), философия (3), пороки/работа сердца (2), лечение (3), пациенты (2), профессия (2), работа, дети с пороками, сердечная патология, сердечные дела, жизнь, кардиохирургия, красный цвет, ответственность. Среди всех реакций зафиксированы 9 повторяющихся и 8 единичных. Ассоциативное ядро составили повторяющиеся реакции, периферию поля – единичные реакции.

В ассоциативном поле стимула *кардиология* преобладает парадигматический тип связей между реакцией и словом-стимулом; единичны примеры синтагматико-парадигматических отношений (*красный цвет, сердечная патология, сердечные дела*). Тематический тип связей представлен в табл. 3.

Таблица 3

Тематические группы ассоциатов на стимул *кардиология*

Table 3

Thematic Groups of Associations with the Stimulus *Cardiology*

Тематическая группа	Полученные ассоциаты
Лицо	пациенты, дети с пороками
Предмет	сердце/сердечко, наука (о сердце), направление/раздел/область/сфера/сердце в медицине, область значений, философия, пороки/работа сердца, профессия, сфера, жизнь, кардиохирургия
Место	–
Признак	красный цвет, сложная наука, сердечная патология, сердечные дела
Действие	лечение, работа
Морально-этические категории	ответственность
Оценка:	
Положительная	–
Отрицательная	–

Согласно полученным данным, в сознании врачей-кардиологов актуализируются представления о *кардиологии* как науке о сердце. Также это область значений, направление в медицине, связанное с лечением пациентов (в том числе детей) с пороками сердца. Образным символом данного слова-стимула выступает *красный цвет*.

Метафорическое сравнение *кардиологии* с *сердцем медицины* актуализирует в сознании врачей важность и значимость этой обширной области медицины, их трепетное отношение к ней. Отсутствие реакций с эксплицитно выраженной оценочной семантикой может свидетельствовать о беспристрастном отношении кардиологов к одному из важнейших понятий их деятельности.

Ассоциативное поле стимула «отделение кардиохирургии»

На стимул *отделение кардиохирургии* получено 50 реакций: коллектив (9), люди (7), врачи (5), лечение (4), выздоровление (3), место (спасения) (3), пациенты (2), помощь (2), семья (2), запах лекарств / лекарства (2), диагностика, кардиологи, консультация, наблюдение, обход, операции, палаты, плач, работники, размеренность, тишина. Среди всех реакций зафиксированы 10 повторяющихся и 11 единичных. Ассоциативное ядро составили реакции *коллектив, люди, врачи, лечение, выздоровление, пациенты, помощь, место, семья, запах лекарств/лекарства*. Единичные реакции составляют периферию поля.

В ассоциативном поле стимула *отделение кардиохирургии* преобладает парадигматический тип связей между реакцией и словом-стимулом; единичны примеры синтагматико-парадигматических отношений (*запах лекарств, место спасения*). Тематический тип связей представлен в табл. 4.

Таблица 4

Тематические группы ассоциатов на стимул *отделение кардиохирургии*

Table 4

Thematic Groups of Associations with the Stimulus *Department of Cardiac Surgery*

Тематическая группа	Полученные ассоциаты
Лицо	коллектив, люди, врачи, пациенты, семья, кардиологи, работники
Предмет	лекарства / запах лекарств
Место	место (спасения), палаты
Признак	размеренность, тишина
Действие	диагностика, консультация, лечение, наблюдение, обход, операции, выздоровление, помощь
Морально-этические категории	—
Оценка:	
Положительная	место спасения
Отрицательная	плач

Из полученных реакций видно, что врач-кардиолог под *отделением кардиохирургии* в первую очередь понимает лиц, задействованных в процессе лечения (*коллектив, люди, врачи, кардиологи, пациенты, работники, семья*); также это определенное место в медучреждении (*место спасения, палаты*); необходимые действия (*диагностика, консультация, лечение, наблюдение, обход*). К реакциям с положительной оценочной семантикой относится метафорическое *место спасения*. Единичная негативная реакция на данный стимул – плач.

Ассоциативное поле стимула ВПС

На стимул *ВПС* было получено 50 реакций: (*врожденная*) *патология* (13), *болезнь/заболевание* (9), *дети / (больной) ребенок* (5), *операция* (4), *страх* (4), *сердце* (3), *слезы* (3), (*сердечная*) *боль* (3), *грусть, инвалид, кровь, нарушение, печаль, смерть, швы*. Среди всех реакций зафиксированы 8 повторяющихся и 7 единичных. Ассоциативное ядро составили реакции *патология, болезнь/заболевание, дети/(больной) ребенок, операция, страх, сердце, слезы, (сердечная) боль*. Единичные реакции составляют периферию поля.

В ассоциативном поле стимула *ВПС* преобладает парадигматический тип связей между реакцией и словом-стимулом; единичны примеры синтагматико-парадигматических отношений (*больной ребенок, врожденная патология, сердечная боль*). Тематический тип связей представлен в табл. 5.

Таким образом, *ВПС* – это патология, при которой необходима операция на сердце (преимущественно у детей). Данная манипуляция сопровождается страхом, болью, слезами. Болезнь может привести к инвалидности и даже смерти. Очевидно, что данное ассоциативное поле изобилует реакциями с отрицательной семантикой: *болезнь, больной ребенок, страх, слезы, боль, грусть, печаль, смерть, инвалид*. Данное обстоятельство может свидетельствовать

о том, что кардиохирурги эмоционально переживают рабочие ситуации, сочувствуют своим пациентам и сопереживают.

Таблица 5

Тематические группы ассоциатов на стимул *ВПС*

Table 5

Thematic Groups of Associations with the Stimulus *CHD*

Тематическая группа	Полученные ассоциаты
Лицо	(больной) ребенок / дети, инвалид
Предмет	(врожденная) патология, болезнь/заболевание, сердце, кровь, швы, нарушение
Место	—
Признак	врожденная патология, больной ребенок, сердечная боль
Действие	операция
Морально-этические категории	—
Оценка:	
Положительная	—
Отрицательная	болезнь, больной ребенок, страх, слезы, боль, грусть, печаль, смерть, инвалид

Ассоциативное поле стимула «операция»

На стимул *операция* получено 50 реакций: *лечение / способ лечения* (9), *шов/швы* (6), *страх* (4), *выздоровление* (3), *спасение* (3), *улучшение* (2), *качество жизни* (2), *кровь* (2), *лекарства* (2), *наркоз* (2), *помощь* (2), *хирург* (2), *исцеление*, *жизнь*, *способ жить*, *боль*, *вмешательство*, *выход*, *искусство*, *нитки*, *скальпель*, *сложность*, *хирургия*. Среди всех реакций зафиксированы 12 повторяющихся и 11 единичных. Ассоциативное ядро составили реакции *лечение/способ лечения*, *шов/швы*, *страх*, *выздоровление*, *спасение*, *улучшение*, *качество жизни*, *кровь*, *лекарства*, *наркоз*, *помощь*, *хирург*. Единичные реакции составляют периферию поля.

Таблица 6

Тематические группы ассоциатов на стимул *операция*

Table 6

Thematic Groups of Associations with the Stimulus *Operation*

Тематическая группа	Полученные ассоциаты
Лицо	хирург
Предмет	шов/швы, кровь, лекарства, наркоз, нитки, скальпель, хирургия, выход, жизнь, качество жизни, способ жить
Место	—
Признак	сложность, боль
Действие	лечение / способ лечения, выздоровление, улучшение, вмешательство, помощь
Морально-этические категории	—
Оценка:	
Положительная	искусство, исцеление, спасение
Отрицательная	страх, боль

В ассоциативном поле стимула *операция* преобладает парадигматический тип связей между реакцией и словом-стимулом; единичны примеры синтагматико-парадигматических отно-

шений (*качество жизни, способ жить, способ лечения*). Тематический тип связей представлен в табл. 6.

Согласно полученным данным, операция ассоциируется у врачей-кардиологов с лечением, направленным на выздоровление, а также это способ улучшения качества жизни. Основным действующим лицом является хирург, в арсенале которого – лекарства, наркоз, нитки, скальпель. Подобное вмешательство сопряжено со страхом и кровью, но часто является спасением.

К словам-реакциям с положительной оценочной семантикой в данном ассоциативном поле относятся *искусство, исцеление, спасение*; с отрицательной – *страх, боль*. Можно предположить, что *операция* в практике кардиохирургов часто является единственным выходом из сложившейся ситуации (что отражено в положительной оценке ситуации). Однако кардиохирургам, как и простым обывателям неврачам, свойственны чувства страха, волнения и сочувствия (что отражено в отрицательной оценке ситуации).

Заключение

На стимул *врач* было дано максимальное количество повторяющихся реакций – 13; *операция* – 12; *отделение кардиохирургии* – 10. Минимальное количество повторяющихся реакций было получено на стимул *пациент* – 7 реакций.

Отметим, что родовое слово-реакция (*врожденная*) *патология* на видовое слово-стимул *ВПС*, а также реакция *сердце/сердечко* на стимул *кардиология* являются самыми многочисленными из всех возможных реакций на все шесть стимулов (по 13 раз). На три из шести предъявленных стимулов – *врач, ВПС, операция* – количество повторяющихся реакций больше, чем единичных. В данном случае можно говорить о стандартной/стереотипной ассоциации, которую можно рассматривать как в качестве критерия сформированности когнитивной деятельности, так и критерия инерционности мышления [Овчинникова, 2002. С. 17].

Проанализировав результаты эксперимента, можно заключить, что с точки зрения смысловой связанности все реакции соотносятся с предъявляемым стимулом логически или образно, поскольку смысл того или иного стимула, входящего в терминологию медицины, понятен всем респондентам.

Ассоциативные поля предъявленных слов-стимулов довольно однообразны и стандартны. Данное обстоятельство можно объяснить спецификой предъявленных стимулов, представляющих собой значимые смыслы для врачей-кардиологов, поэтому совпадения в ответах респондентов вполне очевидны. Между словом-стимулом и словом-реакцией ведущим типом связи является парадигматический, который не является речетворческим, что предположительно может объясняться серьезностью исследуемой сферы кардиологии.

Самыми частотными тематическими группами по методу семантического гештальта Ю. Н. Караулова стали лицо, предмет, признак, действие, которые были выделены для всех шести стимулов. При моделировании типичной коммуникативной ситуации в рамках профессиональной коммуникации врачей-кардиологов важными оказываются задействованные лица (субъект и объект); качества; инструменты/предметы, используемые в ситуации коммуникации; действия, совершаемые коммуникантами. Тематическая группа «оценка» зафиксирована в пяти из шести стимулов. Исключение составили реакции на стимул *кардиология*, среди которых не зафиксировано ни одной реакции с оценочной семантикой.

Количественный подсчет реакций с оценочной семантикой показал, что слов-реакций с отрицательной семантикой больше, чем слов-реакций с положительной семантикой – 14 и 11 соответственно. Данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что кардиохирургам свойственно переживать рабочие ситуации, они небезэмоциональны и небесстрастны в своей работе.

Считаем, что полученные результаты позволяют говорить о релевантности ассоциативных полей ключевых понятий, характеризующих условия типичной коммуникативной ситуации в рамках профессионального дискурса, для выявления коммуникативных установок, а также

их оценок, которые могут являться косвенным свидетельством профессиональной компетенции специалистов, занятых в сфере с повышенной значимостью общения.

Список литературы

- Архипова С. В.** Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2011. № 11. С. 6–9.
- Галакова М. В.** К вопросу о формировании позитивной коммуникативной установки в процессе профессиональной подготовки // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8158> (дата обращения: 19.01.2023).
- Караулов Ю. Н.** Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.
- Овчинникова И. Г.** Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 382 с.
- Овчинникова И. Г.** Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. № 4. С. 85–92.
- Agustini, F., Amanah, D., Harahap, D. A.** Employee Attitude Towards Communication Effectiveness at State-Owned Enterprises in Indonesia. *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 389–400. DOI 10.30574/wjarr.2022.13.2.0160
- Ahmad, W., Krupat, E., Asma, Y., Fatima, N.-E., Attique, R., Mahmood, U., Waqas, A.** Attitudes of Medical Students in Lahore, Pakistan Towards the Doctor-Patient Relationship. *PeerJ*, 2015, no. 3. DOI 10.7717/peerj.1050
- Drivenes, K., Haaland, V. Ø., Mesel, T., Tanum, L.** Practitioners' positive attitudes promote shared decision-making in mental health care. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 2019, vol. 25, pp. 1041–1049. DOI 10.1111/jep.13275
- Groene, O. R., Ehrhardt, M., Bergelt, C.** Attitude and Communication Skills of German Medical Students. *BMC Res Notes*, 2022, vol. 15, no. 1. DOI 10.1186/s13104-021-05901-4
- Hampel, N., Sassenberg, K.** Needs-Oriented Communication Results in Positive Attitudes Towards Robotic Technologies among Blue-Collar Workers Perceiving Low Job Demands. *Computers in Human Behavior Reports*, 2021, vol. 3. DOI 10.1016/j.chbr.2021.100086
- Hurley, E. A., Doumbia, S., Kennedy, C. E., Winch, P. J., Roter, D. L., Murray, S. M., Harvey, S. A.** Patient-Centred Attitudes among Medical Students in Mali, West Africa: A Cross-Sectional Study. *BMJ Open*, 2018, vol. 8, no. 1. DOI 10.1136/bmjopen-2017-019224
- Ishikawa, H., Son, D., Eto, M., Kitamura, K., Kiuchi, T.** Changes in Patient-Centered Attitude and Confidence in Communicating with Patients: A Longitudinal Study of Resident Physicians. *BMC medical education*, 2018, vol. 18, no. 1. DOI 10.1186/s12909-018-1129-y
- Mahboobi, H., Khorgoei, T., Jahanshahi, K. A., Sharif, N.** Attitudes and Communication Skills. *Asian Journal of Transfusion Science*, 2011, vol. 5, no. 2, pp. 190–191. DOI 10.4103/0973-6247.83269
- Martin, J., Lloyd, M., Singh, S.** Professional Attitudes: Can They be Taught and Assessed in Medical Education? *Clinical Medicine Journal*, 2002, vol. 2, no. 3, pp. 217–223. DOI 10.7861/clinmedicine.2-3-217
- Nickles, M., Fischer, F., Weiss, G.** Communication Attitudes: A Formal Approach to Ostensible Intentions, and Individual and Group Opinions. *Electronic Notes in Theoretical Computer Science*, 2006, vol. 157, no. 4, pp. 95–115. DOI 10.1016/j.entcs.2006.02.015
- Ribeiro, M. M., Krupat, E., Amaral, C. F.** Brazilian Medical Students' Attitudes Towards Patient-Centered Care. *Medical Teacher*, 2007, vol. 29, no. 6, pp. 204–208. DOI 10.1080/01421590701543133

- Wahlqvist, M., Gunnarsson, R. K., Dahlgren, G., Nordgren, S.** Patient-Centred Attitudes among Medical Students: Gender and Work Experience in Health Care Make a Difference. *Medical Teacher*, 2010, vol. 32, no. 4, pp. 191–198. DOI 10.3109/01421591003657451
- Wang, D., Liu, C., Zhang, X.** Do Physicians' Attitudes towards Patient-Centered Communication Promote Physicians' Intention and Behavior of Involving Patients in Medical Decisions? *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17, no. 17. DOI 10.3390/ijerph17176393
- Woloschuk, W., Harasym, P. H., Temple, W.** Attitude Change during Medical School: A Cohort Study. *Medical Education*, 2004, vol. 38, no. 5, pp. 522–534. DOI 10.1046/j.1365-2929.2004.01820.x
- Yeom, I., Kim, K., Choi, J., Yoo, D.-M.** Experiences and Perspectives on Patient-Centered Education of Medical Students in Korea. *Korean Journal of Medical Education*, 2022, vol. 34, no. 4, pp. 259–271. DOI 10.3946/kjme.2022.235

References

- Arkhipova, S. V.** Associative Experiment in Psycholinguistics. *Bulletin of Buryat State University*, 2011, no. 11, pp. 6–9. (in Russ.)
- Galakova, M. V.** To the Question of Formation of Positive Communicative Installation in the Course of Vocational Training. *Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 1. [Online]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8158> (accessed on: 01.19.2023). (in Russ.)
- Karaulov, Yu. N.** Indicators of National Mentality in Associative-Verbal Network. In: Ufimtseva N. V. (ed.). *Language Consciousness and the Image of the World*. Moscow, IL RAS, 2000, pp. 191–206. (in Russ.)
- Ovchinnikova, I. G.** Associative Mechanism in Verbal and Mental Activity. Dr. Sci. Thesis, Saint Petersburg, 2002, 382. (in Russ.)
- Ovchinnikova, I. G.** The Structure of the Mental Lexicon: Age Dynamics of Associative Connections. *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*, 2006, no. 4, pp. 85–92. (in Russ.)
- Agustini, F., Amanah, D., Harahap, D. A.** Employee Attitude Towards Communication Effectiveness at State-Owned Enterprises in Indonesia. *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 389–400. DOI 10.30574/wjarr.2022.13.2.0160
- Ahmad, W., Krupat, E., Asma, Y., Fatima, N.-E., Attique, R., Mahmood, U., Waqas, A.** Attitudes of Medical Students in Lahore, Pakistan Towards the Doctor-Patient Relationship. *PeerJ*, 2015, no. 3. DOI 10.7717/peerj.1050
- Drivenes, K., Haaland, V. Ø., Mesel, T., Tanum, L.** Practitioners' positive attitudes promote shared decision-making in mental health care. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 2019, vol. 25, pp. 1041–1049. DOI 10.1111/jep.13275
- Groene, O. R., Ehrhardt, M., Bergelt, C.** Attitude and Communication Skills of German Medical Students. *BMC Res Notes*, 2022, vol. 15, no. 1. DOI 10.1186/s13104-021-05901-4
- Hampel, N., Sassenberg, K.** Needs-Oriented Communication Results in Positive Attitudes Towards Robotic Technologies among Blue-Collar Workers Perceiving Low Job Demands. *Computers in Human Behavior Reports*, 2021, vol. 3. DOI 10.1016/j.chbr.2021.100086
- Hurley, E. A., Doumbia, S., Kennedy, C. E., Winch, P. J., Roter, D. L., Murray, S. M., Harvey, S. A.** Patient-Centred Attitudes among Medical Students in Mali, West Africa: A Cross-Sectional Study. *BMJ Open*, 2018, vol. 8, no. 1. DOI 10.1136/bmjopen-2017-019224
- Ishikawa, H., Son, D., Eto, M., Kitamura, K., Kiuchi, T.** Changes in Patient-Centered Attitude and Confidence in Communicating with Patients: A Longitudinal Study of Resident Physicians. *BMC medical education*, 2018, vol. 18, no. 1. DOI 10.1186/s12909-018-1129-y
- Mahboobi, H., Khorgoei, T., Jahanshahi, K. A., Sharif, N.** Attitudes and Communication Skills. *Asian Journal of Transfusion Science*, 2011, vol. 5, no. 2, pp. 190–191. DOI 10.4103/0973-6247.83269

- Martin, J., Lloyd, M., Singh, S.** Professional Attitudes: Can They be Taught and Assessed in Medical Education? *Clinical Medicine Journal*, 2002, vol. 2, no. 3, pp. 217–223. DOI 10.7861/clinmedicine.2-3-217
- Nickles, M., Fischer, F., Weiss, G.** Communication Attitudes: A Formal Approach to Ostensible Intentions, and Individual and Group Opinions. *Electronic Notes in Theoretical Computer Science*, 2006, vol. 157, no. 4, pp. 95–115. DOI 10.1016/j.entcs.2006.02.015
- Ribeiro, M. M., Krupat, E., Amaral, C. F.** Brazilian Medical Students' Attitudes Towards Patient-Centered Care. *Medical Teacher*, 2007, vol. 29, no. 6, pp. 204–208. DOI 10.1080/01421590701543133
- Wahlqvist, M., Gunnarsson, R. K., Dahlgren, G., Nordgren, S.** Patient-Centred Attitudes among Medical Students: Gender and Work Experience in Health Care Make a Difference. *Medical Teacher*, 2010, vol. 32, no. 4, pp. 191–198. DOI 10.3109/01421591003657451
- Wang, D., Liu, C., Zhang, X.** Do Physicians' Attitudes towards Patient-Centered Communication Promote Physicians' Intention and Behavior of Involving Patients in Medical Decisions? *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17, no. 17. DOI 10.3390/ijerph17176393
- Woloschuk, W., Harasym, P. H., Temple, W.** Attitude Change during Medical School: A Cohort Study. *Medical Education*, 2004, vol. 38, no. 5, pp. 522–534. DOI 10.1046/j.1365-2929.2004.01820.x
- Yeom, I., Kim, K., Choi, J., Yoo, D.-M.** Experiences and Perspectives on Patient-Centered Education of Medical Students in Korea. *Korean Journal of Medical Education*, 2022, vol. 34, no. 4, pp. 259–271. DOI 10.3946/kjme.2022.235

Информация об авторах

Потапова Наталья Вадимовна, кандидат филологических наук

Румянцева Александра Александровна, кандидат медицинских наук, детский врач-кардиолог

Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Natalia V. Potapova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Alexandra A. Rumyantseva, Candidate of Medical Sciences, pediatric cardiologist, Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Veronika A. Kameneva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Статья поступила в редакцию 07.05.2023;

одобрена после рецензирования 01.07.2023; принята к публикации 12.07.2023

The article was submitted 07.05.2023;

approved after reviewing 01.07.2023; accepted for publication 12.07.2023

Научная статья

УДК 811.111-26

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-132-146

«Песнь об Эарендиле» в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» в аспекте переводческой проблематики

Владимир Алексеевич Афанасьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Нижний Новгород, Россия

svintrups@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3466-0915>

Аннотация

В статье рассматривается специфика поэтического перевода стихотворения Дж. Р. Р. Толкина «Песнь об Эарендиле», входящего в роман «Властелин Колец» и исполняемого непосредственно внутри повествования в качестве оригинального произведения хоббита Бильбо. В первой части работы подробно анализируется роль стихотворения в контексте романа, определяющая восприятие «Песни» как героя романа, так и читателем. Насыщенное деталями и именами собственными, это произведение освещает сюжет о плавании Эарендила, исключительно важный в рамках авторской мифологии Толкина (Легендариума), но остающийся за пределами романа «Властелин Колец» и не до конца понятный обычному читателю, как и хоббиту Фродо: он слышит «Песнь» в особом состоянии на грани сна и яви, вызванном звучащим ранее эльфийским пением. Далее рассматривается, как именно «Песнь» соотносится с этим состоянием Фродо; ключевой особенностью здесь выступает не прямое содержание произведения, но, скорее, его поэтическая форма, в первую очередь составные (как правило, тройные) ассонансы, связывающие конец нечетной строки с началом последующей четной и создающие особый мелодический эффект.

Таким образом, стиховые особенности «Песни об Эарендиле» оказываются исключительно важны при переводе – только сколь возможно полное их воспроизведение позволит создать метрически и фоноэстетически эквивалентный оригиналу текст и произвести на читателя предусмотренное контекстом романа впечатление. В этой связи во второй части статьи четыре русских перевода этого стихотворения (а именно переводы А. А. Кистяковского, И. Б. Гриншпуна, С. А. Степанова, В. Г. Тихомирова) рассматриваются прежде всего с точки зрения передачи стиховой формы. Анализ переводов показывает, что большинство переводчиков склонно менять поэтическую форму в сторону большей свободы (А. А. Кистяковский, В. Г. Тихомиров) или упрощения (И. Б. Гриншпун). Последовательное, хотя и частичное воспроизведение ключевой эвфонической особенности оригинала наблюдается только в переводе С. А. Степанова, однако ряд других переводческих решений в метрическом отношении и на лексическом уровне не позволяет назвать этот перевод вполне соответствующим оригиналу. В заключение автор статьи приводит собственный перевод этого стихотворения, нацеленный на передачу особенностей стиховой формы оригинала.

Ключевые слова

Дж. Толкин, «Властелин Колец», художественный перевод, поэтический перевод, история перевода, стиховедение, поэтика

Для цитирования

Афанасьев В. А. «Песнь об Эарендиле» в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» в аспекте переводческой проблематики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 132–146. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-132-146

The Song of Earendil from The Lord of the Rings by J.R.R. Tolkien: Translation Issues

Vladimir A. Afanasev

HSE University

Nizhny Novgorod, Russian Federation

svintrups@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3466-0915>

Abstract

This article is concerned with translation issues of *The Song of Earendil* by J. R. R. Tolkien, the poem included in *The Lord of the Rings* and incorporated into the narrative with Bilbo as the internal author and Frodo as the listener. The first part of the research provides detailed analysis of the poem contextual role as well as its perception by the characters and the reader. Imbued with various details and proper names, *The Song* highlights Earendil's voyage, one of the most essential narratives in Tolkien's mythology (the *Legendarium*), however left beyond the bounds of *The Lord of the Rings* and not completely understood by the reader or Frodo, for the latter is listening to the *Song* being in a most peculiar, dreamlike state of mind evoked by elven singing he previously attends to. Frodo's mood correlates not only and not so much with the poem's narrative, but with its style and poetic features, especially the verse form and the rhyme scheme. The latter uses triple assonances as additional rhyme, connecting the clauses of the odd lines with the first halves of the subsequent even lines and bringing forth a notably melodical, 'elvish' impression.

In this respect, the verse form of *The Song of Earendil* takes on particular importance in relation to poetic translation; and retaining the main metrical and phonoaesthetic features of the poem seems necessary for achieving translation equivalence as well as maintaining the effect derived from the context of the novel. These features are considered using the example of four Russian translations of the *Song* (by A. A. Kistyakovskiy, I. B. Grinshpun, S. A. Stepanov, and V. G. Tikhomirov). Comparative analysis of these translations shows a tendency for the translators to change the verse form significantly either by using more fluent rhyme schemes and stanzaic structures (as Kistyakovskiy or Tikhomirov do), or by simplification (e.g. Grinshpun) and neutralisation of some other poetic features (like the use of proper names). The most consistent, although partial, representation of the original poetic form, can be found in Stepanov's translation only. As for some other translation solutions regarding verse form and vocabulary, they appear to be non-equivalent. At the end of the article, the author presents his own translation of *The Song of Earendil*, aimed at retaining the above listed features of its poetic form.

Keywords

J. R. R. Tolkien, *The Lord of the Rings*, literary translation, poetry translation, translation studies, prosody, poetics

For citation

Afanasev V. A. The Song of Earendil from The Lord of the Rings by J.R.R. Tolkien: Translation Issues. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 132–146. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-132-146

Введение

«Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина – один из самых проблемных романов в русской переводческой практике. При существовании семи официально изданных переводов, а также более десятка сетевых или неполных, ни один из них не стал «каноничным». Спектр проблем, связанных с воссозданием «Властелина Колец» на русском языке, едва поддается охвату. Между тем в большинстве случаев в поле зрения исследователей попадают трудности, сопряженные с переводом имен собственных, реалий вымышленного мира, паремиологического фонда и других элементов основного (т. е. прозаического) текста, а также социокультурные аспекты перевода. Поэзия в романе, как сама по себе, так и в аспекте переводческой проблематики, рассматривается очень нечасто.

Между тем в романе «Властелин Колец» как особом прозиметрическом единстве [Bartoňková, 2008] поэзия играет исключительную роль. В роман входит более 80 поэтических текстов, разнообразных по жанру, форме, стилю и тематике и фигурирующих непосредственно в повествовании (как правило, это песни, исполняемые персонажами). Многие из этих произведений не просто играют эпизодическую сюжетную роль, выполняя функцию «нарративной разрядки» [Le Guin, 2002. P. 106], но также поддерживают иллюзию реальности изображае-

мого Толкином мира [Лебедева, 2006. С. 17], сообщая прозаическому тексту особую мифопоэтическую глубину и связывая его с масштабной авторской мифологией (т. н. Легендариумом). На фоне Легендариума «Властелин Колец» предстает, по выражению самого Толкина, всего лишь «лучом прожектора» (*a searchlight, as it were, on a brief episode in History, and on a small part of our Middle-earth, surrounded by the glimmer of limitless extensions in time and space* [Tolkien, 1995. P. 412]). Такие связи, далеко не всегда очевидные для неискушенного читателя, рассыпаны по всему тексту (часто на уровне отдельных слов и имен), но именно в стихотворениях и песнях они проявляются особенно ярко. Используя широкий спектр культурно маркированных стихотворных форм [Turner, 2005. P. 156] – от аллитерационного стиха до балладного метра, – Толкин ярко, хотя и фрагментарно, изображает поэтические традиции того или иного народа Средиземья во всем их жанровом и тематическом разнообразии [Kullman, 2013. P. 283]. Толкин использует широкий спектр поэтических форм.

1. Поэтика «Песни об Эарендиле»

Одним из стихотворений, наделенных особой мифологической глубиной, выступает «Песнь об Эарендиле» (*Song of Earendil*). В отличие от большинства других поэтических текстов во «Властелине Колец», написанных специально для романа, она является переработкой сразу нескольких более ранних стихотворений о плавании Эарендила, в частности, *The Voyage of Earendil, the Evening Star* (1914), *Lay of Earendil* (1925) и в особенности *Errantry* (1930). Не вдаваясь в подробности исключительно сложной истории создания «Песни об Эарендиле» (одних только черновиков которой насчитывается не менее 15, причем опубликованная во «Властелине Колец» версия – формально неокончательна [Tolkien, 1993. P. 84]), следует отметить исключительную важность для всего творчества Толкина фигуры полуэльфа Эарендила. Его имя, почерпнутое из древнеанглийской поэмы «Христос», придало мощнейший творческий импульс раннему творчеству Толкина; придуманный им персонаж и связанный с ним сюжет о плавании в Благословенный Край стал, по выражению Т. Шиппи, одним из «лирических ядер» поэзии Толкина [Shippey, 1992. P. 216] наряду с сюжетом о Берене и Лютитэн и некоторыми другими. В рамках Легендариума Эарендил играет эпохальную роль – совершенное им плавание к берегам Валинора в качестве посланника повлекло за собой Войну Гнева, низвержение Моргота и конец Первой Эпохи Средиземья – этим событиям посвящены отдельные главы «Сильмариллиона» и некоторые примыкающие сказания. Более того, «Песнь об Эарендиле» – самое крупное стихотворение во «Властелине Колец» (124 строки) и, пожалуй, наиболее сложное в разных отношениях, не исключая и стихотворной формы.

«Песнь об Эарендиле» в контексте романа «Властелин Колец»

«Песни об Эарендиле» свойственна, по словам Т. Шиппи, «богатая, непрерывная неопределенность» (*rich and continuous uncertainty* [Shippey, 1992. P. 174]) – общий смысл (цель путешествия Эарендила) как будто бы постоянно ускользает от непосредственного восприятия, проявляясь в большей степени через звук и ритм. Обилие незнакомых имен и названий (особенно эльфийских) только усиливает эту недосказанность, «дразня» читательское воображение, в то время как мелодичность стиха в соединении с использованной Толкином особой поэтической формой заставляют читателя отдаться на волю *an endless river of swelling gold and silver* [Tolkien, 2012. Vol. 2. P. 24].

В этом смысле для понимания поэтики «Песни об Эарендиле» оказывается существенной не только формальная организация самого стихотворения (о которой речь впереди), но и контекст повествования – момент исполнения стихотворения в романе. Встречая Бильбо в Каминном зале (а это первая встреча двух хоббитов с самого начала романа), Фродо застаёт его за сочинением песни (Бильбо «застрял» на паре особенно трудных строк и просит помощи Ду-

надана – Арагорна). После диалога Фродо и Бильбо последний удаляется с Арагорном завершать песнь, а сам Фродо начинает вслушиваться в пение эльфов, впадая под его воздействием в особое состояние на грани яви и сна: *At first the beauty of the melodies and of the interwoven words in elven-tongues, even though he understood them little, held him in a spell, as soon as he began to attend to them. Almost it seemed that the words took shape, and visions of far lands and bright things that he had never yet imagined opened out before him; and the firelit hall became like a golden mist above the seas of foam that sighed upon the margins of the world. Then the enchantment became more and more dreamlike, until he felt that an endless river of swelling gold and silver was flowing over him, too multitudinous for its pattern to be comprehended; it became part of the throbbing air about him, and it drenched and drowned him. Swiftly he sank under its shining weight into a deep realm of sleep* [Ibid.].

Можно сказать, что Толкин подготавливает читательское восприятие «Песни об Эарендиле» – приведенное описание чувств Фродо изобилует красочными, но неопределенными образами, отражающими состояние на грани сна и яви (*dreamlike*). Именно в таком «романтическом» и даже, как говорит Т. Шиппи, «китсеанском» состоянии (*in high Keatsian style* [Shippey, 1992. P. 174]) Фродо слышит сочиненную Бильбо песнь: *There he wandered long in a dream of music that turned into running water, and then suddenly into a voice. It seemed to be the voice of Bilbo chanting verses. Faint at first and then clearer ran the words* [Tolkien, 2012. Vol. 2. P. 24].

Фродо даже не уверен, действительно ли он слышит голос Бильбо (вряд ли такой же сладкозвучный, как голоса эльфов) – все это время он сидит с закрытыми глазами как бы во сне. Когда Бильбо спрашивает мнение племянника о своем сочинении, Фродо признается: *'It seemed to me to fit somehow, though I can't explain. I was half asleep when you began, and it seemed to follow on from something that I was dreaming about. I didn't understand that it was really you speaking until near the end'* [Tolkien, 2012. Vol. 2. P. 29]. Творчество Бильбо заслуживает высокую оценку и самих эльфов, которые даже просят хоббита исполнить песнь еще раз (что, по признанию самого Бильбо, происходит нечасто) [Ibid.]. Благодаря подобным оценкам персонажей Толкин словно бы моделирует предполагаемое читательское восприятие песни, которая, по замыслу писателя, должна имитировать эльфийскую поэзию настолько, насколько это возможно на английском языке.

При этом сама песнь внутри романа все же сочинена хоббитом Бильбо, выступающим, таким образом, своеобразным мостиком между обыденной реальностью читателя и неземным, «замыренным» искусством изображенного Толкином эльфийского народа (на посредническую функцию хоббитов не раз указывал тот же Т. Шиппи [Shippey, 1992. P. 209]), в чистом виде едва ли доступном человеческому пониманию. Это подкрепляется и тем, что песни эльфов, вводящие Фродо в волшебный транс, не приводятся напрямую. Только когда Фродо и Бильбо, решившие уединиться и побеседовать в тишине, покидают Каминный зал, звучит знаменитый гимн к Эльберет (*A Elbereth Gilthoniel...* [Tolkien, 2012. Vol. 2. P. 29]) или, что вероятнее, его фрагмент, приведенный уже на эльфийском языке, синдарине, – эти семь строк, в которых сосредоточено даже больше «эльфийскости», нежели во всей многострочной «Песни об Эарендиле», еще сильнее приближают читателя к ощущению эльфийской культуры, одновременно и отдаляя его (вместе с Фродо, который вскоре после этого уходит) от полного слияния с ней, и тем самым показывают его принципиальную невозможность. Это лишь одна из многих вариаций центрального толкиновского мотива – мотива постепенного ухода из мира красоты, волшебства и света.

В более широком контексте само положение песни становится особенно значимым: это первое стихотворное произведение, встречающееся во второй книге романа (т. е. во второй части первой книги, если обращаться к более привычному делению). Беря во внимание мифологическую глубину, особого рода возвышенность (не совсем, впрочем, героическую, а, скорее, элегическую) и даже длину, можно сказать, что «Песнь об Эарендиле» стилистически и тема-

тически подготавливает главу «Совет Эльронда» (A Council of Elrond), с которой начинается осязаемый переход в более мрачный, архаический мир высокой героики [Shippey, 1992. P. 107].

Стиховые особенности

Обращаясь уже непосредственно к тексту «Песни об Эарендиле», еще раз отметим исключительную версификационную сложность произведения, которая играет едва ли не решающую роль в создании упомянутого эффекта «богатой неопределенности» и имитирует эльфийскую поэзию, хотя и не принадлежит ни к одной из трех известных ее форм (verse modes) [Wynne, Hostetter, 2000]. Сам Толкин по-своему гордился изобретенной им стиховой формой [Tolkien, 1993. P. 162]. Ключевые ее особенности можно проследить на примере первой строфы:

Eärendil was a *mariner*
that *tarried* in Arvernien;
he built a boat of *timber felled*
in *Nimbrethil* to journey in...
her sails he wove of *silver fair*,
of *silver* were her lanterns made,
her prow was fashioned *like a swan*,
and *light upon* her banners laid.

(здесь и далее курсив и полужирный мой. – В. А.)

Курсивом выделены добавочные рифмы, связывающие конец нечетной строки с началом последующей четной. В большинстве своем эти рифмы составные (трехсложные) и чаще приближительные, ассонансные – в отличие от более точных концевых рифм в четных строках (полужирным выделены наиболее заметные созвучия). Получается, что начало четного стиха волнообразно «подхватывает» конец нечетного, создавая особый мелодический эффект, хорошо заметный при чтении. Особой выразительной силы этот эффект достигает, когда в соответствующих позициях оказываются имена собственные на созданных Толкином эльфийских языках – это дополнительно мотивирует потенциально незнакомые читателю слова в контексте стихотворения, ассоциативно проясняя их созвучием:

He saw the Mountain silent rise
where twilight lies upon the knees
of Valinor, and *Eldamar*
beheld afar beyond the seas.

(Эльдамар – на квенья «дом эльдар(ов)», высших эльфов, удаленный от Средиземья.)

В этой связи совершенно неудивительно, что «Песнь» «неким образом подходит» (*fit somehow*) к описанному выше состоянию Фродо; более того, можно утверждать, что это соответствие вызвано в первую очередь не «содержанием» (т. е. сюжетной канвой пересказываемого мифа), в котором Фродо – как и обычный, неподготовленный читатель – вряд ли может многое уяснить, а именно отмеченной эвфонической особенностью, или, скорее, гармонией звука, ритма и поэтического образа. Стало быть, сама стиховая форма произведения становится одной из ключевых его черт – а значит, существенно важна для воспроизведения в переводе.

2. Проблемы перевода «Песни об Эарендиле» (на примере русскоязычных переводов)

На русский язык «Песнь об Эарендиле» переводилась неоднократно – как вместе с романом «Властелин Колец», так и помимо него (чаще в любительских переводах). Переводчики демонстрировали разные подходы, однако в большинстве переводов заметна скорее тенденция к адаптирующему переводу. Множественность переводов позволяет говорить о достаточном *первоначальном* знакомстве русского читателя со стихотворением (и, соответственно, с романом) и вызывает необходимость знакомства более пристального, даже буквального – в понимании М. Л. Гаспарова, который писал: «Буквализм – не бранное слово, а научное понятие. Тенденция к буквализму – не болезненное явление, а закономерный элемент в структуре переводной литературы. Нет золотых середин и нет канонических переводов «для всех». Есть переводы для одних читателей и есть переводы для других читателей. Классические произведения мировой литературы – особенно чужих нам цивилизаций – заслуживают того, чтобы существовать на русском языке в нескольких вариантах: для более широкого и для более узкого круга читателей» [Гаспаров, 1988. С. 61]. В этом смысле по отношению к переводу «Песни об Эарендиле» кажется уместным «очуждающий» подход к переводу, при котором, по выражению Ф. Шлейермахера, «оставляет в покое автора и заставляет читателя двигаться ему навстречу» [Шлейермахер, 2000. С. 134]. Именно в соответствии с таким подходом автором исследования был выполнен перевод этого стихотворения, приведенный в конце статьи.

В настоящей статье мы рассмотрим несколько наиболее значимых переводов – прежде всего с точки зрения трансформации стиховых особенностей, которые становятся, как было показано, одной наиболее существенных черт поэтики самого стихотворения и неразрывно связаны с контекстом исполнения этого произведения внутри романа. Таким образом, относительным критерием верности (коль скоро по отношению к поэтическому переводу нет и не может быть универсального критерия [Эткинд, 1963. С. 39]) здесь будет выступать именно эквивалентность ритма и эвфонических средств, в первую очередь – рассмотренной ранее добавочной рифмы в виде тройных ассонансов. Это также влечет за собой необходимость эквилинеарного перевода – или, во всяком случае, сохранение количества строк и объема строф.

При этом, разумеется, не меньшую важность приобретает сколь возможно точное воспроизведение деталей и образов, существенных для истории плавания Эарендила, каким оно представлено в этом стихотворении. Особой задачей в этом смысле становится сохранение имен собственных, имеющих, как было показано, и эвфонический потенциал, а значит важных для воссоздания эквивалентного мелодического эффекта.

Перевод А. Кистяковского (к переводу А. Кистяковского и В. Муравьева)

К переводу стихотворений из «Властелина Колец» А. А. Кистяковский (он перевел все стихотворения из первого тома романа) подходил с довольно большой степенью свободы. С одной стороны, это связано с неполным знанием переводчиком деталей авторской мифологии Толкина, а с другой – проистекает из общего вольного подхода А. Кистяковского к поэтическому переводу, противоположного принципам его коллеги по переводу В. Муравьева. Сам В. Муравьев, по словам его сына, считал, что «в развесело-разухабистых переводах Самуила Яковлевича Маршака многое потеряно, а переводы Кистяковского отчасти следуют этой традиции» [Муравьев, 2012].

Особенности такого переводческого подхода можно проследить уже на первой строфе «Песни об Эарендиле».

Оригинал

Eärendil was a mariner
that tarried in Arvernien;
he built a boat of timber felled
in Nimbrenthil to journey in;
her sails he wove of silver fair,
of silver were her lanterns made,
her prow was fashioned like a swan,
and light upon her banners laid.

Перевод А. Кистяковского

В Арверниэне свой корабль
сооружал Эарендил;
на Нимбретильских берегах
он корабельный лес рубил;
из шелкового серебра
соткал, сработал паруса
и серебристые огни
на прочных мачтах засветил;
а впереди, над рябью волн,
был лебедь гордый вознесен,
венчавший носовой отсек.
[Толкин, пер. Кистяковского, Муравьева,
2015. С. 257]

Нетрудно заметить, что перевод на три строки длиннее, т. е. оригинальная строфика (каждая строфа состоит из нескольких четверостиший) не соблюдается, причем в обе стороны – некоторые из последующих строф в переводе короче (например, третья). Разумеется, говорить о последовательном воспроизведении эвфонических особенностей оригинала также не приходится.

А. Кистяковский свободно чередует рифмы разной степени точности, довольно редко связывая конец нечетной строки с началом четной ассонансами, как в оригинале. Иногда возникающие одиночные созвучия вроде «берегах – он корабельный» или «засветил – а впереди» стоит считать скорее исключениями, чем повторяющимся принципом; впрочем, на протяжении всего текста перевода чаще эти ассонансы приходится на начало строф, ср. напр. начало седьмой строфы (в оригинале она шестая): «Пришелец был переодет / В одежды эльфов, белый цвет / искрился на его плечах, / а эльфы, снявши свой запрет...» [Толкин, пер. Кистяковского, Муравьева, 2015. С. 259]].

В целом же схема рифмовки первой строфы такова: *abcdbdebffg* (курсивом выделена пара приблизительных рифм). В последующих строфах она не повторяется – возможно, отчасти как раз благодаря такой неустойчивости формы, переводчику удается достичь упомянутой «неопределенности», однако средствами, противоположными оригиналу. С большой художественной выразительностью воссоздавая оригинальные образы, А. Кистяковский нередко изменяет, добавляет или опускает детали. Так, например, из процитированных выше строк о лебеде, «венчавшем носовой отсек» (в оригинале это одна строка: *her prow was fashioned like the swan*) следует, что лебедь был носовой фигурой, тогда как оригиналом скорее предполагается, что сам нос корабля был в форме лебедя или лебединой шеи. *Prow* также можно понять расширительно – как судно вообще, т. е. весь корпус корабля был в виде лебедя. В переводе А. Кистяковского встречаются и более значительные смысловые трансформации, и общее впечатление от него (и в особенности фоноэстетическое) трудно назвать сопоставимым с оригинальным.

Перевод И. Гриншпуна (к переводу романа Н. Григорьевой и В. Грушецкого)

Переводам И. Б. Гриншпуна свойственна особенная выверенность стиха, внимание к оригинальной строфике, в некоторых случаях доходящая до эквилинеарности. При этом нередко переводчик приводит текст к более простым и традиционным для русской стиховой культуры формам, нейтрализуя некоторые характерные метрические или фонетические особенности оригинала. Так, например, произошло с аллитерационной поэзией из «Властелина Колец», все образцы которой И. Гриншпун силлабизировал до четырехстопного амфибрахия и опустил аллитерацию (см. напр. «Из Дунхарга утром ненастного дня...» [Толкин, пер. Григорьевой, Грушецкого, 2002. С. 837]). В его переводе «Песни об Эарендиле» тоже происходит подобная нейтрализация стиховой формы.

Оригинал

Eärendil was a mariner
that tarried in Arvernien;
he built a boat of timber felled
in Nimbethil to journey in;
her sails he wove of silver fair,
of silver were her lanterns made,
her prow was fashioned like a swan,
and light upon her banners laid.

Перевод И. Гриншпуна

Для странствий судно создавал
Скиталец вод Эарендил;
Он прочный остов воздвигал,
Борта и мачты возводил,
Ткал паруса из серебра,
Крепил огни – светить в пути;
Подобьем лебедя была
Резная грудь его ладьи.

[Толкин, пер. Григорьевой, Грушецкого, 2002. С. 391]

Этот фрагмент перевода соответствует оригинальному по числу строк, метру и типу основной рифмовки: И. Гриншпун сохраняет четырехстопный ямб с мужскими окончаниями, как и рифмы в четных строках (почти все точные), однако никак не воспроизводит отмеченные добавочные ассонансы. Простую звукопись, которой богат перевод Гриншпуна (и которая, разумеется, есть и в оригинале помимо тройных ассонансов), не становится их аналогом, поскольку не следует какой-либо повторяющейся схеме. В результате оригинальный эвфонический эффект оказывается во многом утрачен.

Следует также отметить, что в этом переводе также утеряны некоторые важные детали, что видно уже из приведенного отрывка. В нем опущены топонимы Арверниэн (название земель у Нимбретиль) и собственно Нимбретиль (березовый лес у залива Балар) – при этом в нескольких подробностях описано создание судна. Легкая тенденция к замене конкретных, но семантически непрозрачных для читателя имен на более доступные апеллятивы заметна на протяжении всего текста (она проявляется также в деонимизации, ср. напр. «От скрежетанья ломких льдов» [Там же. С. 382]; в оригинале – «From gnashing of the Narrow Ice»). Это ведет к частичному нарушению «богатой неопределенности»; текст становится более понятным читателю, чем предполагается оригиналом, а значит не вполне вписывается в обозначенный контекст романа и не до конца соответствует состоянию Фродо. Вкупе с упрощением поэтической формы это не позволяет считать перевод И. Б. Гриншпуна эквивалентным оригиналу.

Перевод С. Степанова (к переводу М. Каменкович и В. Каррика)

Создатели единственного комментированного перевода «Властелина Колец» были хорошо знакомы с мифологией Толкина, а также со знаковой для мировой толкинистики монографией Т. Шиппи «Дорога в Средьземелье» (которую также переводили). В этой связи переводам С. А. Степанова, переложившего часть стихотворений из «Властелина Колец», свойственно пристальное отношение к оригинальным образам, знание истории, стоящей почти за каждым именем и при этом внимание к поэтической форме. Не исключением стала и «Песнь об Эарендиле».

Оригинал

Eärendil was a mariner
that tarried in Arvernien;
he built a boat of timber felled
in Nimbethil to journey in;
her sails he wove of silver fair,
of silver were her lanterns made,
her prow was fashioned like a swan,
and light upon her banners laid.

Перевод С. Степанова

Эарендил был мореход;
он для далеких плаваний
ладью построил **верную**
в Арверниэнской гавани.
Серебряными **нитями**
огнистый парус вышел он,
и белогрудым лебедем
бесстрашно в море вышел он.
[Толкин, пер. Каменкович, Каррик, 2015. С. 287].

Уже из первой строфы видно, что переводчик стремится передать созвучие конца нечетной строки с началом четной, пусть не везде и в основном одиночными, однако довольно точными ассонансами. В первом из переводческих комментариев к стихотворению сказано, что «В переводе предпринята попытка сохранить особенности оригинала – приблизительные рифмы, обилие рифм внутренних (часто более точных, чем рифмы в конце строк), трехсложный размер с одними женскими рифмами и т. д.» [Там же. С. 1535]. Хотя обозначение размера стихотворения как «трехсложного, с одними женскими рифмами» некорректно, переводчик точно воспроизводит метр и особенности рифмовки. Выбор дактилического окончания для большинства четных строк не идет вразрез с оригиналом, в котором третья ударная позиция зачастую действительно оказывается сильнее, так что местами четырехстопный ямб с мужскими окончаниями можно воспринять как трехстопный с дактилическими [Russom, 2000. Р. 59–60].

С другой стороны, дактилические окончания характерны для русского фольклорного стиха (в особенности эпического) [Гаспаров, 2012. С. 18], и регулярное повторение их, пусть даже в чередовании с мужскими клаузулами, может вызвать у русского читателя устойчивую (и, разумеется, совершенно нерелевантную по отношению к тексту) ассоциацию с былинным или духовным стихом – в особенности когда попадает на прилагательные (напр. «Треща, сдвигался Вечный Лед, / крутились бури снежные; / кругом просторы темные, / огромные, безбрежные...»). Такие ассоциации эпизодически подкрепляются на лексическом уровне («От Вечносумеречных Гор / лампадой ясноликою...», «стезю присновысокую / навек она дала ему» и проч.), что может несколько исказить читательское восприятие произведения и навязать слишком явную христианскую символику (известно, что В. Каррик и М. Каменкович сознательно «христианизировали» свой перевод [Семенова]). Впрочем, последовательное, пусть и неполное воспроизведение стиховой формы (в частности, эвфонических особенностей) в переводе С. Степанова, все же может считаться частично эквивалентным оригиналу.

Перевод В. Г. Тихомирова

(под псевдонимом В. Воседой, к переводу В. Волковского и Д. Афиногенова)

Переводы стихов из «Властелина Колец», выполненные В. Г. Тихомировым, отмечены особым вниманием переводчика к мелодике и звуковой ткани стиха. Так, только в его переводе аллитерационные стихотворения из романа остаются, собственно, аллитерационными (разумеется, немаловажную роль здесь играет переводческий опыт В. Г. Тихомирова, в особенности переведенный им «Беовульф» и избранные песни «Старшей Эдды»). Своеобразным образом это отразилось и на «Песни об Эарендиле».

Оригинал	Перевод В. Г. Тихомирова
Eärendil was a mariner that tarried in Arvernien; he built a boat of timber felled in Nimbrenthil to journey in; her sails he wove of silver fair, of silver were her lanterns made, her prow was fashioned like a swan, and light upon her banners laid.	Свою ладью Эарендил В Арверниене ладил сам: Сам корабельный лес валил По Нимбретильским по лесам, Соткал он сам на паруса Серебряную полосу; Стяг на ладье серебряный был И лебедь на носу. [Толкин, пер. Волковского, Афиногенова, 2007. С. 382]

С первых же двух строк в глаза бросается корневое созвучие, характерное именно для аллитерационной поэзии в русских переводах того же В. Г. Тихомирова и А. И. Корсуна (далее в тексте перевода встречаются другие примеры подобных аллитераций: ср. напр. «И башенки узорные / **Глядятся в гладь** озерную» [Там же. С. 384]); отдельные строки отмечены сгущением звукописи (Соткал он **сам** на паруса), в дальнейшем нередко перерастающей во внутрен-

ную рифму. В некоторых случаях В. Г. Тихомиров придерживается оригинальной ассонансной рифмовки, как правило, подчеркивая ее большей точностью (хотя и не делая составной):

*И вот, от северной земли
Вдали скитается герой,
Он под звездой и при луне,
Как бы во сне, плывет порой*
[Там же. С. 383].

Местами переводчик усложняет рифмовку, связывая смежные четверостишия – это заметно и в приведенной первой строфе, довольно сильно зарифмованной (схема рифмовки: ababbccas). При этом В. Г. Тихомиров, в отличие от С. Степанова или И. Гриншпуна, не придерживается четкой, повторяющейся схемы – в этом его стратегия схожа с подходом А. Кистяковского. При этом В. Г. Тихомирову удается сохранить почти все имена и выразительно передать образы – иногда, впрочем, сгущая и излишне гиперболизируя; так, например, Эарендил (sic) назван «ничтожным рабом земли», чему в оригинале прямого и даже косвенного соответствия нет, и что, пожалуй, несколько нарушает образ героя «Песни». Тем не менее перевод В. Г. Тихомирова можно считать фоноэстетически более адекватным оригиналу при меньшей эквивалентности общей поэтической формы, нежели у С. Степанова.

Заключение и перевод автора статьи

Рассмотрев четыре перевода «Песни об Эарендиле», можно прийти к выводу, что стиховые особенности оригинала все же не получают полноценного отражения в переводе (хотя перевод С. Степанова в этом отношении оказывается формально ближе остальных), а значит основная переводческая проблема по отношению к этому тексту еще не решена. Решение ее остается задачей будущих переводов романа «Властелин Колец», необходимость которых не вызывает сомнений.

В заключение автор статьи хотел бы предложить свой перевод этого стихотворения, нацеленный именно на воспроизведение его формальных особенностей и в первую очередь добавочных ассонансов. Конечно, ради этого приходится местами жертвовать естественностью («моремемер» в самой первой строке вместо более привычного «морехода»); кроме того, большинство ассонансов все-таки двусложные, а не трехсложные (отчасти это компенсируется точными рифмами). Тем не менее, автор статьи надеется, что такая попытка все же иллюстрирует возможность создания метрически и эвфонически эквивалентного перевода «Песни об Эарендиле» на русском языке.

Song of Earendil – оригинал

Eärendil was a mariner
that tarried in Arvernien;
he built a boat of timber felled
in Nimbethil to journey in;
her sails he wove of silver fair,
of silver were her lanterns made,
her prow was fashioned like a swan,
and light upon her banners laid.

In panoply of ancient kings,
in chainéd rings he armoured him;
his shining shield was scored with runes

Песнь об Эарендиле – перевод

Был Эарендиль моремемер,
в Арверниэнской гавани
он из деревьев Нимбретиль
ладью срубил для плаваний;
вид лебедя придал он ей,
ветрило серебром расшил,
висели оборт фонари,
во флагах луч зари застыл.

Облекся в латы королей:
старинных дней броня его,
а щит был рунами убран,

to ward all wounds and harm from him;
his bow was made of dragon-horn,
his arrows shorn of ebony;
of silver was his habergeon,
his scabbard of chalcedony;
his sword of steel was valiant,
of adamant his helmet tall,
an eagle-plume upon his crest,
upon his breast an emerald.

Beneath the Moon and under star
he wandered far from northern strands,
bewildered on enchanted ways
beyond the days of mortal lands.
From gnashing of the Narrow Ice
where shadow lies on frozen hills,
from nether heats and burning waste
he turned in haste, and roving still
on starless waters far astray
at last he came to Night of Naught,
and passed, and never sight he saw
of shining shore nor light he sought.
The winds of wrath came driving him,
and blindly in the foam he fled
from west to east and errandless,
unheralded he homeward sped.

There flying Elwing came to him,
and flame was in the darkness lit;
more bright than light of diamond
the fire upon her carcanet.
The Silmaril she bound on him
and crowned him with the living light
and dauntless then with burning brow
he turned his prow; and in the night
from Otherworld beyond the Sea
there strong and free a storm arose,
a wind of power in Tarmenel;
by paths that seldom mortal goes
his boat it bore with biting breath
as might of death across the grey
and long forsaken seas distressed;
from east to west he passed away.

Through Evernight he back was borne
on black and roaring waves that ran
o'er leagues unlit and foundered shores
that drowned before the Days began,
until he heard on strands of pearl

от разных ран храня его;
был в лук драконий рог согбен,
пошел эбен на древки стрел,
нагрудник – в серебре явлен,
на ножнах халцедон пестрел;
был тверд его клинок стальной,
шелом литой – алмазных руд,
и гребень из орлиных крыл,
в груди искрился изумруд.

Морскую даль он бороздил
в луче светил и под Луной,
в заклятых путаясь путях,
забыв о днях стези земной.
Он скрежетанье Тесных Льдов,
где тень – покров для стылых скал,
пустынь, где жара тяжек гнет, –
минул, но вот, он заплутал
в беззвездных водах далеко,
волной влеком, в Ночную Тьму
заплыл – не увидеть вовек
ни белый брег, ни свет ему.
Поднялся ураган жесток,
впотьмах к востоку повернуть
пришлось скитальцу, и без сил
он вспять стремил безвестный путь.

Но Эльвинг на крыле к нему
слетела; тьму огонь прогнал,
светлее адаманта он
в кулоне у нее пылал.
И возложила Сильмариль,
и озарили лоб лучи,
и взялся за правило он,
вновь силы полн; тогда в ночи
из Мира за Морем, велик,
свободен, дик, – явился шквал,
могучий ветер с Тарменель;
в края, где смертный не бывал,
повлек ладью через валы,
лишь мертвой мглы был полог снят
и мрак морей рассеян был;
и се – отплыл он на закат.

В Бездонной Тьме корабль мчал,
вокруг, рыча, чернел бурун
над берегом, что почил в бою
с пучиною до Первых лун.
Но вот, на взморье, где прибой

where ends the world the music long,
where ever-foaming billows roll
the yellow gold and jewels wan.
He saw the Mountain silent rise
where twilight lies upon the knees
of Valinor, and Eldamar
beheld afar beyond the seas.
A wanderer escaped from night
to haven white he came at last,
to Elvenhome the green and fair
where keen the air, where pale as glass
beneath the Hill of Ilmarin
a-glimmer in a valley sheer
the lamplit towers of Tirion
are mirrored on the Shadowmere.

He tarried there from errantry,
and melodies they taught to him,
and sages old him marvels told,
and harps of gold they brought to him.
They clothed him then in elven-white,
and seven lights before him sent,
as through the Calacirian
to hidden land forlorn he went.
He came unto the timeless halls
where shining fall the countless years,
and endless reigns the Elder King
in Ilmarin on Mountain sheer;
and words unheard were spoken then
of folk of Men and Elven-kin,
beyond the world were visions showed
forbid to those that dwell therein.

A ship then new they built for him
of mithril and of elven-glass
with shining prow; no shaven oar
nor sail she bore on silver mast:
the Silmaril as lantern light
and banner bright with living flame
to gleam thereon by Elbereth
herself was set, who thither came
and wings immortal made for him,
and laid on him undying doom,
to sail the shoreless skies and come
behind the Sun and light of Moon.

From Evereven's lofty hills
where softly silver fountains fall
his wings him bore, a wandering light,

клубит волной, топаз, опал
и золото, и перл катя,
напев протяжный зазвучал.
Гора воздвиглась в синеве –
то тени вечера легли
на Валинор, и Эльдамар
узрел он маревом вдали.
Так странник прибыл наконец,
ночей беглец, ко пристани
в Край эльфов, зелен и лучист,
там воздух чист, стеклисто свет,
что у Горы, где Ильмарин,
в глубин долины блестя меж гор,
струит из башен Тирион,
перетворен окном озер.

Там отдыхал он от пути
и песни дивные учил,
и мудрецам внимал, и в дар
златые арфы получил.
Его в эльфийски-белый цвет
одежи – свет семи огней
по Калакириану влек
к чертогам за пределом дней.
Вступил он в безначальный Зал,
что озарял бесчисленно лет,
бессменным Королем храним,
весь Ильмарин, Горы дворец;
тогда без слов был изречен
судьбы Племен обширный сказ,
в виденьях участь претворя
запретных, для замирных глаз.

Корабль он наново обрел,
борта и гол – все из стекла
эльфийского, а нос – митриль,
но без ветрила и весла:
и светочем стал Сильмариль,
и флаг хранил живой пожар,
возженный Эльберет самой,
своей рукой явила в дар
скитальцу вечные крыла
и обрекла его на рок:
в безбрежной тверди впредь утра
за Солнцем править путь высок.

Тогда с Холмов Вечерних он,
где вечен звон серебристых струй,
над стенами Охранных Гряд,

beyond the mighty Mountain Wall.
 From a World's End there he turned away,
 and yearned again to find afar
 his home through shadows journeying,
 and burning as an island star
 on high above the mists he came,
 a distant flame before the Sun,
 a wonder ere the waking dawn
 where grey the Norland waters run.

And over Middle-earth he passed
 and heard at last the weeping sore
 of women and of elven-maids
 in Elder Days, in years of yore.
 But on him mighty doom was laid,
 till Moon should fade, an orbéd star
 to pass, and tarry never more
 on Hither Shores where Mortals are;
 for ever still a herald on
 an errand that should never rest
 to bear his shining lamp afar,
 the Flammifer of Westernesse.

воспрянул, искрою сверкнув.
 От Края Мира прочь влеком,
 далекий дом он захотел,
 увидеть, проникая мрак;
 взмерцал он, как звезда, взлетел
 и устремил из мглы небес
 огонь чудес предзоровых,
 свет нерожденного утра,
 на Север, к Странам вод седых.

Парил над Средиземьем он,
 эльфийских жен и дев людей
 слышал плач, что не смолкал
 в лета начал, средь Древних Дней.
 Но гнел его могучий рок,
 и он не мог на Здешний брег,
 юдоль смертей, сойти – пока
 Луна ярка и долог век.
 И так без устали плывет
 все вдаль, звездою осяян,
 предвестник света – навсегда
 Пламенедар Закатных Стран.

Список литературы

- Гаспаров М. Л.** Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012.
- Гаспаров М. Л.** Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С. 29–62.
- Лебедева Е. А.** Ономастикон произведения Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец»: структурный, семантический и функциональный аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2006.
- Семенова Н. Г.** «Властелин Колец» в зеркале русских переводов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/semenova.shtml> (дата обращения: 20.01.2023).
- Эткинд Е. Г.** Поэзия и перевод. М.-Л.: Советский писатель, 1963.
- Шлейермахер Ф.** О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2000. № 2. С. 127–145.
- Bartoňková, D.** Prosimetrum, The Mixed Style, in Tolkien's Work The Lord of the Rings // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university, 2008. № 13. Pp. 5–21.
- Kullman, T.** Poetic Insertions in Tolkien's The Lord of the Rings // Connotations. Vol. 23. 2013/2014. № 2. Pp. 283–309.
- Le Guin, U. K.** Rhythmic Pattern in The Lord of the Rings / Meditations on Middle-earth: New Writing on the Worlds of J.R.R. Tolkien / ed. K. Haber. New York, St. Martin's Press, 2001. Pp. 101–116.
- Russom, G.** Tolkien's Versecraft in The Hobbit and The Lord of the Rings / J. R. R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-earth / ed. G. Clark, D. Timmons. Westport, CT, Greenwood Press, 2000. Pp. 53–69.
- Shippey, T. A.** The Road to Middle-earth. L.: HarperCollins, 1992.
- Turner, A.** Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings [text]. Frankfurt am Main: Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2005.
- Wynne, P.; Hostetter, C. F.** Three Elvish Verse Modes: Ann-thennath, Minlamad thent / estent, and Linnod. // Tolkien's Legendarium: Essays on The History of Middle-earth. Greenwood Press, 2000. Pp. 113–120.

Список источников

- Tolkien, J. R. R.** The Lord of The Rings. In 7 volumes. London, HarperCollins, 2012.
- Tolkien, J. R. R.** The Letters / ed. H. Carpenter. London, HarperCollins, 1995.
- Tolkien, J. R. R.** The Treason of Isengard / ed. Ch. Tolkien. London, HarperCollins, 1993.
- Муравьев А. В.** Интервью 12.12 [Электронный ресурс] // Нескучный сад, №1(72), 2012. URL: <http://www.nsad.ru/articles/tolkien-ostavil-podrobnye-rekomendacii-cto-i-kak-perevodit> (дата обращения: 14.12.2022).
- Толкин Дж. Р. Р.** Властелин Колец / Пер. с англ. А. Кистяковского, В. Муравьева. М.: АСТ, 2015.
- Толкин Дж. Р. Р.** Властелин Колец / Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 187–1131.
- Толкин Дж. Р. Р.** Властелин Колец / Пер. с англ., предисл., коммент. М. Каменкович, В. Каррика. М.: АСТ, 2015.
- Толкин Дж. Р. Р.** Властелин Колец / Пер. с англ. В. Волковского, Д. Афиногенова / Толкин Дж. Р. Р. Полная история Средиземья. М.: АСТ; СПб.: TerraFantastica, 2007.

References

- Gasparov, M. L.** Metre and Sense. Moscow, Fortunal EL, 2012. (in Russ.) **Gasparov, M. L.** Bryusov and Literalism // The Poetics of Translation. Moscow, Raduga, 1988. Pp. 29–62. (in Russ.)
- Lebedeva, E. A.** The Onomasticon of the Lord of the Rings by J. R. R. Tolkien: structural, semantical and functional aspects. Abstract dissertation for Candidate of Philological Sciences degree seeking applicant. 10.02.19. Rostov-on-Don, 2006. (in Russ.)
- Semenova, N. G.** *The Lord of the Rings* in the Mirror of Russian Translations. [Online]. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/semenova.shtml> (accessed on: 20.01.2023). (in Russ.)
- Etkind, E. G.** Poetry and Translation. Moscow, Leningrad, Soviety pisatel, 1963. (in Russ.)
- Schleiermacher, F.** On the Different Methods of Translating // Vestnik Moskovskogo universiteta. Vol. 9: Philology. 2000. No. 2. Pp. 127–145. (in Russ.)
- Bartoňková, D.** Prosimetrum, The Mixed Style, in Tolkien's Work The Lord of the Rings // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university, 2008. No. 13. Pp. 5–21.
- Kullman, T.** Poetic Insertions in Tolkien's The Lord of the Rings // Connotations. Vol. 23. 2013/2014. No. 2. Pp. 283–309.
- Le Guin, U. K.** Rhythmic Pattern in The Lord of the Rings / Meditations on Middle-earth: New Writing on the Worlds of J.R.R. Tolkien / ed. K. Haber. New York: St. Martin's Press, 2001. Pp. 101–116.
- Russom, G.** Tolkien's Versecraft in The Hobbit and The Lord of the Rings / J. R. R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-earth / ed. G. Clark, D. Timmons. Westport, CT: Greenwood Press, 2000. Pp. 53–69.
- Shippey, T. A.** The Road to Middle-earth. L.: HarperCollins, 1992.
- Turner, A.** Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings [text]. Frankfurt am Main: Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2005.
- Wynne, P.; Hostetter, C. F.** Three Elvish Verse Modes: Ann-thennath, Minlamad thent / estent, and Linnod. // Tolkien's Legendarium: Essays on The History of Middle-earth. Greenwood Press, 2000. Pp. 113–120.

List of Sources

- Tolkien, J. R. R.** The Lord of The Rings. In 7 volumes. London, HarperCollins, 2012.
- Tolkien, J. R. R.** The Letters / ed. H. Carpenter. London: HarperCollins, 1995.

- Tolkien, J. R. R.** The Treason of Isengard / ed. Ch. Tolkien. London, HarperCollins, 1993.
- Muraviev, A. V.** Interview from 12.12 [Online] // Neskuchny sad, №1(72), 2012. URL: <http://www.nsad.ru/articles/tolkien-ostavil-podrobnye-rekomendacii-cto-i-kak-perevodit> (accessed on: 14.12.2022). (in Russ.)
- Tolkien, J. R. R.** The Lord of the Rings / translation by A. Kistyakovsky, V. Muraviev. Moscow, AST, 2015. (in Russ.)
- Tolkien, J. R. R.** The Lord of the Rings / translation by N. Grigorieva, V. Grushetsky. St. Petersburg, Azbuka-classika, 2002. Pp. 187-1131. (in Russ.)
- Tolkien, J. R. R.** The Lord of the Rings / translation by M. Kamenkovich, V. Karrik. Moscow, AST, 2015. (in Russ.)
- Tolkien, J. R. R.** The Lord of the Rings / translation by V. Volkovsky, D. Afinogenov. Moscow, AST; St. Petersburg, TerraFantastica, 2007. (in Russ.)

Информация об авторе

Афанасьев Владимир Алексеевич, аспирант, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Information about the Author

Vladimir A. Afanasev, post-graduate student, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod)

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 12.05.2023*

*The article was submitted 01.03.2023;
approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 12.05.2023*

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей
Список источников
References
List of Dictionaries
List of Sources
Информация об авторах/Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст./Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных)

шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенных для этого редколлегий сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы иссле-

дования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгруппированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23

E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru